403

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Выпускъ 1-й.

Развитіе формъ хозяйственной жизни.

Э. Бернштейна.

ЭКСПРОПРІАЦІЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ.

С. Піотровскаго.

Выпускъ 2-й.

ФРАНЦУЗСКАЯ ПЕЧАТЬ ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Г. Кунова.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“
ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., № 40.
1907.

Политич., истор. и попул.-научная „БИБЛІОТЕКА для САМОРАЗВИТІЯ“.
Выпуски 5—6.

К-1

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ
Общество
СТРАХОВАНІЙ,

учрежденное въ 1858 году,

ПРИНИМАЕТЪ СТРАХОВАНІЯ:

ЖИЗНИ,

отъ ОГНЯ

и

отъ несчастныхъ случаевъ.

Правленіе Общества находится:

Въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., соб. д. № 5
Отдѣленіе О-ва для С.-Петербурга находится по Невскому пр., № 66.
Агентства во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи.

1387 П/82

HX72
.P66
1907
vyp. 1-2

Развитіе формъ хозяйственной жизни.

Э. Бернштейна.

ПЕРЕВОДЪ
К. Л. Львова.

RAZVITIE FORM
KHOZIAĬSTVENNOĬ
ZHIZNI

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., № 40.
1907.

LATVIJAS BIBLIOTĒKA
VALSTS

Различіе между человѣкомъ и животнымъ состоитъ въ томъ, что первый дѣйствуетъ предусмотрительно, а животное обыкновенно заботится только объ удовлетвореніи своихъ непосредственныхъ потребностей, ощущаемыхъ имъ въ данный моментъ. Нѣсколько болѣе развитую предусмотрительность въ отношеніи заготовленія запасовъ пищи мы встрѣчаемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, у нѣкоторыхъ видовъ животныхъ, у которыхъ можно признать наличность своего рода хозяйства. Вообще же, у животныхъ отсутствуетъ хозяйственная предусмотрительность и планомѣрность въ добываніи пищи. Впрочемъ, и человѣкъ обладаетъ этими качествами не на всѣхъ ступеняхъ своего развитія. Дикари, напримѣръ, нерѣдко бываютъ менѣе предусмотрительны, чѣмъ нѣкоторыя животныя. Многія дикія племена настолько не освоились съ хозяйственною предусмотрительностью, что, соприкоснувшись съ цивилизаціей и перенявъ отъ нея нѣкоторое стремленіе къ такой предусмотрительности, тотчасъ же утрачиваютъ всю свою жизнерадостность, вытекавшую изъ ихъ беззаботности. Дикарь веселъ и доволенъ, какъ ребенокъ, хотя бы и имѣлъ много поводовъ для огорченія. Дикій человѣкъ ѣстъ весь день, до пресыщенія, ѣстъ до тѣхъ поръ, пока, объѣвшись, не заснетъ. Онъ поглощаетъ все, что подвернется подъ руку изъ съѣдобнаго, а потомъ блуждаетъ по цѣлымъ днямъ голоднымъ, пока снова не отыщетъ чего-либо для утоленія своего голода. Поэтому цивилизован-

ный человѣкъ считаетъ дикарей совершенными лѣнтяями, которыхъ принудить къ труду можетъ лишь окончательная крайность. Между тѣмъ дикарь принужденъ работать не меньше, чѣмъ цивилизованный человѣкъ, чтобы добыть себѣ пропитаніе; но трудъ его лишенъ плана, какой-либо систематичности, и потому не можетъ быть признанъ трудомъ хозяйственнымъ. Лишь въ томъ періодѣ развитія, когда человѣкъ начинаетъ вырабатывать первыя формы общественной жизни, онъ начинаетъ также вести хозяйство, т. е. планомѣрное добываніе матеріальныхъ благъ.

Откуда же онъ получаетъ ихъ? Ихъ доставляетъ ему природа—земля, ея плоды и міръ животныхъ.

Природа и ея сила даютъ также человѣку средства для обработки сырыхъ продуктовъ. Поэтому Карлъ Марксъ смотрѣлъ на хозяйство, какъ на одинъ изъ результатовъ отношенія человѣка къ природѣ.

I.

Раздѣленіе хозяйственныхъ формъ.

Какую форму хозяйства можно признать наипростѣйшею?

Такая форма хозяйства сводится къ переработкѣ въ цѣляхъ пользованія тѣхъ благъ, которыми одаряетъ насъ природа. Для этого необходимъ уже трудъ, тогда какъ охота и собираніе плодовъ, которые тутъ же потребляются, не могутъ въ строгомъ значеніи этого слова называться работой. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ хозяйствомъ возникаетъ трудъ, который развивается все больше въ области этого хозяйства.

Какова цѣль хозяйства? Хозяйствомъ мы называемъ предусмотрительную дѣятельность, направлен-

ную къ накопленію пищевыхъ продуктовъ, какъ первой потребности человѣка, къ сооруженію жилища, для защиты отъ непогоды и хищныхъ животныхъ, къ выработкѣ одежды и оружія для самообороны, оружій производства, приспособленій для сохраненія и обработки продуктовъ, а также предметовъ роскоши и украшеній, изъ которыхъ, на высшихъ ступеняхъ развитія, возникаетъ искусство.

Занятія эти обнимаютъ всю область хозяйственной дѣятельности людей.

Разнородность цѣлей, преслѣдуемыхъ хозяйственною дѣятельностью, очевидна; намъ нѣтъ поэтому надобности перечислять ихъ и классифицировать. Мы можемъ сразу перейти къ слѣдующему вопросу: о размѣрахъ хозяйства.

Хозяйства считаются большими или малыми, соотвѣтственно числу людей, трудящихся въ нихъ.

На извѣстной ступени развитія человѣческое хозяйство становится народнымъ, т. е. хозяйствомъ цѣлаго народа, который можетъ вести его либо на основѣ общиннаго владѣнія, либо составить свое хозяйство изъ большого числа частныхъ хозяйствъ.

Національное хозяйство ведетъ народъ, т.е. большое число людей, объединенныхъ не только родствомъ, но и общею исторіею, общимъ хозяйствомъ, нѣкоторыми общими интересами и сходствомъ воззрѣній; поэтому народное хозяйство возникаетъ и существуетъ только на довольно высокой ступени развитія человѣчества. Какъ ни ограничены наши свѣдѣнія о первобытныхъ людяхъ, однако, основываясь на изученіи быта дикихъ народовъ, можно признать вполнѣ правдоподобнымъ, что на первыхъ стадіяхъ своего развитія люди жили разбросанными группами, такъ что о народности и народномъ хозяйствѣ въ тѣ времена не можетъ быть и рѣчи. Теоретики экономической науки, со времени возникновенія этой

отрасли знанія, всегда старались раздѣлять и различать степени развитія хозяйственной жизни соотвѣтственно извѣстнымъ, точно намѣченнымъ признакамъ. Такимъ образомъ въ хозяйственной жизни человѣчества были разграничены области хозяйничанья: натуральная, денежная и кредитная. Знаменитый германскій экономистъ Фридрихъ Листъ ввелъ иное подраздѣленіе, различающее пять фазисовъ развитія человѣчества. Первою формою хозяйства онъ считаетъ охоту и рыболовство.

Прежде всего,—говоритъ онъ,—люди, наряду съ собираніемъ плодовъ, производимыхъ землею, начинаютъ добывать себѣ пропитаніе при помощи охоты и рыбной ловли. Вторымъ фазисомъ развитія Листъ считаетъ скотоводство, когда человѣкъ самъ пасетъ стада, доставляющія ему пищу.

Пастушеская форма хозяйства, очевидно, выше первобытной, при которой человѣкъ могъ расчитывать только на добычу отъ охоты; въ этомъ періодѣ уже проявляется хозяйственная предусмотрительность, простирающая свои разсчеты на болѣе продолжительное время.

Въ третьемъ фазисѣ развитія человѣкъ переходитъ къ обработкѣ земли. Не удовлетворяясь тѣмъ, что ему даетъ сама по себѣ земля, онъ начинаетъ ее воздѣлывать, то есть занимается земледѣліемъ.

Четвертый періодъ начинается, когда человѣкъ, не оставляя сельскаго хозяйства, приступаетъ къ промышленному производству, т. е. къ тому, что мы теперь называемъ ремеслами,—къ выдѣлыванію различныхъ инструментовъ, одежды и пр.

Уже въ это время (ни одна изъ формъ хозяйства, очевидно, не исчезаетъ безслѣдно) начинается и пятая стадія развитія, при которой наряду съ вышеименованными формами хозяйственной дѣятельности появляется торговля; ремесла и торговля достигаютъ высокаго развитія.

Таковы ступени развитія хозяйственной жизни по

системѣ Листа. Формы хозяйства, какъ мы видимъ, онъ раздѣляетъ соотвѣтственно основнымъ признакамъ различныхъ областей хозяйственной дѣятельности. Другой ученый, профессоръ Бюхеръ изъ Лейпцига, также знаменитый экономистъ, дѣлитъ формы хозяйства совершенно своеобразно,—согласно признакамъ, характеризующимъ цѣлыя историческія эпохи.

Первою стадіею развитія онъ признаетъ закрытое, подомное хозяйство, т. е. такой строй хозяйства, при которомъ оно ограничивается однимъ только домомъ, въ смыслѣ домашняго хозяйства одной семьи. При этомъ каждая хозяйственная единица ведетъ хозяйство только для себя, не предпринимая никакого внѣшняго хозяйственнаго обмѣна; всѣ такія мелкія хозяйства выдѣлываютъ для себя все, въ чемъ нуждаются.

Подобныя замкнутыя хозяйственныя единицы являлись господствующею формою хозяйства въ теченіе весьма продолжительнаго періода развитія человѣчества.

Во второмъ фазисѣ развитія люди начали трудиться уже не только для удовлетворенія потребностей замкнутыхъ хозяйственныхъ единицъ, но и въ цѣляхъ продажи,—впрочемъ, исключительно по заказу; такая хозяйственная форма стала общераспространенною,—далѣе я еще вернусь къ ней и приведу историческій примѣръ подобнаго хозяйства.

Третьею формою развитія проф. Бюхеръ называетъ народное хозяйство, при которомъ весь народъ составляетъ одно огромное экономическое цѣлое и производитъ продукты, въ видѣ товаровъ, поступающихъ на рынокъ, т. е. ту форму хозяйства, которая водворилась нынѣ во всѣхъ культурныхъ странахъ.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ два различныхъ подраздѣленія хозяйства, зависящія отъ тѣхъ или иныхъ ихъ признаковъ. Теперь я постараюсь изложить, насколько возможно, какъ развивались хозяйственныя отношенія въ исторіи.

Во первыхъ, отмѣтимъ слѣдующее: какой бы родъ хозяйства ни приняли мы за основу нашего изслѣдованія, считаемъ во всякомъ случаѣ несомнѣннымъ, что почти ни одна изъ этихъ формъ не существовала въ своемъ чистомъ видѣ. Всегда наблюдались также переходныя формы и исключительные случаи. Человѣчество, въ теченіе своего весьма продолжительнаго существованія, часто развивалось лишь весьма медленно и постепенно, причемъ очень рѣдко какая-либо хозяйственная форма проявлялась въ совершенной чистотѣ. При раздѣленіи исторіи на періоды, представители науки придерживаются метода, признающаго характернымъ признакомъ періода то, что въ немъ преобладаетъ, что распространено почти повсемѣстно; этого же метода слѣдуетъ придерживаться при изслѣдованіяхъ развитія хозяйства.

II.

Хозяйство первобытныхъ людей. Первобытный коммунизмъ.

Приступая къ разсмотрѣнію первыхъ формъ человѣческаго хозяйства, мы должны, прежде всего, отрѣшиться отъ всякихъ наивныхъ фантазій. Объ исторіи первобытнаго человѣчества мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, ничего не знаемъ также о переходной ступени между высшими животными и человѣкомъ. Даже по отношенію къ народамъ, которые, какъ намъ извѣстно, въ настоящее время стоятъ на очень низкомъ уровнѣ развитія,—даже по отношенію къ нимъ мы не знаемъ, имѣемъ-ли право считать ихъ первобытными людьми. Слѣдовало бы скорѣе прійти къ выводу, что самыхъ отсталыхъ дикарей, которые еще живутъ или жили недавно, скорѣе можно признать за людей, пошедшихъ назадъ въ своемъ развитіи или даже выродившихся. Несмотря на это, изъ наблюденій надъ ними мы можемъ сдѣ-

лать нѣкоторые выводы относительно того, какъ люди обособились отъ остального животнаго міра.

Первое отдѣленіе людей отъ животныхъ наступило, несомнѣнно, уже по возникновеніи совмѣстной жизни большими группами. Первые люди, навѣрно, соединялись въ группы, какъ звѣри въ стада, но, разумѣется, эти группы собирались не случайно, а на основѣ родства. Въ пользу такого предположенія убѣдительно свидѣтельствуетъ фактъ, что всѣ извѣстныя намъ дикія племена, стоящія на низкомъ уровнѣ развитія, питаютъ чрезвычайное недовѣріе ко всему чужому, приходящему къ нимъ извнѣ.

Далѣе мы должны допустить, что родство въ первобытныхъ группахъ считалось по материнской линіи, а не по отцовской. Происхожденіе отъ матери исключаетъ всякія сомнѣнія, тогда какъ происхожденіе отъ отца установить трудно: супружеская вѣрность цѣнилась въ тѣ времена весьма низко. Мы приблизимся къ правдѣ, представивъ себѣ первыя группы людей подобными тому, что нынѣ называется р о д о м ъ.

Однако, довольно объ этомъ. Существуетъ свойство, отличающее первобытнаго человѣка, который ведетъ хозяйство, отъ животныхъ несравненно рѣзче, чѣмъ трудъ, такъ какъ нѣкоторыя породы животныхъ также занимаются своего рода трудомъ, напр., вьютъ гнѣзда, устраиваемыя очень искусно. Свойство это—умѣнье пользоваться огнемъ, присущее всѣмъ, даже самымъ дикимъ народамъ, и никогда не встрѣчающееся у животныхъ. На первый взглядъ можетъ показаться, что свойство это не столь важно. Но попробуйте вдуматься въ простыя первобытныя формы хозяйственной жизни, и вы съумѣете до извѣстной степени представить себѣ, сколь огромное значеніе имѣло, какой рѣшительный переворотъ вызвало мгновеніе, когда человѣкъ научился разводить и поддерживать огонь. Человѣкъ освободился, благодаря это-

му пріобрѣтенію, отъ зависимости отъ природы. Онъ впервые получилъ возможность варить себѣ пищу, которую раньше принужденъ былъ потреблять въ сыромъ видѣ,—не говоря уже о томъ, что позднѣе огонь сталъ необходимымъ для изготовленія орудій, при помощи которыхъ открылась возможность вести настоящее хозяйство.

Какъ вели хозяйство первобытные люди? И на этотъ вопросъ ученые отвѣчаютъ различно. По ветхозавѣтному представленію, люди обитали сначала въ раю, въ которомъ пользовались всѣми благами въ изобиліи. Но потомъ, въ наказаніе за первородный грѣхъ, были изгнаны оттуда. Воззрѣніе, будто въ древности существовалъ золотой вѣкъ и будто зло лишь позднѣе появилось на свѣтѣ, вслѣдствіе паденія человѣка,—воззрѣніе это даже до нашего времени раздѣляли и такіе люди, которые библейскую исторію древнѣйшаго періода считали за простой вымыселъ. Постепенно научныя изслѣдованія привели къ выводу, что искать рая въ прошломъ человѣчества, по существу, ошибочно. Рай этотъ никогда не существовалъ на землѣ. Человѣкъ первобытныхъ временъ вовсе не былъ баловнемъ счастья. Напротивъ, онъ былъ брошенъ въ жертву непогодѣ, хищнымъ звѣрямъ, паразитамъ, всякаго рода болѣзнямъ; словомъ, онъ ни въ коемъ случаѣ не былъ существомъ, блаженствующимъ на землѣ, какъ въ раю. Онъ былъ беззаботнымъ, какъ животное, но пресловутая беззаботность звѣрей и дикихъ проистекаетъ лишь изъ лѣности и неповоротливости мышленія. Чтобы человѣкъ могъ развить въ себѣ высшія потребности, духовный міръ его долженъ былъ сначала обогатиться разумомъ, который выработали условія окружающей среды.

Такимъ образомъ, распространенное въ наше время воззрѣніе, будто въ первый періодъ развитія человѣчества господствовалъ коммунизмъ, предста-

лютъ понятіе ложное, лишь наталкивающее на ошибочный путь человѣческое воображеніе.

При первыхъ начаткахъ хозяйства многіе предметы, дѣйствительно, еще оставались въ общемъ владѣніи. Земля, напр., принадлежала исключительно семьѣ, роду или племени, которые ее заняли. Но почему это происходило? Потому, что земля не представляла никакой цѣнности для отдѣльныхъ единицъ. Охота производилась сообща, а земля никому не была нужна ни для чего иного. Поэтому-то она и представляла общую собственность. Далѣе, мы видимъ, что у всѣхъ дикихъ племенъ все, чему человѣкъ придаетъ цѣнность, т. е. все, что служитъ предметомъ личнаго пользованія или является произведеніемъ личнаго труда, оказывается, вмѣстѣ съ тѣмъ, личною собственностью индивида, при томъ часто еще въ большей степени, чѣмъ у насъ. У очень многихъ дикихъ племенъ по смерти человѣка уничтожаютъ или погребаютъ вмѣстѣ съ нимъ все, что ему принадлежало, всѣ предметы его личнаго пользованія. Оружіе, трофеи, иногда даже все достояніе покойника погребались вмѣстѣ съ его останками. Всѣ эти предметы были такъ тѣсно связаны съ личностью, что многія племена придерживались обычая уничтожать имущество умершаго даже въ томъ случаѣ, когда это угрожало оставшимся въ живыхъ нищетою.

Хозяйство дикарей не было вовсе организованнымъ. Питаніе, напр., у дикихъ даже на высшихъ ступеняхъ развитія производится безъ всякаго порядка.

Дикарь, вообще, не признаетъ опредѣленнаго часа для ѣды: онъ ѣстъ въ любое время, чуть только попадется ему подъ руку что-либо съѣдобное. На низшихъ ступеняхъ культуры нѣтъ даже совмѣстныхъ трапезъ, которыя, дѣйствительно, составляютъ особенность сознательнаго или безсознательнаго коммунизма.

Каждый ѣстъ, когда ему вздумается, и уходитъ потомъ въ свою сторону. Лишь на позднѣйшей стадіи развитія трапезы становятся общими. Но и тогда мужчины ѣдятъ отдѣльно отъ женщинъ,—хотя бы уже существовали склады припасовъ, принадлежащіе извѣстному роду. Ошибочно поэтому думать, будто въ первобытныя времена существовалъ какой-либо коммунизмъ.

Постепенно люди надумали селиться на болѣе или менѣе продолжительные сроки въ мѣстностяхъ, изобилующихъ пищей или исключительно удобныхъ для охоты. Здѣсь они сооружали свои первобытныя пристанища; вмѣстѣ съ тѣмъ возникало среди нихъ и нѣкоторое раздѣленіе труда. Собираніе плодовъ и т. п., равно какъ первыя формы промышленности, напр., обработка земли, предоставлялись женщинамъ. Земледѣліе, вообще, у дикихъ считалось обязательнымъ занятіемъ для женщины, а не для мужчины. Мужчина занимался, главнымъ образомъ, охотой; кромѣ того, онъ вырабатывалъ орудія, но и то въ ограниченномъ размѣрѣ. Сосуды, напр., и все, необходимое для пищи, вырабатывала и приготовляла женщина. Таковы первобытныя формы хозяйства, поскольку мы можемъ ихъ воспроизвести, основываясь на обобщеніяхъ и логическихъ выводахъ, вытекающихъ изъ сдѣланныхъ изслѣдованій.

Отбрасывая предположеніе, будто человѣкъ появился на землѣ въ качествѣ существа, вполнѣ сформированнаго, вмѣстѣ съ очерченными уже способами веденія хозяйства, мы, очевидно, должны допустить, что развитіе человѣка и его разума происходило въ зависимости отъ условій окружающей среды. Съ основными чертами этого развитія знакомитъ насъ бытъ племенъ, пребывающихъ понынѣ въ дикомъ состояніи.

Люди сближались между собою лишь временно, живя, вѣроятно, парами; никогда, однако, не существовало ничѣмъ не ограниченныхъ половыхъ отношеній.

Весьма, однако, сомнительно, чтобы подобные супружескіе союзы длились въ теченіе всей жизни; сомнѣнія эти подтверждаются тѣмъ, что даже на высшихъ ступеняхъ развитія мы сталкиваемся съ упомянутымъ уже явленіемъ,—а именно, что происхожденіе ведется по материнской линіи, причемъ ребенокъ считаетъ своимъ ближайшимъ опекуномъ не дѣйствительнаго отца, а брата матери. Послѣднему предоставляются права, соотвѣтствующія нынѣшнему общественному положенію отца. Родство по материнской линіи создало во многихъ мѣстностяхъ материнское право, въ силу котораго женщинѣ, какъ представительницѣ семьи, у нѣкоторыхъ народовъ предоставлены большія преимущества, чѣмъ мужчинѣ. Родство по материнской линіи, несомнѣнно, въ теченіе продолжительнаго времени оказывало вліяніе на общественныя отношенія.

Необезпеченность существованія, зависимаго отъ изобилія природы животными и плодами, вызвала два послѣдствія: во-первыхъ, люди начали приручать и разводить скотъ, чтобы не зависѣть больше отъ удачи или неудачи охоты—и, во-вторыхъ, обратились къ воздѣлыванію земли для разведенія растеній.

Дикари убѣдились постепенно, что зерно, посаженное въ почву, даетъ ростки, и уже не предоставляли этого средства пополненія пищевыхъ запасовъ на произволъ случая, какъ дѣлаютъ почти всѣ животныя. Сначала, какъ мы уже отмѣтили, земледѣліе было занятіемъ, главнымъ образомъ, женскимъ, тогда какъ пастушествомъ занимались мужчины. Мужчины даже доили скотъ. Обладаніе скотомъ представляетъ первую дѣйствительную собственность, которая не вполнѣ связана съ личностью. Предметы же роскоши и орудія были личною собственностью. Въ воображеніи людей первобытныхъ они какъ бы срастаются съ ихъ обладателями. Съ моментомъ возникновенія скотоводства люди начинаютъ вести его цѣ-

лыми группами, стадо принадлежитъ всему роду или многочисленной семьѣ.

Скотъ становился постепенно все болѣе цѣннымъ имуществомъ, а такъ какъ забота о немъ составляла, главнымъ образомъ, обязанность мужчины, то съ началомъ пастушескаго періода возникло и затѣмъ все больше упрочивалось то явленіе, которое мы въ настоящее время называемъ правомъ наслѣдованія по отцу. Отецъ сталъ считаться представителемъ семьи, и право наслѣдованія установилось въ мужской линіи, по отцу.

III.

Хозяйство кочующихъ племенъ. Родовыя и сельскія общины.

Пастушество и земледѣліе ознаменовали переходъ человѣчества къ настоящему труду, къ планомѣрной дѣятельности; кромѣ того, они выполнили еще иную роль. Они повели къ тому, что трудъ началъ регулярно доставлять нѣкоторый избытокъ, сравнительно съ потребностями. Охота у дикарей также, хотя лишь случайно, даетъ нѣкоторый избытокъ, но его хватаетъ обыкновенно на очень краткое время, рѣдко—на слѣдующій день. Убитое животное немедленно пожирается. Охота никогда не могла обезпечить существованіе настолько, чтобы можно было поручиться, что звѣринаго мяса хватитъ для пропитанія извѣстнаго количества людей, на завтрашній день.

При земледѣліи и скотоводствѣ такого рода разсчеты могутъ отличаться несравненно большею увѣренностью. Такимъ образомъ, когда люди достигли такой ступени развитія, трудъ началъ пріобрѣтать все большую цѣнность. Тогда произошло слѣдую-

щее: сначала дикія племена смотрѣли на каждаго чужого человѣка, какъ на врага (понятія „чужой“ и „врагъ“ долго выражались у всѣхъ народовъ однимъ и тѣмъ же словомъ). Дикія племена вели между собою кровавыя войны за обладаніе мѣстностями, удобными для охоты; врага убивали и тотчасъ же съѣдали, такъ какъ не усматривали въ немъ ничего общаго съ собою: на него смотрѣли, какъ на низшее и совершенно чуждое существо.

Дикарь, лишенный всякихъ нравственныхъ понятій, не усматриваетъ причины, препятствующей ему съѣсть пойманнаго врага, какъ всякое иное животное. Представленіе о человѣчествѣ столь же мало могло быть развито въ немъ, какъ въ ребенкѣ въ теченіе первыхъ лѣтъ жизни. Когда же хозяйство стало основываться на трудѣ, дающемъ излишекъ сравнительно съ тѣмъ количествомъ продуктовъ, которое необходимо для поддержанія жизни самого работающаго, къ труду, по мѣрѣ возможности, начали принуждать чужихъ, не давая имъ, однако, равныхъ съ собою правъ. Ихъ забирали въ плѣнъ и принуждали работать, какъ невольниковъ. Плѣнные утрачиваютъ свободу, но сохраняютъ жизнь. Такимъ образомъ невольничество представляетъ шагъ впередъ въ развитіи человѣчества, какъ переходъ отъ каннибальства, людоѣдства, къ общественному строю, при которомъ побѣжденныхъ, по крайней мѣрѣ, уже хоть не убиваютъ. Не слѣдуетъ поэтому представлять себѣ первобытное невольничество въ слишкомъ мрачныхъ краскахъ. Тогда почти не было разницы различій въ образѣ жизни; рабъ, равно какъ и свободный дикій человѣкъ, не имѣли привычки къ удобствамъ жизни, большимъ, чѣмъ тѣ, которыя имъ давала неволя, а насиліе и безъ того существовало среди людей. Въ тѣ времена даже трудъ невольника не былъ слишкомъ изнурительнымъ.

Съ другой стороны, прогрессъ происходилъ еще и по другой причинѣ. Пастушество, равно какъ и

охотничій промыселъ, требовало обширнаго простора, такъ какъ необходимо имѣть очень много земли для пастбищъ. Но ни одна, заключенная въ опредѣленныя границы мѣстность не могла служить въ теченіе продолжительнаго времени неизсякаемымъ пастбищемъ. Можно было только хищнически истощать землю, и дикари такъ, именно, и поступали на первыхъ ступеняхъ экономическаго развитія, когда еще не имѣли понятія о земледѣліи. Поэтому первобытное хозяйство, напр., среди дикихъ охотничьихъ племенъ, должно быть кочевымъ. Можно сказать: всюду, гдѣ люди приступали къ пастушескому хозяйству, тамъ приходилось постоянно переходить съ однихъ пастбищъ на другія.

Сначала люди вели кочевую жизнь или, выражаясь научнымъ языкомъ, были **номадами** (кочевниками). Затѣмъ дикари соединяются въ обособленныя группы, постепенно размножающіяся до такой степени, что имъ уже не хватаетъ земли. Тогда происходитъ выселеніе, производимое на основѣ родства. Изъ первоначальной группы возникаетъ племя, въ свою очередь распадающееся на роды. Хозяйство становится домашнимъ, причемъ имѣетъ характеръ хозяйства, ограниченнаго потребностями исключительно данной семьи. Семья, состоящая не только изъ супружеской четы и дѣтей, гораздо болѣе многочисленная, чѣмъ въ настоящее время, ведетъ хозяйство исключительно для себя, при извѣстномъ раздѣленіи труда между своими членами; орудія выдѣлываются въ такое время года, когда нѣтъ работы со стадами и по небольшему земледѣльческому хозяйству. Орудія и посуду каждая семья производитъ для себя, въ качествѣ отдѣльной, замкнутой въ себѣ хозяйственной единицы.

Лишь позднѣе, по мѣрѣ развитія земледѣлія, люди основываются осѣдло и начинаютъ сооружать постоянныя жилища. Они селятся деревнями, которыя въ хозяйственномъ отношеніи также остаются

обособленными; семьи, однако, и далѣе продолжаютъ составлять отдѣльныя хозяйственныя единицы, такъ что сельскія общины сами доставляютъ себѣ все необходимое.

Общины пользовались сообща пастбищами, но не пахотной землей. Стада были общими. Не было еще никакого обмѣна; каждый выполнялъ извѣстныя по отношенію къ гминѣ повинности, но денегъ не было, какъ не было и регулярнаго обмѣна. Существовало лишь хозяйство предметовъ пользованія, такъ называемое натуральное хозяйство, въ которомъ даже заработная плата, налоги и, вообще, всякій обмѣнъ цѣнностей между хозяйственными единицами производится предметами пользованія in natura,—натурою, а не въ видѣ денегъ.

Такимъ образомъ человѣчество, оставаясь въ періодѣ простого кочевого хозяйства, жило весьма долго; затѣмъ оно перешло къ осѣдлой сельской общинѣ. Развитіе это подвигалось впередъ двумя путями.

Вслѣдствіе необходимости вести войны, пріобрѣтавшія все большее значеніе, создавалась все болѣе настоятельная потребность въ вождяхъ. Кромѣ того, въ общинахъ возникали замѣшательства и споры, которые разбирали общій совѣтъ или же отдѣльныя лица, пользующіяся особымъ уваженіемъ. Словомъ, появились вожди—и вождей этихъ послѣ побѣдъ вознаграждали щедрѣе, чѣмъ остальныхъ воиновъ, при раздѣлѣ добычи. Появились различія въ общественномъ и имущественномъ положеніяхъ,—послѣднія въ силу того, именно, обстоятельства, что возникла собственность, уже не слѣдующая за владѣльцемъ въ могилу, а остающаяся въ потомствѣ. Среди племени или народности появились богатые и бѣдные; имущественныя различія существовали, хотя и не въ столь значительныхъ, какъ въ настоящее время, размѣрахъ. Одинъ имѣлъ больше скота, чѣмъ другой, могъ извлекать изъ своего хозяйства го-

раздо большую пользу, даже позволять себѣ излишества,—словомъ, возникло имущественное и общественное неравенство, вмѣстѣ съ различіемъ во всемъ образѣ жизни. Благодаря этому постепенно расширялся и кругъ потребностей. Но природа не вездѣ одинаково щедра, земля не всюду производитъ одинаковые плоды, не повсемѣстно кроются въ ней богатства, потребныя людямъ въ этомъ фазисѣ развитія. Вслѣдствіе этого начинается подыскиваніе продуктовъ, которыхъ нельзя добыть на мѣстѣ.

Тогда, наряду съ хозяйствомъ для собственнаго пользованія, возникаетъ торговый обмѣнъ, массовое вымѣниваніе однихъ предметовъ на другіе, и обмѣнъ этотъ выходитъ уже за предѣлы сельской общины. Сначала все, чего нельзя было добыть непосредственно отъ природы и что тѣмъ не менѣе соблазняло—пріобрѣталось посредствомъ грабежа. Дикари, стоящіе на очень низкомъ уровнѣ развитія, не знаютъ обмѣна, не имѣютъ понятія о цѣнности и ея мѣрилахъ. Какъ дѣти, они отдаютъ самыя цѣнныя вещи за бездѣлушки и дорожатъ пустяками, не желая ни за что вымѣнять ихъ. Когда, слѣдовательно, человѣчество въ своемъ развитіи перешло къ регулярному обмѣну, этотъ шагъ, несомнѣнно, явился поступательнымъ на пути къ культурному совершенствованію.

IV.

Возникновеніе городовъ и мѣновое хозяйство.

Наряду съ возникновеніемъ обмѣна, постепенно развивается примѣненіе точной оцѣнки предметовъ и возникаетъ потребность въ постоянномъ мѣрилѣ цѣнности обмѣниваемаго, другими словами, является необходимость выискать средство для обмѣна. Въ

силу обычая такимъ средствомъ становится предметъ, потребленіе котораго распространено сильнѣе всего.

Среди народовъ, вышедшихъ уже изъ дикаго состоянія, но еще первобытныхъ, въ качествѣ средства для обмѣна примѣняются извѣстнаго рода раковины, т. е. раковины эти замѣняютъ денежные знаки.

На нѣсколько высшемъ уровнѣ развитія, при начаткахъ цивилизаціи, распространяется употребленіе скота, какъ средство для обмѣна. Все, что вымѣнивается, сравнивается съ извѣстною породою скота. Всѣ матеріальныя блага оцѣниваются по сравненію со скотомъ; скотъ примѣняется для расплаты, становится первымъ общераспространеннымъ видомъ денегъ. Въ латинскомъ языкѣ это явленіе оставило убѣдительные слѣды въ самомъ словопроизводствѣ. Выраженіе „деньги"—pecunia произведено отъ слова pecus—скотъ, и на древнѣйшихъ римскихъ монетахъ чеканили изображеніе животнаго. Такимъ образомъ упрочился постоянный, правильный обмѣнъ, основывающійся на точно опредѣленной единицѣ цѣнности; въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи обмѣнъ этотъ превратился въ торговлю. Различныя общины развивались неодинаково, въ зависимости отъ мѣстопребыванія, численности обитателей, ихъ способностей, равно какъ и отъ естественныхъ богатствъ, которыя они могутъ добывать.

Выдвигаются впередъ въ своемъ развитіи мѣстности, въ которыхъ по какимъ-либо причинахъ шире разросся обмѣнъ, гдѣ предметовъ вымѣнивается больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ чаще имѣется на-лицо возможность сбыть излишки продуктовъ и пріобрѣсти недостающее. Такія мѣстности называются рынками. Рынки эти превращаются временно или становятся постоянными торжищами. Ихъ ограждаютъ отъ ограбленія со стороны непрія-

телей посредствомъ стѣнъ и окоповъ, а оборона этихъ послѣднихъ становится привилегіей обитателей окрестныхъ деревень и ихъ потомства. Такія огороженныя и окопанныя мѣста стали называться городами.

Постепенно, съ возрастаніемъ населенія и расширеніемъ мѣновыхъ операцій, укрѣпленныя мѣста эти стали обстраиваться и пріобрѣтать свой позднѣйшій характеръ. Это—первая ступень и зародышъ тѣхъ хозяйственныхъ формъ, которыя Бюхеръ, противополагая ихъ обособленнымъ хозяйствамъ, называетъ хозяйствомъ торгово-мѣновымъ, т. е. такимъ, при которомъ люди завязываютъ между собою торговыя сношенія путемъ обмѣна.

Мѣновое хозяйство, какъ мы видимъ, характеризуютъ двѣ особенности. Во-первыхъ, выступаютъ на первый планъ деньги—какой-либо охотно всѣми принимаемый товаръ, роль котораго съ развитіемъ торговли перешла къ металламъ. Деньги сначала чеканились изъ бронзы и желѣза, которыя легче передавать изъ рукъ въ руки, чѣмъ скотъ; потомъ были пущены въ оборотъ, въ качествѣ денегъ, благородные металлы. Наряду и въ тѣсной связи съ появленіямъ этого, какъ мы выразимся, мѣнового товара, возникновеніе городовъ представляетъ поворотный пунктъ въ образованіи мѣнового хозяйства, т. е. такой формы общественности, при которой замкнутыя натуральныя хозяйства какъ бы раскрываются, а отдѣльныя народности завязываютъ между собою мѣновыя и торговыя сношенія.

V.

Хозяйство древнихъ культурныхъ народовъ.

Такъ, насколько намъ извѣстно изъ исторической литературы, возникли зачатки хозяйства главныхъ культурныхъ народовъ. Когда человѣчество достигло

этого уровня хозяйственнаго развитія и начало развиваться далѣе, появилась потребность сохранять въ памяти важныя событія, заключенные договоры и т. п. Потребность эта породила первыя формы письменности. Городъ, какъ рынокъ, деньги, какъ средство обмѣна, и письменность—таковы особенности, характеризующія древніе культурные народы, исторію которыхъ мы знаемъ отчасти по легендамъ и дошедшимъ до насъ хроникамъ. Первобытные города не слѣдуетъ представлять себѣ на подобіе современныхъ. Населеніе этихъ городовъ состояло первоначально почти исключительно изъ крестьянъ.

Большей части домовъ принадлежали за стѣнами города поля, обрабатываемыя невольниками или подданными. Житель первобытнаго города не былъ мѣщаниномъ въ современномъ значеніи этого слова: это былъ крестьянинъ, пользующійся защитой въ городѣ и привилегіями, такъ какъ его община была сильнѣе сельской и имѣла возможность подчинить своей власти окрестныя земли.

Вскорѣ города начали политически господствовать надъ своими окрестностями, грабить ихъ и эксплуатировать деревенскихъ жителей, какъ своихъ вассаловъ. Въ деревняхъ частью работаютъ невольники, частью распространяется барщина. По мѣрѣ развитія мѣновой торговли и раздѣленія труда возрастаетъ богатство города, который всевозможными способами извлекаетъ пользу изъ края: онъ эксплуатируетъ край непосредственно, въ силу своего положенія, принуждаетъ деревни платить дань въ видѣ вознагражденія за охрану. Кромѣ того и въ самой городской чертѣ образуются имущественныя различія. Роды, издавна обитающіе въ городѣ, присваиваютъ себѣ извѣстныя преимущества; кромѣ нихъ укореняются въ городѣ и другіе элементы, зарабатывающіе себѣ пропитаніе торговлей и разнымъ наемнымъ трудомъ. Такимъ образомъ въ городѣ возникаютъ и развиваются различные классы, борющіеся

за свои классовые интересы. Нѣкоторые роды захватываютъ власть, завоевываютъ другіе города, подчиняя себѣ цѣлые округи, составляющіе нѣчто родъ государства. Таковъ ходъ развитія въ большей части древнихъ культурныхъ городовъ въ первомъ фазисѣ ихъ существованія.

Я приведу здѣсь изъ упомянутаго выше сочиненія Бюхера о происхожденіи народнаго хозяйства краткое описаніе, которое ясно изобразитъ, какъ развивался городъ. Бюхеръ, описывая древній Римъ, говоритъ: „Тутъ нѣтъ никакихъ промежуточныхъ классовъ, нѣтъ ни крестьянъ, ни ремесленниковъ. Имѣются на-лицо только крупные и мелкіе собственники, богатые и бѣдные. Богатый притѣсняетъ бѣднаго, экспропріируетъ его землю и превращаетъ бѣдняка въ пролетарія. Свободный, не имѣющій ничего пролетарій оказывается въ положеніи человѣка, совершенно лишеннаго возможности принимать участіе въ хозяйственномъ трудѣ. Капиталъ предпринимателя, покупающаго трудъ за заработную плату, еще не существовалъ; не было и промышленности, если не считать обособленныхъ домашнихъ мастерскихъ Ремесленники (artifices), какъ свидѣтельствуютъ литературные памятники, были не свободными работниками, а невольниками, которые изъ рукъ рабовъ-земледѣльцевъ и рабовъ-пастуховъ получали зерно, шерсть, дерево, чтобы переработать ихъ въ хлѣбъ, одежду, орудіе. „Не думай, что онъ что-либо покупаетъ“,—говоритъ Петроній объ одномъ разбогатѣвшемъ удачникѣ,—„все, что ему нужно, вырабатывается въ его помѣстьяхъ“. Немудрено, что при такихъ условіяхъ накоплялись огромныя земельныя владѣнія, латифундіи, орды невольниковъ, сосредоточивавшіяся въ рукахъ немногочисленныхъ владѣльцевъ, раздѣленіе же труда было столь развито, что издѣлія ихъ и трудъ могли удовлетворить самый изысканный вкусъ.

Вы были бы поражены, если бы я перечислилъ,

какія работы выполняли невольники и сколькими различными видами труда могъ распоряжаться любой богачъ въ тогдашнемъ Римѣ.

Римское общество обогатилось, благодаря постояннымъ и все болѣе широкимъ захватамъ: на римскій рынокъ отовсюду доставляли рабовъ, которыхъ покупали знатные люди. Небольшія общины деревенскихъ жителей переполнялись невольниками, и жители эти, первоначально свободные, постепенно становились крѣпостными.

Такова картина древней крестьянской общины и выросшаго изъ нея древняго государства. Наряду съ богатствомъ, распространялось просвѣщеніе, всесторонне развивалась техническая культура; тѣмъ не менѣе на трудъ, въ виду того, что онъ составлялъ обязанность рабовъ и крѣпостныхъ,—смотрѣли съ презрѣніемъ.

Подобное же явленіе мы наблюдаемъ и у грековъ, этого высоко-культурнаго народа. У эллиновъ выраженіе „ремесленникъ“ стало браннымъ словомъ; имъ обозначали человѣка, не думающаго ни о чемъ, кромѣ своей профессіональной работы, человѣка со скудными средствами, лишеннаго всякихъ духовныхъ потребностей.

Рабочій античнаго міра пребывалъ на уровнѣ развитія низкой культуры и, большею частью, былъ рабомъ, человѣкомъ, лишеннымъ свободы. Поэтому, помимо презрѣнія къ труду, въ древнемъ мірѣ возникаетъ неслыханная дотолѣ эксплуатація рабочей силы. Колоссальныя сооруженія, оставленныя намъ въ наслѣдство античнымъ міромъ и до сихъ поръ поражающія насъ своими развалинами, созданы трудами рабовъ, съ которыми часто обращались возмутительнымъ образомъ. Богатство не знало уже границъ, роскошь доходила до безумія.

Безсмысленныя прихоти цезарей и богачей заставляли строить гигантскія зданія. Вообще, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія, когда властелиновъ

обуяетъ гордость, они обыкновенно впадаютъ въ манію строительства и воздвиганія памятниковъ. Какъ на примѣръ такого строительства укажу хотя бы на пирамиды древняго Египта.

Итакъ, трудъ сталъ считаться занятіемъ, возбуждающимъ презрѣніе; въ то время, какъ прежніе господствующіе роды старались закалять себя и, ведя сельское или иное хозяйство, занимались физическимъ трудомъ, дававшимъ имъ силу,—при укоренившейся привычкѣ къ роскоши, они дѣлались все болѣе изнѣженными. Вслѣдствіе того, что никакая надобность не принуждала беречь человѣческую рабочую силу, развитіе хозяйства стало постепенно замирать. Все, что оказывалось ненужнымъ для роскоши вельможъ, пребывало на низкомъ уровнѣ развитія, болѣе или менѣе широкія потребности не могли развиваться.

Массы рабочихъ-невольниковъ жили въ самыхъ плачевныхъ условіяхъ, никто на нихъ не обращалъ вниманія; для нихъ не существовали умственныя потребности. Строились монументальныя зданія, но дѣйствительное развитіе хозяйства достигло извѣстнаго уровня—и остановилось. Нечего было больше и думать о какихъ-либо усовершенствованіяхъ въ орудіяхъ производства; ремесла не могли развиваться; затѣмъ наступило общее разложеніе,—вырожденіе и ослабленіе господствующихъ классовъ, нищета свободныхъ пролетаріевъ и, наконецъ, упадокъ всего государства. До такого состоянія дошли всѣ древніе культурные народы: они не могли дать отпора даже народамъ, стоящимъ на гораздо низшемъ уровнѣ развитія.

Римъ сталъ добычею германскихъ и кельтскихъ племенъ. Могущественный Римъ — это огромное, міровое государство, распространившее свою власть на всѣ страны, накопившее неслыханныя богатства, обладавшее вооруженіемъ, которое несравненно превосходило оружіе первобытныхъ, полуварвар-

скихъ народовъ,—Римъ оказался, въ концѣ концовъ, не въ силахъ противостоять набѣгамъ варваровъ, польстившихся на его сокровища, и пропалъ. То же самое позднѣе произошло съ восточною римскою имперіею, Византіею, ставшею добычей турокъ,—народа кочевого, пребывавшаго еще въ состояніи полуварварства.

VI.

Хозяйство феодальнаго періода.

Размѣры нашего изслѣдованія не позволяютъ намъ прослѣдить дальнѣйшія судьбы Востока; мы принуждены ограничиться разсмотрѣніемъ развитія хозяйственныхъ формъ въ Европѣ.

Германскіе народы, племена полуварварскія, кочевыя, покорили Римъ. Часть ихъ еще раньше служила въ римскихъ легіонахъ. На развалинахъ огромнаго римскаго государства, частью—во Франціи и въ германскихъ колоніяхъ, эти же варвары положили основаніе новой культурѣ, которая, однако, позаимствовала много элементовъ отъ старой. Эта новая, смѣшанная культура стояла во многихъ отношеніяхъ ниже римской, была первобытнѣе и грубѣе, но въ одномъ отношеніи превосходила хозяйственный строй римлянъ: **она не знала перваго рабства!**

Римское рабство было погребено подъ развалинами Рима, и этотъ фактъ, послѣ нашествія кельто-германскихъ народовъ на Римъ, пріобрѣлъ чрезвычайное значеніе для развитія новой, высшей формы хозяйства.

Впрочемъ, въ обширныхъ германскихъ владѣніяхъ, обнимавшихъ и часть современной Франціи, сначала возникли хозяйственныя условія, при которыхъ образовались сельскія общины, состоявшія

изъ обособленныхъ хозяйствъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сложились ленныя отношенія.

Властители или вожди играли роль защитниковъ сельскихъ общинъ; за ихъ услуги, сводившіяся къ огражденію отъ набѣговъ разбойниковъ или чужихъ вождей, общины обязаны были выполнять извѣстныя работы, получившія названіе барщины. Дворъ такого опекуна назывался дворянскимъ; дворянскій дворъ постепенно разрастался, подобно тому, какъ расширялось первобытное укрѣпленіе, превращавшееся въ городъ. При дворянскихъ дворахъ производились разнаго рода работы, въ томъ числѣ и ремесленныя, такъ же, какъ это происходило въ древнихъ городахъ,—но люди тутъ были не рабами, а подданными. Заработной платы еще не существовало, товары еще обладали цѣнностью, не было ни прибылей, ни дѣйствительнаго обложенія за пользованіе землею. Существовали только разнаго рода службы, исполнявшіяся по принужденію побѣдителей; чаще же всего, это былъ обоюдный обмѣнъ услугами,—трудъ, въ видѣ вознагражденія за вооруженную оборону. Впослѣдствіи обязательство оказывать эту защиту постепенно забывалось, но безплатный трудъ, возникшій на данной почвѣ, по прежнему оставался въ силѣ. Чѣмъ больше обогащались господа, чѣмъ болѣе возрастала общественная безопасность и чѣмъ рѣже повторялись мелкіе разбои, тѣмъ меньше труда требовала вооруженная защита, тѣмъ больше барщина и оброки становились источникомъ обогащенія феодальныхъ властителей. Свою силу, первоначально служившую для обороны мелкихъ земледѣльцевъ, феодалы теперь направили противъ нихъ же; несмотря на это, развитіе феодальнаго хозяйства не прекратилось.

Сначала оно было замкнутымъ хозяйствомъ, т. е. не производящимъ ничего для обмѣна или торговли. Все вырабатываемое служило исключительно

для удовлетворенія собственныхъ потребностей. Постепенно, однако, обнаруживаются уклоненія отъ такого порядка. Нѣкоторые предметы роскоши, вырабатываемые въ богатыхъ городахъ, прилегавшихъ къ Средиземному морю, пріобрѣтаютъ извѣстность и становятся предметомъ обмѣна. Вскорѣ появляется денежное хозяйство, наряду съ которымъ, однако же, еще долго среди обширныхъ массъ населенія удерживается натуральное хозяйство. Въ это, именно, время основываются города не только для защиты отъ внѣшнихъ враговъ, но и отъ самихъ феодаловъ, занимавшихся разграбленіемъ разбросанныхъ сельскихъ дворовъ. Города эти, въ качествѣ торговыхъ центровъ, пользовались нѣкоторыми привилегіями,—главнымъ образомъ, тѣмъ преимуществомъ, что ихъ жители признавались вольными обывателями, т. е. не отбывали барщины для живущихъ внѣ города феодаловъ.

Германія, какъ и другія страны, покрывалась городами-государствами, похожими на древнія городища, съ тою только разницею, что въ нихъ не было невольниковъ. По мѣрѣ развитія рынковъ, ремесленники, бывшіе сельскими вассалами, все чаще переселялись въ города, осѣдали въ нихъ и начинали работать самостоятельно. Въ городахъ начинается процвѣтаніе ремеслъ, а сами ремесленники, въ цѣляхъ самообороны отъ всякихъ насилій, организуются въ союзы.

Такимъ образомъ возникла первая форма того, что мы встрѣчаемъ позднѣе подъ наименованіемъ цеховъ. Первоначально цехи были только оборонительными союзами ремесленниковъ, состоявшими изъ свободныхъ работниковъ.

Первоначальнаго ремесла не слѣдуетъ представлять себѣ въ видѣ современнаго: сначала оно было только трудомъ по заказу.

Работникъ занимался у себя на дому, получая

сырые матеріалы отъ предпринимателя, или же трудился внѣ дома, въ мастерской предпринимателя.

Производство товаровъ для продажи началось позднѣе. Когда цехъ усиливался, ремесленникъ, заказы котораго умножались, нанималъ себѣ помощниковъ; послѣдніе долго назывались работниками, хотя первоначально это наименованіе давалось лишь сельскимъ батракамъ. Въ старыхъ литературныхъ памятникахъ называютъ работниками тѣхъ, кто, въ дѣйствительности, были слугами или учениками. Между учениками и самостоятельными ремесленниками долго не было никакого переходнаго класса; молодой, выучившійся уже ремесленникъ скоро становился самостоятельнымъ.

Время обученія длилось очень недолго. Обычай этотъ былъ очень распространенъ въ Англіи, напр., гдѣ въ значительной части укоренилась германская раса.

Цехи продолжали развиваться все больше, а цеховые мастера стали занимать въ городѣ привилегированное положеніе. Они разбогатѣли, пріобрѣли оффиціальное званіе мастеровъ.

Между ученикомъ и мастеромъ возникаетъ переходная ступень, подмастерье, который продолжительное время сохраняетъ положеніе помощника по домашнему хозяйству и плату получаетъ, только какъ прибавку къ квартирѣ и содержанію.

Между сельскими общинами и вольными мѣстными рынками съ теченіемъ времени устанавливается правильный обмѣнъ продуктовъ и труда. Города богатѣютъ, потребности ихъ возрастаютъ, торговыя сношенія пріобрѣтаютъ все болѣе опредѣленный характеръ.

Этому благопріятствуетъ то обстоятельство, что по мѣрѣ уменьшенія числа войнъ густота населенія увеличивается все быстрѣе.

Отмѣчу здѣсь также, что количество людей, имѣющихъ возможность прокормиться на данномъ

пространствѣ, измѣняется соотвѣтственно формамъ хозяйства.

Не имѣя подъ рукою точныхъ цифръ, укажу лишь на существенное вліяніе, оказываемое въ этомъ отношеніи родомъ занятій жителей, т. е. земледѣліемъ, въ видѣ организованнаго сельскаго хозяйства, пастушествомъ или охотничьимъ промысломъ.

Охотничій образъ жизни требуетъ обширныхъ пространствъ для сравнительно ничтожнаго числа людей. При пастушескомъ бытѣ на тѣхъ же пространствахъ можетъ прокормиться гораздо болѣе многолюдное населеніе. При земледѣльческомъ хозяйствѣ на томъ же самомъ участкѣ, который занимала кучка охотниковъ, можетъ прожить въ сорокъ разъ большее населеніе. Когда же люди переходятъ къ ремесламъ, улучшая при ихъ помощи орудія, совершенствуя пріемы обработки земли и лучше пользуясь ея продуктами, тогда то же пространство въ состояніи прокормить еще больше людей, чѣмъ во время первобытнаго земледѣлія, пастушества или охоты. Это положеніе можно провѣрить и новѣйшими наблюденіями. Когда европейцы завладѣли Америкой, на огромномъ пространствѣ нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатовъ, которое и понынѣ не вполнѣ возделано и о которомъ никоимъ образомъ нельзя сказать, что населеніе его слишкомъ скученно,—на всемъ этомъ пространствѣ обитало нѣсколько сотъ тысячъ, во всякомъ случаѣ, не больше милліона индѣйцевъ, причемъ и эти рѣдкіе обитатели вели между собою непрерывныя войны изъ-за обладанія охотничьими округами. Въ настоящее время на этомъ же самомъ пространствѣ живетъ около восьмидесяти милліоновъ людей, и, если изъ этихъ восьмидесяти милліоновъ выдѣлить 20—30 милліоновъ рабочихъ, которымъ, однако, живется лучше, чѣмъ европейскимъ рабочимъ, то все-таки останется еще пятьдесятъ милліоновъ людей, пользующихся различнымъ достаткомъ, насчитывая въ своей средѣ

владѣльцевъ несчетныхъ, чисто сказочныхъ богатствъ.

Замѣтьте при этомъ, что такая перемѣна произошла на томъ самомъ пространствѣ, на которомъ немногочисленныя индѣйскія племена принуждены были бороться на жизнь и смерть, ощущая недостатокъ земли для своей охоты.

То же самое наблюдается и въ данномъ случаѣ: одно и то же пространство земли можетъ прокормить все возрастающее число людей, кровопролитныя войны перестаютъ быть непремѣннымъ условіемъ жизни, а миръ влечетъ за собою еще большій приростъ населенія. Но земля перешла уже въ частную собственность. Германія, напр., сдѣлалась государствомъ, въ которомъ короли почти повсюду одаряли землей феодаловъ; феодалы, въ качествѣ намѣстниковъ, пользовались исключительными правами, къ числу которыхъ принадлежало полное господство надъ землею.

Земля, признанная господскою, перестала быть поприщемъ свободнаго труда, превратилась въ привилегированное имущество, за пользованіе которымъ надлежало платить оброкъ, налоги или ренту. Обладаніе землей становится источникомъ все большаго угнетенія: въ особенности сельскіе слои трудящагося населенія являются, косвенно или непосредственно, жертвами всякаго рода вымогательствъ и притѣсненій со стороны феодальнаго дворянства. Все больше развивается денежное хозяйство, растетъ торговля, по мѣрѣ обогащенія феодальной знати и мѣщанства усиливается спросъ на предметы роскоши, привозимые, большею частью, изъ далекихъ странъ. Производство этихъ предметовъ приносило значительную прибыль; такимъ образомъ, развивалось то, что мы называемъ торговымъ капиталомъ, т. е. деньги или денежныя цѣнности, употребляемыя для торговли съ цѣлью полученія прибыли. Образуется отдѣльный классъ купечества; разносчикъ

товаровъ превращается въ купца, торговаго предпринимателя, пріобрѣтающаго значительное вліяніе потому, что располагаетъ денежными средствами. Тѣмъ временемъ обремененное налогами сельское населеніе разоряется и массами переселяется на заработки въ города.

Города растутъ, цехи, бывшіе первоначально союзами ремесленниковъ для самообороны отъ владѣльческихъ классовъ, превращаются въ организаціи, направленныя противъ наплыва обнищавшаго сельскаго населенія.

Они постепенно становятся все болѣе тѣсными, доступъ къ званію мастера дѣлается все болѣе труднымъ: такимъ образомъ возрастаетъ численность сельскаго пролетаріата.

По мѣрѣ возрастанія обмѣна, богатые и зажиточные ремесленники все больше производятъ для продажи, т. е. приготовляютъ запасы товаровъ для торговли. Они перестаютъ быть обыкновенными ремесленниками, работающими по заказу,—придаютъ производству широкій размахъ, поставляя свои издѣлія партіями на рынки и ярмарки. Растетъ производство предметовъ на продажу, а такіе предметы мы называемъ т о в а р а м и. Развивается хозяйство, опирающееся на т о в а р н о е производство.

VII.

Первыя формы капиталистическаго хозяйства.

Не слѣдуетъ думать, что капиталистическій строй, возникшій въ XV, XVI и XVII-омъ столѣтіяхъ, развивался вездѣ равномѣрно. Наряду со многими мѣстностями и странами, производящими преимущественно товары, продолжаетъ существовать много округовъ, въ которыхъ сельское хозяйство пребы-

ваетъ почти безъ перемѣны на переходныхъ ступеняхъ развитія. Деньги въ нихъ играютъ сравнительно слабую роль, такъ какъ почти все, въ чемъ нуждается семья, производится на сельскихъ дворахъ стараго типа, откуда лишь ничтожная часть продуктовъ выдѣляется на продажу. Всѣ эти явленія можно было наблюдать во многихъ мѣстностяхъ Германіи до XIX-го вѣка включительно.

Крестьянинъ охотнѣе давалъ ремесленнику продуктъ своего хозяйства, чѣмъ мелкую монету,—хотя первый и представлялъ въ десять разъ большую цѣнность. Плохо разбираясь въ денежныхъ знакахъ, но чувствуя ихъ могущество, крестьянинъ относился къ нимъ съ суевѣрнымъ уваженіемъ, тогда какъ продукты своего сельскаго хозяйства имѣли въ его глазахъ лишь весьма ничтожную цѣнность.

Въ густо заселенныхъ мѣстностяхъ хозяйство во всей своей совокупности все болѣе принимаетъ характеръ производства товаровъ. Усиливается денежный оборотъ и, вмѣстѣ съ нимъ, торговля въ кредитъ. Входятъ въ обычай долгосрочные договоры, расплата по которымъ производится черезъ извѣстные сроки, деньги все въ большемъ количествѣ помѣщаются подъ проценты; къ товарному хозяйству присоединяется кредитное, облегчающее возможность накапливать все увеличивающіяся денежныя богатства, которыя сосредоточиваются въ рукахъ единичныхъ владѣльцевъ. Рядомъ съ денежнымъ и ростовщическимъ капиталомъ постепенно возрастаетъ еще одна разновидность капитала, ищущая на иномъ пути своего производительнаго примѣненія, а именно—непосредственнаго приложенія къ производству, причемъ обладатель капитала стремится использовать трудъ ремесленника, мелкаго мастера и значительнаго числа работниковъ, приготовляющихъ товаръ для него. Капиталъ этотъ находитъ помѣщеніе, благодаря тому, что въ городахъ скучивается множество рабочихъ рукъ, кото-

рыя ищутъ нанимателя, не имѣя возможности участвовать въ привилегіяхъ зажиточныхъ цеховыхъ мастеровъ; капиталъ пользуется и тѣмъ обстоятельствомъ, что извѣстныя производства, какъ напримѣръ сукна, полотна, желѣзныя издѣлія и пр., часто локализируются, т. е. что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ тѣ или иныя ремесла въ отношеніи размѣровъ и достоинства выдѣлки достигаютъ исключительно высокаго развитія, чему первоначально могли способствовать естественныя условія; въ такихъ мѣстностяхъ извѣстный промыселъ легко можетъ дойти до массоваго производства.

Такимъ образомъ, наравнѣ съ торговымъ капиталомъ, образовался капиталъ исключительно промышленный, т. е. капиталъ, затрачиваемый на промыселъ съ цѣлью полученія прибыли,—капиталъ, владѣлецъ котораго нанимаетъ за плату ремесленниковъ и рабочихъ, продаетъ вырабатываемые ими товары, а прибыль беретъ себѣ. Таковы первые шаги современнаго капитализма. Зародыши капиталистическаго хозяйства развиваются изъ пережитковъ цехового хозяйства, изъ феодализма и его разложенія.

Характеристическимъ признакомъ этого періода является то, что тутъ большею частью еще господствуетъ старый типъ домашняго хозяйства, а товарное хозяйство съ широкимъ размахомъ составляетъ еще исключеніе. Ремесленники получаютъ отъ капиталистовъ отдѣльныя или постоянныя партіи опредѣленнаго товара. Капиталистъ даетъ имъ сначала не орудія производства, а только сырой матеріалъ; ремесленники этотъ матеріалъ обрабатываютъ и издѣлія продаютъ предпринимателю. Позднѣе капиталистъ доставляетъ имъ также и орудія но работники остаются еще продолжительное время ремесленниками. Образуется производство мелкихъ производителей, подобныхъ ремесленникамъ,—но это уже не ремесленники, работающіе по заказу въ

прежнемъ значеніи, они уже не самостоятельно вырабатываютъ товары, но исключительно и постоянно трудятся для капиталистовъ. Такого рода трудъ называется рукодѣльнымъ. Работа эта принуждена была сначала вести тяжелую борьбу съ цехами, которые видѣли въ ней опаснаго соперника и старались ставить ей на пути всяческія препятствія. Поэтому предпринимателямъ-кустарямъ часто приходилось селиться тамъ, гдѣ не существовало никакихъ цеховъ, а жили лишь отдѣльные ремесленники, не входящіе въ составъ цеховъ. Нѣсколько позднѣе начали собирать работниковъ, заставляя ихъ трудиться въ общихъ фабричныхъ помѣщеніяхъ. Фабрикъ этихъ не слѣдуетъ сравнивать съ нашими современными. Первоначально фабрики не пользовались сложными машинами или далеко подвинутымъ раздѣленіемъ труда; это были просто большія зданія, въ которыхъ ремесленники работали одинъ возлѣ другого.

Но, благодаря тому, что работники были собраны вмѣстѣ, возникла возможность гораздо больше, чѣмъ прежде, раздѣлить трудъ, такъ что ремесленники стали спеціализироваться въ отдѣльныхъ частяхъ производства. Эти рабочіе-спеціалисты могли позднѣе, при большемъ раздѣленіи труда, производить гораздо скорѣе и дешевле, чѣмъ раньше, когда каждый ремесленникъ самостоятельно вырабатывалъ все издѣліе сполна. Съ этого времени возникаютъ потребность производства все въ большихъ количествахъ и все увеличивающаяся возможность постепенно совершенствуемой эксплуатаціи природы посредствомъ соединеннаго, раздѣленнаго и спеціализированнаго труда; были созданы сложные аппараты, которые, при помощи различныхъ механизмовъ, сначала приводимыхъ въ движеніе просто человѣческими руками, существенно повышали скорость работы. Затѣмъ понемногу стали примѣнять силу воды, а послѣ—и силу пара,—по-

тому что воду не всюду можно найти въ надлежащемъ количествѣ.

Въ то же время стала развиваться морская торговля. Съ открытіемъ Америки въ Европу начали привозить изъ-за океана множество различныхъ богатствъ. Поэтому стала ощущаться настоятельная надобность въ отсыланіи въ обмѣнъ продуктовъ собственнаго труда. Благодаря этому увеличивался товарный оборотъ и росла власть денегъ. Старое ремесло не могло выдержать конкурренціи съ мануфактурнымъ производствомъ, и частью заглохло; самостоятельные ремесленники превращались въ наемниковъ. Съ другой стороны, крупное землевладѣніе все сильнѣе увеличивало предложеніе рабочихъ рукъ. Крестьяне, лишенные земли, переселялись въ города; такимъ образомъ, количество наемныхъ рабочихъ, которыми могъ располагать капиталъ, возросло до баснословныхъ размѣровъ. Таково въ главнѣйшихъ чертахъ происхожденіе класса, который называется наемнымъ пролетаріатомъ и состоитъ изъ лишенныхъ собственности, живущихъ продажею своего труда рабочихъ.

Слово „пролетаріатъ“ латинскаго происхожденія: въ древнемъ Римѣ такъ назывались обѣднѣвшіе свободные мѣщане; рабы не включались въ это понятіе. Человѣкомъ, имѣвшимъ только p r o l e s, т. е. только дѣтей, считался всякій обѣднѣвшій римскій гражданинъ, который торговалъ собою или, какъ выразился знаменитый экономистъ Сисмонди,— жилъ на счетъ общества. Совершенно противоположно этому понятію то, что мы въ настоящее время называемъ пролетаріатомъ, т. е. тотъ новый слой трудящагося населенія, члены котораго не являются ни ремесленниками, ни самостоятельными производителями, также не будучи рабами.

Ихъ-то, именно, мы и называемъ „пролетаріатомъ“, но различіе между современнымъ и римскимъ пролетаріатомъ сводится, главнымъ образомъ, къ тому,

что современный пролетаріатъ является все важнѣйшимъ элементомъ того общественнаго класса, за счетъ котораго живетъ все общество. Такое положеніе вещей установилось не въ одинъ день. Въ теченіе долгаго времени земледѣльческіе округа въ отношеніи численности населенія превышали, а кое-гдѣ и до сихъ поръ превосходятъ города. Въ Пруссіи, напримѣръ, еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ сельское населеніе было болѣе многочисленнымъ. Отъ двухъ третей до трехъ четвертей тогдашняго населенія Пруссіи жило по деревнямъ и занималось земледѣліемъ, и лишь незначительная часть обитала въ городахъ; деревня еще сильно вліяла на городъ. Особенно мелкіе города всецѣло зависѣли отъ своихъ сельскихъ окрестностей.

Главные признаки капитализма въ первыхъ фазисахъ его развитія сводятся къ слѣдующему: образуются весьма отсталый вслѣдствіе недавняго обезземеленья сельскій пролетаріатъ, крупные торговые капиталы, первыя примѣненія рукодѣльнаго труда, первоначальныя фабрики; пріобрѣтаютъ большое значеніе деньги; вмѣстѣ съ тѣмъ, большинство населенія продолжаетъ вести сельское хозяйство. Въ это время могутъ еще существовать даже остатки древней родовой общины; впрочемъ, ея правовое и хозяйственное обособленія уже сильно подорваны,—въ ея среду постепенно проникаетъ торговый обмѣнъ. Вліяніе нарождающагося капитализма оказалось истинно пагубнымъ для многихъ классовъ населенія.

Рабочій классъ подвергнулся безграничному эксплуатированію; онъ оказался почти беззащитнымъ. Цехи или сами распадались, или бывали уничтожаемы, когда пытались рѣзко противостать новому строю; денежное хозяйство угнетало сельское населеніе. Только города непрерывно богатѣли; но и здѣсь капиталы накоплялись исключительно среди господствующихъ классовъ.

VIII.

Капиталистическое хозяйство въ полномъ развитіи.

Капитализмъ продолжалъ развиваться полнымъ ходомъ. По мѣрѣ возрастанія торговыхъ оборотовъ, все болѣе развивалось и кредитное хозяйство, порождая новые виды собственности. Въ теченіе продолжительнаго времени главнымъ представителемъ богатства было крупное землевладѣніе, тогда какъ движимое имущество и деньги играли роль, сравнительно незначительную. Постепенно, однако, на первый планъ все больше выдвигаются деньги— и не только металлическія. Въ виду того, что въ подобныхъ деньгахъ ощущается уже недостатокъ, богатства накапливаются въ видѣ денежныхъ ассигнацій и банковыхъ бумагъ. Въ нихъ воплощаются доходы съ земли, промышленныхъ предпріятій и т. п. Вслѣдствіе этого состоянія становятся все болѣе подвижными; земли переносить съ мѣста на мѣсто невозможно, но закладныя на имѣнія легко переходятъ изъ рукъ въ руки. Большихъ фабричныхъ зданій также нельзя перемѣщать, но если фабрика принадлежитъ акціонерной компаніи, ея акціи могутъ хоть по сто разъ въ день мѣнять своихъ владѣльцевъ. Богатство, если можно такъ выразиться, окрыляется, и эта подвижность состояній въ высокой степени благопріятствуетъ концентраціи предпріятій. Средства, которыми располагаетъ капитализмъ, все больше облегчаютъ господство надъ силами природы, а возростаніе производимыхъ богатствъ влечетъ за собою все большее увеличеніе числа капиталистовъ. Человѣкъ, ведущій обыденную жизнь, даже не подозрѣваетъ, до какой степени распространены въ настоящее время акціи.

Германскія капиталистическія предпріятія, существующія въ видѣ акціонерныхъ компаній, распола-

гаютъ въ настоящее время состояніемъ, по меньшей мѣрѣ на сумму въ тридцать тысячъ милліоновъ марокъ (около 14 милліардовъ рублей). Это, послѣ денегъ, наиболѣе подвижная форма, въ которой проявляется собственность въ современномъ хозяйствѣ. Наряду съ нею мы видимъ въ закладныхъ листахъ столь же подвижную форму владѣнія землею и домами. Посредствомъ акцій собственность извлекаетъ доходы изъ всѣхъ родовъ труда, причемъ все меньше соприкасается съ самимъ процессомъ производства. Акціонеръ, покупающій какую-либо акцію, часто совсѣмъ не знаетъ и не имѣетъ надобности знать, что, именно, выдѣлываетъ общество, котораго фирма значится на его акціи; онъ справляется у своего банкира лишь о томъ, солидна-ли эта компанія и хорошій-ли дивидендъ приносятъ ея акціи. Онъ мало знаетъ о томъ, что производится на фабрикѣ или заводѣ, еще меньше—о способахъ производства, и не имѣетъ понятія, кто такія лица, занимающіяся этимъ производствомъ. Онъ знаетъ и интересуется лишь тѣмъ, какой дивидендъ (доходъ) даютъ извѣстныя акціи. Почти также обстоитъ дѣло и съ закладными листами.

Чтобы сдѣлать эти бумаги еще болѣе удобными для обращенія, ипотечные банки скупаютъ ипотеки и затѣмъ выпускаютъ на соотвѣтствующую сумму закладные листы, которые могутъ переходить изъ рукъ въ руки такъ же, какъ акціи и наличныя деньги. Въ современномъ обществѣ доходъ, приносимый капиталомъ, все болѣе теряетъ связь съ трудомъ, который создаетъ его.

Кромѣ того, современное общество отличается все возрастающимъ преобладаніемъ города надъ деревней. Не только въ экономическомъ отношеніи, но и вообще въ общественной жизни деревня подчиняется городу. Сельское хозяйство впадаетъ все въ сильнѣйшую зависимость отъ города; постепенно исчезаютъ послѣдніе слѣды прежней домашней промышленности. Загляните въ самыя глухія захолу-

стья Германіи, и вы убѣдитесь, что даже въ ничтожнѣйшей деревушкѣ большая часть потребностей удовлетворяется покупными предметами, а большая часть своихъ продуктовъ идетъ въ продажу.

Самостоятельное хозяйство играетъ все меньшую роль,—его вытѣсняютъ денежное хозяйство и усовершенствованные пути сообщенія. Въ настоящее время мы всецѣло вступили въ область развившагося обмѣннаго хозяйства. Сельское населеніе растетъ, возникаютъ гигантскіе города, а обмѣнъ становится всемірнымъ. Кто бы подумалъ лѣтъ тридцать тому назадъ, что теперь мы получимъ возможность покупать съ лотковъ уличныхъ разносчиковъ апельсины, бананы? Какъ часто случается услышать, въ отвѣтъ на вопросъ о сортѣ яблоковъ: „о, это настоящія американскія!“ Подумайте только, яблоки,—плоды, съ которыми мы такъ сроднились, привозятся къ намъ большими партіями изъ далекой Америки! Быстрота и доступность сообщенія повысились до небывалыхъ размѣровъ. Усовершенствованіе промышленности повлекло за собою развитіе способовъ сообщенія, а эти послѣдніе, въ свою очередь, содѣйствуютъ процвѣтанію промышленности. Пусть люди зрѣлаго возраста сравнятъ наши желѣзныя дороги и ихъ огромное движеніе съ тѣмъ, что было лѣтъ тридцать, сорокъ тому назадъ; сопоставленіе это покажетъ имъ, какой коренной переворотъ совершился въ этой области въ настоящее время.

Въ Германіи теперь выдвинулся на первый планъ такъ называемый аграрный вопросъ. Изслѣдуя его, мы приходимъ къ выводу, что вопросъ сводится не къ тому, можетъ-ли существовать при нынѣшнихъ условіяхъ земледѣлецъ. Если бы крестьянинъ хотѣлъ жить, какъ въ былыя времена, онъ могъ бы прокормиться совершенно спокойно, потому что выручаетъ теперь за свои продукты гораздо больше, чѣмъ прежде. Аграрный вопросъ, въ сущности, возникъ

потому, что житель деревни хочетъ жить не хуже обитателя города; крестьянинъ, такъ крѣпко придерживавшійся въ былыя времена своихъ обычаевъ, все сильнѣе подпадаетъ подъ вліяніе соблазновъ городской жизни, для которой у него не хватаетъ доходовъ. Это объясняется не политическимъ преобладаніемъ города надъ деревней: въ политическомъ отношеніи даже въ Германіи, вслѣдствіе недостатковъ избирательнаго права и другихъ условій государственнаго строя, деревнѣ все еще предоставлены значительныя преимущества передъ городомъ. Разгадка аграрнаго кризиса въ Германіи сводится къ экономическому и этнологическому, отражающемуся въ народныхъ обычаяхъ господству города надъ деревней.

Не имѣя возможности остановиться далѣе на этомъ вопросѣ, мы ограничимся лишь приведенными общими чертами. Чрезвычайно важнымъ послѣдствіемъ капиталистическаго хозяйства оказывается гигантскій приростъ числа промышленныхъ рабочихъ. По даннымъ послѣдней переписи 1895 г., въ Германіи насчитывалось около шести милліоновъ людей, трудящихся въ области промышленности, не считая носильщиковъ. Согласно же свѣдѣніямъ, собраннымъ фабричными инспекторами и страховыми обществами, въ теченіе протекшихъ съ тѣхъ поръ восьми лѣтъ численность рабочихъ въ промышленности возрасла до семи, если не до восьми милліоновъ. При этомъ въ расчетъ не включены сотни тысячъ мелкихъ ремесленниковъ, въ сущности, также являющихся наемниками капитала, хотя они и не работаютъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Эта многомилліонная масса кореннымъ образомъ отличается отъ ремесленниковъ до-капиталистическихъ временъ.

Современный рабочій не питается за столомъ своего работодателя, не живетъ у него въ домѣ; онъ устраивается на своей собственной квартирѣ, т. е.

заводить самостоятельное хозяйство, причемъ вся забота объ участи семьи остается на его отвѣтственности. Шесть милліоновъ промышленныхъ рабочихъ и ремесленниковъ въ 1895 г. содержали семьи, состоявшія изъ семи милліоновъ душъ,—въ то время, какъ отъ труда такого же количества сельскихъ рабочихъ кормилось лишь три милліона душъ.

Прежній работникъ не женился до тѣхъ поръ, пока не достигалъ званія мастера и не превратился въ мелкаго предпринимателя. Теперь же рабочій обзаводится семьей, оставаясь простымъ работникомъ; его считаютъ равноправнымъ гражданиномъ, классъ его возрастаетъ численно и въ смыслѣ общественнаго вліянія.

Во всѣхъ промышленныхъ центрахъ, гдѣ въ настоящее время сосредоточивается экономическая жизнь, гдѣ усиленно бьется пульсъ общественной жизни, гдѣ скрещиваются великія артеріи сѣти путей сообщенія,—тамъ повсюду пріобрѣтаетъ все больше значенія и всему задаетъ тонъ рабочій.

Впрочемъ, въ экономическомъ отношеніи еще господствуетъ классъ капиталистовъ, противъ гнета котораго организуются различные слои рабочаго населенія. Рабочіе учреждаютъ профессіональные союзы, т. е. организуются для обороны отъ власти капитала. Такимъ же образомъ объединяются и ремесленники, но съ иною цѣлью: они пытаются задержать современное экономическое развитіе, а не двигать его впередъ. Немногаго достигли они въ этомъ направленіи,—и немногаго могутъ добиться. Капиталистическія предпріятія, въ свою очередь, также объединяются подъ видомъ картелей, синдикатовъ, трестовъ.

Всѣ капиталистическія предпріятія, при помощи всѣхъ, которыми располагаютъ, колоссальныхъ средствъ экономическаго преобладанія соединяются, съ одной стороны, ради борьбы съ рабочими, съ

другой—для ослабленія взаимной конкурренціи, чтобы имѣть возможность навязывать потребителямъ цѣны, необходимыя имъ для увеличенія доходовъ.

Эти капиталистическіе союзы, поддерживаемые покровительственными пошлинами, какъ бы повторяютъ въ увеличенномъ масштабѣ опыты прежнихъ цеховъ. Но берутъ они за образецъ не цехи временъ ихъ процвѣтанія; нѣтъ, они оказываются явленіемъ, соотвѣтствующимъ эпохѣ разложенія цеховъ, когда послѣдніе захватывали монополіи, угрожая интересамъ общества, притѣсняя рабочихъ, облагая все населеніе контрибуціей. Обѣ эти черты характеризуютъ и нынѣшніе синдикаты и тресты.

Огромное численное возрастаніе и внутреннія измѣненія въ рабочемъ классѣ, чрезвычайное развитіе легкости обращенія капитала, все болѣе усиливающаяся борьба между капиталомъ и трудомъ, разрастаніе городовъ и желѣзнодорожной сѣти,—всѣ эти явленія указываютъ на то, что капиталистическая форма не есть конечное видоизмѣненіе хозяйства, что капиталистическое хозяйство приближается къ перевороту, послѣ котораго водворится новый родъ хозяйства.

IX.

Предвѣстники новаго хозяйственнаго строя.

Какимъ же окажется будущее хозяйство? Какъ его опредѣлить? Въ какую форму оно выльется?

Наше общество во всей своей совокупности, наши огромныя государства, слагавшіяся прежде изъ политическихъ организмовъ, не соединенныхъ между собою никакими внутренними скрѣпами, въ настоящее время объединены и образуютъ организмы, составныя части которыхъ не обособлены, а связаны

между собою множествомъ каналовъ. Внутри этихъ организмовъ мы видимъ, въ формѣ картелей и синдикатовъ, союзы отдѣльныхъ хозяйствъ, содержащихъ цѣлую армію рабочихъ и оказывающихъ огромное вліяніе на жизнь совокупныхъ организмовъ. Но чьи интересы выигрываютъ отъ этого вліянія? Интересы не тѣхъ, кто производитъ,—даже не тѣхъ, кто управляетъ производствомъ, такъ какъ эти руководители обыкновенно получаютъ большую или меньшую плату за свою службу. Прибыль получаютъ, главнымъ образомъ, владѣльцы цѣнныхъ бумагъ, одной или нѣсколькихъ акцій. Но можно-ли допустить, что человѣчество всегда будетъ терпѣливо мириться съ такимъ укладомъ? И возможно-ли признать подобный строй достойнымъ человѣчества? Строй, при которомъ все увеличивается численность людей, отъ самаго ранняго возраста, благодаря своему классовому положенію, не знающихъ иного занятія, кромѣ выжиманія прибылей изъ чужой работы? Вспомните древній Римъ: тамъ также существовалъ господствующій классъ, презиравшій трудъ и привыкшій жить роскошно; въ концѣ-концовъ онъ разложился. Такой общественный классъ долженъ въ конечномъ результатѣ лишиться власти.

Нетрудно доказать, что это случится безусловно. Мы знаемъ, какъ капиталистическія предпріятія соединяются въ картели и синдикаты, сливаются въ тресты. Вся промышленность въ области нѣкоторыхъ производствъ все больше сосредоточивается въ рукахъ крупныхъ капиталистическихъ союзовъ. Гдѣ это уже осуществилось, тамъ достаточно одного шага, чтобы такой капиталистическій союзъ лишить собственности въ пользу всего общества, а не единичныхъ акціонеровъ. Производство въ пользу общества называется общественнымъ производствомъ.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, хозяйственная форма сама по себѣ стремится къ обобществле-

нію, съ другой же—по мѣрѣ роста городовъ расширяются и ихъ задачи.

Прежде, когда города состояли почти исключительно изъ крестьянскихъ дворовъ и нѣсколькихъ улицъ, населенныхъ ремесленниками, дѣло мѣстнаго управленія не было сложнымъ.

Потребность въ опрятности была мало развита, цѣны на землю стояли низкія, городъ не былъ обремененъ никакими широкими административными задачами.

Въ настоящее время всѣ эти условія коренным образомъ измѣнились. Задачи администраціи осложняются въ разныхъ направленіяхъ.

Въ современныхъ городахъ, по мѣрѣ ихъ разрастанія, возникаетъ лихвенная спекуляція землею, такъ какъ развитіе города влечетъ за собою вздорожаніе земельныхъ участковъ.

Но что такое представляетъ изъ себя цѣнность земли? Она является ничѣмъ инымъ, какъ капитализированнымъ налогомъ, которымъ облагали горожанъ мѣстные землевладѣльцы. Это, очевидно, пережитокъ того феодальнаго права, которое господствовало въ средніе вѣка. Въ прежнія времена народъ платилъ дань феодаламъ, нынѣшніе жители городовъ платятъ дань землевладѣльцамъ, и общественное сознаніе все сильнѣе возмущается такимъ порядкомъ вещей.

Невозможно предоставить этотъ вопросъ свободной конкурренціи экономическихъ силъ, потому что, какъ убѣждаетъ опытъ, плата за наемъ помѣщеній непрерывно поднимается, дороговизна растетъ, земля должна приносить владѣльцу все большіе доходы. Въ концѣ-концовъ мѣстная власть должна положить этому предѣлъ, но радикальнымъ средствомъ можетъ быть лишь передача всей вообще земли въ общественное владѣніе.

Но и этого будетъ недостаточно. Городъ долженъ руководить общественною политикою также въ от-

ношеніи перевозочныхъ средствъ и удовлетворенія жилищной нужды, предпринимая сооруженіе достаточнаго числа жилыхъ домовъ и сдавая ихъ въ наймы по цѣнамъ, соотвѣтствующимъ издержкамъ на сооруженіе и содержаніе. Это неизбѣжно, потому что нужды культурной жизни и требованія гигіены, предъявляемыя къ квартирамъ, все возрастаютъ, а дѣйствительность остается далеко позади. Вслѣдствіе этого не можетъ не произойти коренного переворота въ политикѣ городскихъ самоуправленій; несомнѣнно, что плодотворно и предусмотрительно справляться съ задачами такой политики способны лишь городскія управленія, въ которыхъ, на основаніи демократическаго избирательнаго права, рѣшающій голосъ принадлежитъ большинству городскихъ жителей, а не такъ, какъ въ Пруссіи, гдѣ большинство голосовъ, по закону, обезпечено за домовладѣльцами. Только тамъ, гдѣ существуетъ всеобщее голосованіе, можетъ проявиться энергія, необходимая для веденія городской политики, соотвѣтствующей потребностямъ и задачамъ современности.

Чѣмъ больше задачъ ставитъ передъ собой община, тѣмъ большему числу рабочихъ косвенно или непосредственно даетъ она занятіе. Такимъ образомъ возникаетъ необходимость вести общую политику, что со временемъ влечетъ за собою демократизацію города и организацію его въ качествѣ общественной хозяйственной единицы въ интересахъ всего общества. Это, именно, и называется коммунистическимъ соціализмомъ.

Такимъ образомъ въ общинахъ, подъ давленіемъ общественныхъ отношеній и развивающагося рабочаго класса, поднимаются первые побѣги новаго общественнаго строя.

Но и государство въ настоящее время ставитъ себѣ иныя, чѣмъ прежде, задачи. Оно должно частью увеличивать свой контроль и руководительство

надъ путями сообщенія, частью даже принимать на себя производство товаровъ.

Все чаще случается, что частная собственность и частное право мѣшаютъ сложной и непомѣрно развѣтвившейся хозяйственной жизни, и что въ такихъ случаяхъ государство, въ интересахъ общества устраняетъ препятствія, замѣняя частныя предпріятія общественными. Словомъ, и тутъ проявляются зародыши новаго общественнаго строя, которые въ итогѣ доведутъ до образованія хозяйственной формы. Въ такомъ хозяйствѣ будутъ руководить производительностью уже не мелкія мѣстныя общины, разобщенныя между собою, не національные или международные союзы капиталистовъ, но государство и общины; послѣднія же, состоя между собою въ органическомъ единеніи, и на основѣ раздѣленія труда сами или при помощи выборныхъ и контролируемыхъ учрежденій все больше подчинятъ дѣло народнаго хозяйства интересамъ всего общества.

Когда пришли въ упадокъ цехи и прежнія домашнія хозяйства, возникла надежда, что распадъ замкнутыхъ хозяйственныхъ формъ вызоветъ дешевизну продуктовъ и улучшеніе ихъ качества. Но свободная конкурренція едва наполовину оправдала возлагавшіяся на нее надежды. Слой торговыхъ посредниковъ между производителями и потребителями все возросталъ. Торговое посредничество все болѣе распространялось, все большее число людей желало существовать торговлей, а, вслѣдствіе этого, и цѣны товаровъ все поднимались. Но и общественное самосознаніе не отставало, изыскивая новые способы для удовлетворенія общественныхъ потребностей.

Починъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ рабочему классу, наиболѣе страдающему отъ вздорожанія продуктовъ.

Чтобы освободиться отъ торговаго посредничества, рабочіе основываютъ потребительныя обще-

ства, которыя въ Германіи дѣйствуютъ пока еще въ небольшихъ размѣрахъ, но которыя, какъ показываетъ примѣръ Англіи, могутъ такъ разростись, что охватятъ почти все производство нѣкоторыхъ предметовъ потребленія. Они даютъ основу для снабженія членовъ общины всѣми необходимыми продуктами при ея собственномъ посредничествѣ. Если общины пожелаютъ когда-либо организоваться въ цѣляхъ потребленія, имъ стоитъ только взять въ свои руки рабочія потребительныя товарищества тамъ, гдѣ они существуютъ и имѣютъ достаточно силы, и затѣмъ лишь расширить кругъ ихъ дѣятельности. Понадобилось бы только измѣненіе размѣровъ, а не сущности этой организаціи.

Въ этомъ направленіи дѣйствуютъ уже и сами рабочія потребительныя товарищества. И здѣсь обнаруживаются предвѣстники новаго экономическаго уклада. Развитіе современнаго быта вызываетъ, съ одной стороны, потребности и творческія силы, съ другой же стороны—*формы и организаціи* новаго экономическаго строя, которыя повсюду великіе общественные интересы ставятъ выше отдѣльныхъ лицъ и группъ, а потому называются общественными.

Мы не знаемъ, каковы будутъ ихъ проявленія, и не имѣемъ надобности знать объ этомъ въ настоящее время. Намъ достаточно того, что мы видимъ ихъ зародыши, убѣждаясь, что хозяйство приближается къ такому строю и возбуждаетъ въ этомъ направленіи любознательность народныхъ массъ.

Мы прослѣдили, какъ развивалось человѣческое хозяйство, начиная съ простѣйшихъ, первобытныхъ формъ, и видѣли, какъ иногда, повидимому, развитіе это останавливалось. Мы видѣли гибель древнихъ культуръ, которыя лишились возможности прогрессировать, такъ какъ господствующіе классы

выродились физически и духовно, а низшіе классы носили ярмо рабства.

Въ будущемъ ждетъ насъ новая форма хозяйства. Рабства уже не существуетъ, основою хозяйства является сильный численностью, духовно здоровый рабочій классъ.

Развивая свою сознательность, будучи угнетены, какъ производители, но свободны, какъ граждане, рабочіе, въ силу своего классоваго положенія принуждены домогаться все большихъ гражданскихъ правъ, которыхъ несомнѣнно и добьются, такъ какъ лишены ихъ несправедливо. Порукой этому служитъ то, что численность рабочихъ все возрастаетъ, увеличивая ихъ общественное значеніе, а главное то, что въ общественной жизни, въ главныхъ сферахъ мірового промышленнаго хозяйства, они составляютъ преобладающую силу. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ мы почерпаемъ увѣренность, что человѣчество не только не останется на современномъ уровнѣ развитія хозяйства,—что невозможно,—но также и въ томъ, что оно не пойдетъ вспять, а перейдетъ къ новой, высшей формѣ хозяйства и культуры.

Въ этомъ насъ убѣждаетъ и повышеніе умственнаго развитія современныхъ рабочихъ; рабочій классъ во всѣхъ отношеніяхъ прогрессируетъ; онъ растетъ не только количественно, не только завоевываетъ все важнѣйшее экономическое значеніе, но оказываетъ все большее духовное вліяніе на окружающую среду, стремясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ расширенію своего умственнаго кругозора.

ЭКСПРОПРІАЦІЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ.

С. Піотровскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., № 40.
1907.

Обобществленіе орудій производства, обогащающее рабочаго, является вмѣстѣ съ тѣмъ экспропріаціей предпринимателя.

Оправдывая такую экспропріацію, соціалисты приводятъ три довода: во-первыхъ, что предприниматель, въ сущности, ничего не дѣлаетъ; во-вторыхъ, что и то, что онъ дѣлаетъ, оказывается для общества вреднымъ; въ-третьихъ, что все его состояніе, какъ похищенная у рабочихъ часть ихъ заработанной платы, должно быть возвращено рабочимъ.

Разсмотримъ всѣ три части этого разсужденія.

I.

Мозгъ и нервы являются какъ бы правительствомъ человѣческаго тѣла. При ихъ помощи человѣкъ чувствуетъ, мыслитъ, производитъ движенія и сознаетъ, что чувствуетъ, мыслитъ и производитъ движенія.

Однако, кромѣ сознательныхъ движеній, въ человѣческомъ организмѣ происходятъ движенія внутреннія, безсознательныя, которыя являются основою человѣческой жизни. Имѣются пищеварительныя движенія—желудка и кишокъ, и движенія органовъ кровеобращенія: сердца, артерій и венъ. Кровеобращеніе и пищевареніе являются основами жизни человѣка, его хозяйствомъ, и движенія соотвѣтствующихъ органовъ происходятъ постоянно,

непрерывно, днемъ и ночью; человѣкъ ничего о нихъ не знаетъ, потому что этими движеніями управляетъ не мозгъ, а особыя нервныя приспособленія, называемыя внутренними или симпатическими нервными узлами. Нервы эти сосредоточиваются въ небольшихъ, такъ сказать, узлахъ или нервныхъ скрещеніяхъ, разсѣянныхъ по всѣмъ внутренностямъ. Наибольшій изъ такихъ узловъ расположенъ въ діафрагмѣ, отдѣляющей грудную клѣтку отъ брюшной полости. Кромѣ нервовъ, соединяющихъ между собою узлы нервовъ внутренностей, имѣются еще нервныя волоконца, соединяющія всю эту систему съ мозгомъ. Въ обычномъ, т. е. въ здоровомъ состояніи мозгъ человѣка ничего не знаетъ о томъ, что происходитъ во внутренностяхъ, и только во время болѣзни доходятъ до мозга ощущенія боли или безпокойства.

Благодаря такому устройству, правительство человѣческаго тѣла, т. е. мозгъ, не занимается дѣлами пищеваренія и кровеобращенія, покуда они дѣйствуютъ правильно, и можетъ посвящать все свое вниманіе мышленію и труду; только въ случаѣ заболѣванія мозгъ принужденъ думать объ обнаруженіи причинъ болѣзни и изысканіи средствъ для ея устраненія.

Въ общественномъ организмѣ предприниматели играютъ роль нервовъ, расположенныхъ во внутренностяхъ. На ихъ обязанности лежитъ производство и доставленіе каждому мѣсту общественнаго тѣла, каждой точкѣ страны достаточнаго количества пищи и другихъ продуктовъ, необходимыхъ для удовлетворенія потребностей членовъ общества. Ради прибыли предприниматели стараются, чтобы всѣ необходимые человѣку предметы были своевременно и какъ можно дешевле выработаны (земледѣльцы, горнопромышленники, фабриканты), развезены по всей странѣ (желѣзныя дороги, возчики, шкипера) и продавались оптомъ и въ розницу

во всѣхъ городахъ и селеніяхъ (купцы). Всѣ эти операціи находятся подъ опекой предпринимателей; за выполненіе своей задачи они должны получать вознагражденіе, и это вознагражденіе, называемое прибылью, столь же законно, какъ и заработокъ рабочаго.

Пока люди жили въ дикомъ, варварскомъ состояніи и имѣли столь малыя потребности, что удовлетворяли ихъ собственнымъ трудомъ, до тѣхъ поръ міръ обходился безъ предпринимателей и купцовъ. Въ каждой семьѣ мололи сами хлѣбъ жерновами, откармливали свиней ради ихъ мяса, и коровъ—для полученія молока. Каждая семья пряла, ткала и шила свою одежду. Въ настоящее время никто изъ насъ, однако, не желаетъ вернуться къ тому первобытному состоянію. Раздѣленіе труда сдѣлалось неизбѣжнымъ условіемъ нашего существованія, а предприниматели, фабрикантъ и купецъ, въ общественномъ обиходѣ столь же необходимы, какъ крестьянинъ, ремесленникъ и фабричный рабочій.

Профессія предпринимателя требуетъ знаній и опытности, пріобрѣсти которыя при другомъ постоянномъ занятіи весьма трудно, потому что разумъ человѣческій ограниченъ и всего знать не можетъ. Поэтому ихъ трудъ имѣетъ право на свое вознагражденіе; главное же различіе между заработкомъ рабочаго и прибылью предпринимателя сводится къ тому, что работникъ получаетъ заработную плату немедленно по выполненіи труда, не сообразуясь съ тѣмъ, пригодится-ли кому-нибудь продуктъ работы, товаръ нашелъ-ли покупателя, или не нашелъ; предприниматель же получаетъ свой заработокъ, т. е. прибыль, лишь въ томъ случаѣ, если не ошибается въ своихъ разсчетахъ, произведя вещь, нужную кому-нибудь, и продавъ ее дороже того, чѣмъ она ему обошлась. Отсюда слѣдуетъ, что рабочій всегда получаетъ свою заработанную плату, предприниматель же можетъ вернуть

затраченный капиталъ или потерять его,—причемъ, въ послѣднемъ случаѣ ему придется покрывать убытки предпріятія, лишиться части своего имущества, принявъ на себя рискъ, т. е. опасности предпріятія.

Если бы мы сразу устранили всѣхъ предпринимателей, фабрикантовъ и купцовъ, мы были бы принуждены установить,—какъ и предлагаетъ извѣстный бельгійскій соціалистъ Вандервельде,—какое-либо новое правительство, завѣдующее хозяйственными (экономическими) дѣлами общества. Если, однако, это правительство будетъ ссориться съ правительствомъ, завѣдующимъ политическими дѣлами,—что неизбѣжно (потому что два правительства не могутъ ужиться въ одномъ государствѣ),—обѣ эти власти придется соединить въ одну,—и тогда правительство будетъ справляться со своими задачами хуже, чѣмъ въ настоящее время.

Тотъ же самый разумъ, который, направляя развитіе человѣка, внѣдрилъ въ него двоякаго вида нервы, указалъ также наилучшій путь для установленія общественнаго строя. Онъ освободилъ мозгъ, т. е. сознательное правительство, отъ обязанности слѣдить за отправленіями, которыя могутъ быть выполнены и безъ его участія. Всякая сила, какъ мозговая, такъ и правительственная, всегда имѣетъ свои предѣлы,—и расширеніе ея задачъ не можетъ не повлечь за собой худшаго ихъ выполненія. Предприниматели оказываются, значитъ, и полезнымъ, и необходимымъ общественнымъ классомъ; прибыль же ихъ, какъ вознагражденіе за трудъ, столь же соотвѣтствуетъ понятію о справедливости, какъ и заработанная плата рабочаго.

Перейдемъ теперь ко второй части, къ упреку, будто предприниматели неудовлетворительно выполняютъ свои обязанности.

II.

Дѣятельность предпринимателей, главнымъ образомъ фабрикантовъ, по мнѣнію соціалистовъ, вредна для остальныхъ классовъ общества, потому что неизбѣжно создаетъ неурядицу, анархію, въ производствѣ и торговлѣ товарами, время-отъ-времени производя кризисы въ промышленности и торговлѣ, вслѣдствіе перепроизводства.

Предприниматели, говорятъ они, гонятся исключительно за прибылью; часто, безъ дѣйствительной надобности, основываютъ новыя и расширяютъ старыя фабрики, пока не нагромоздятъ, вслѣдствіе своей неосмотрительности, излишка товаровъ. Такого рода кризисы неизбѣжно должны повторяться черезъ извѣстные промежутки времени, каждые 5—10 лѣтъ; во время нихъ предприниматели банкротятся, фабрики закрываются, лишая рабочихъ заработка, тысячи людей терпятъ нужду и голодъ. Всѣ эти бѣдствія происходятъ вслѣдствіе того, что не имѣется власти, которая поддерживала бы порядокъ среди фабрикантовъ, т. е. изъ-за неурядицы, анархіи, въ промышленности и торговлѣ.

Въ первой половинѣ XIX вѣка, т. е. въ тѣ времена, когда еще возникала современная промышленность, перепроизводство, дѣйствительно, обнаруживалось періодически (приблизительно каждые десять лѣтъ). Кризисы оказывались бѣдствіемъ, какъ для рабочихъ, такъ и для фабрикантовъ; многіе изъ нихъ совершенно раззорялись. Фабриканты долго изыскивали способы предотвратить эти бѣдствія. Въ послѣдней четверти XIX-го вѣка, начиная съ 1870 г., предприниматели начали заключать между собою договоры, соединяться въ союзы, имѣющіе цѣлью установить добровольное ограниченіе производства и прибыли. Союзы эти именовались картелями, синдикатами, трестами; участ-

ники ихъ отказывались отъ самовольнаго расширенія фабрикъ и ограничивали свое производство. Были также случаи продажи всѣхъ однородныхъ фабрикъ одному акціонерному обществу, которое завладѣвало всѣмъ рынкомъ и окончательно устраняло перепроизводство.

Такимъ образомъ, было обнаружено, что промышленно-торговые кризисы вовсе не неизбѣжны: посредствомъ добровольныхъ соглашеній ихъ можно или ослабить, или предотвратить совершенно.

Нельзя отрицать, что эти способы устраненія кризисовъ страдаютъ весьма существенными недостатками: союзы промышленниковъ нерѣдко пытаются, и съ успѣхомъ, непомѣрно вздуть цѣны на товары, чтобы сорвать съ покупателей огромную прибыль. Съ такими хищническими поползновеніями, однако, можно бороться. Во всякомъ случаѣ, союзы промышленниковъ и ихъ успѣхъ доказали, что явленіе, называемое соціалистами неурядицей, „анархіей производства“, долженствующее безусловно и неизбѣжно порождать торгово-промышленные кризисы, съ массовымъ лишеніемъ рабочихъ заработка, голоданіемъ и обнищаніемъ трудящихся, вовсе не безусловно неизбѣжно, такъ какъ можетъ быть устранено посредствомъ союзовъ предпринимателей и путемъ собиранія и оглашенія данныхъ объ урожаяхъ и количествахъ выработанныхъ товаровъ (статистика).

Мы можемъ добавить, что въ Англіи, для устраненія кризисовъ, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности образовались союзы, въ составъ которыхъ вошли и фабриканты, и рабочіе.

Фабриканты обязуются не нанимать никакихъ иныхъ рабочихъ, кромѣ принадлежащихъ къ союзу, а рабочіе принимаютъ на себя обязательство работать только на фабрикахъ, вошедшихъ въ союзъ; заработная плата устанавливается на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Такимъ образомъ

промышленность избавляется отъ опасности перепроизводства, а рабочій обезпечиваетъ себѣ постоянный заработокъ.

Такого рода союзы доказываютъ, что, при доброй волѣ и довѣріи между фабрикантомъ и работникомъ, самые щекотливые вопросы могутъ быть разрѣшены путемъ взаимнаго соглашенія, отъ котораго обѣ стороны всегда больше выиграютъ, чѣмъ отъ междуусобной войны. Обѣ стороны заинтересованы въ успѣшности производства, и, хотя во многихъ отношеніяхъ интересы ихъ противоположны, тѣмъ не менѣе, при доброй волѣ могутъ найти много точекъ соприкосновенія, на которыхъ легко установить искреннее единеніе и общность интересовъ. Передъ нами лежитъ такъ называемое брукленское соглашеніе (Англія) 1893 г. между владѣльцами бумагопрядилень и рабочими. Оно начинается признаніемъ, что стачки причиняютъ ущербъ обѣимъ сторонамъ и должны быть избѣгаемы. Это одинаково вѣрно, какъ въ Англіи, такъ и въ Россіи.

Съ другой стороны, исторія снабжаетъ насъ также матеріалами для опредѣленія, лучше-ли правительство справляется съ общественными хозяйственными дѣлами, чѣмъ частные предприниматели.

Мы знаемъ изъ исторіи, какимъ ужаснымъ бѣдствіемъ для человѣчества были прежде неурожаи и голодъ. Люди вымирали тысячами и поѣдали другъ друга.

Цѣны на хлѣбъ повышались въ нѣкоторые года въ десять и даже въ двадцать разъ, тогда какъ въ настоящее время разница въ цѣнахъ на зерновой хлѣбъ въ Европѣ (въ Англіи) рѣдко превышаетъ на $^1/_5$ прошлогоднюю стоимость, а голодъ или недостатокъ въ пищевыхъ продуктахъ проявляются лишь тамъ, гдѣ не хватаетъ путей сообщенія и предпринимателей.

Исторія средневѣковья и новѣйшаго времени до конца XVIII вѣка свидѣтельствуетъ, какъ много издано законовъ и предписаній, какъ правительства, эти мозги человѣческихъ обществъ, хлопотали, чтобы предотвратить голодовки, т. е. снабжать хлѣбомъ мѣстности, постигнутыя неурожаемъ. Написано также много ученыхъ сочиненій о томъ, что должны дѣлать правительства, чтобы предотвратить голодовки.

Устраивались запасные хлѣбные магазины; въ урожайные годы туда ссыпали хлѣбъ, чтобы, въ случаѣ голода, раздавать пищу даромъ или выдавать въ ссуду неимущимъ.

Опытъ, наконецъ, научилъ людей, что такіе склады не приносятъ никакой пользы. Хлѣбъ разворовывали; остатки, не поѣденные крысами и мышами, гнили.

Устанавливали цѣны на зерно, муку, хлѣбъ,—и, несмотря на это, въ неурожайные годы дороговизна хлѣба вызывала голодъ, бунты и революціи.

Еще недавно въ западныхъ государствахъ Европы, какъ и по нынѣшнее время въ Россіи, задачу снабженія жителей хлѣбомъ въ неурожайные годы правительства принимали на себя,—и не подлежитъ сомнѣнію, что они выполняли эту обязанность хуже, чѣмъ предприниматели, торговцы.

Опытъ показалъ, что лучше всего проложить дороги, улучшить пути сообщенія, оглашать обстоятельныя вѣдомости объ урожаяхъ, а остальное—предоставить нервамъ общественныхъ внутренностей, т. е. торговымъ предпринимателямъ, которые всегда постараются купить хлѣбъ тамъ, гдѣ онъ всего дешевле, и доставить туда, гдѣ онъ всего дороже.

Такимъ образомъ утвержденіе, будто предприниматели выполняютъ свою задачу худо и будто правительства будутъ справляться съ нею лучше,—оказывается несогласнымъ съ выводами историческаго опыта.

III.

Приступая къ разсмотрѣнію третьяго основанія, долженствующаго оправдать экспропріацію фабриканта, мы должны подвергнуть разслѣдованію, что такое представляютъ вообще прибыль и цѣнность, и какъ онѣ возникаютъ.

Кромѣ обязанности управлять производствомъ, фабрикантъ несетъ на себѣ, какъ мы уже упоминали, еще другую обязанность: покрывать убытки, возникшіе вслѣдствіе веденія предпріятія, т. е. принимать на себя извѣстный рискъ. Чтобы выполнить эту обязанность, онъ долженъ, либо самъ располагать состояніемъ, либо найти людей, которые довѣрили бы ему свои капиталы. Условіе это вовсе не является нововведеніемъ такъ называемаго „капиталистическаго хозяйства", распорядка, который фабриканты завели, чтобы, основываясь на немъ, пріобрѣсти право выжимать изъ общества соки. Тотъ фактъ, что владѣльцу хозяйства приходится покрывать возможные убытки, старъ, какъ міръ, и является неизбѣжною необходимостью.

Старѣйшія изъ хозяйствъ, скотоводство и земледѣліе, сопряжены съ опасностью понести крупные убытки въ случаѣ неурожая и эпидемическихъ заболѣваній между животными.

Средневѣковые цехи также имѣли цѣлью, предотвративъ потери, возникающія вслѣдствіе перепроизводства мастеровъ и подмастерьевъ, освободить ремесленника отъ выпадающаго на его долю риска. Если бы возможно было установить тотъ общественный строй, о которомъ мечтаютъ соціалисты,—обобществить орудія производства, отдать рабочимъ во владѣніе землю и фабрики,—мы все-таки не избѣгли бы риска понести убытки, вслѣдствіе неурожаевъ, новыхъ изобрѣтеній и перемѣнъ въ общественныхъ потребностяхъ.

Если общество будетъ лишь именоваться владѣль-

цемъ фабрикъ, являясь чисто-фиктивнымъ предпринимателемъ, а управленіе каждой изъ фабрикъ будетъ довѣрено товарищамъ, избраннымъ большинствомъ рабочихъ даннаго предпріятія, то весьма сомнительно, чтобы общество пожелало принять на свой счетъ убытки, произошедшіе вслѣдствіе того, что выбранные въ правленіе товарищи оказались для своей задачи непригодными.

Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время каждое предпріятіе обязано считаться съ рискомъ возможныхъ убытковъ. Убытки эти падаютъ всецѣло на владѣльца, т. е. предпринимателя, и, если онъ хочетъ избѣгнуть банкротства, онъ обязанъ изъ доходовъ фабрики отчислять нѣкоторую часть на покрытіе убытковъ, уже понесенныхъ или могущихъ возникнуть. Часть этихъ убытковъ, напр., потери, причиненныя пожарами, эпизоотіями и пр., онъ можетъ перенести на страховыя общества, платя имъ ежегодно нѣкоторое вознагражденіе, называемое страховою премію; что же касается до остальныхъ убытковъ, причиняемыхъ перемѣнами въ хозяйственныхъ, экономическихъ условіяхъ производства, то онъ долженъ ежегодно отчислять нѣкоторую сумму на ихъ покрытіе.

Такимъ образомъ очевидно, что владѣлецъ хозяйства, предприниматель, принужденъ имѣть состояніе, свой капиталъ; вслѣдствіе этого, кромѣ вознагражденія за управленіе предпріятіемъ, онъ долженъ получать нѣкоторую сумму на покрытіе убытковъ, т. е. вознагражденіе за понесенный рискъ, и еще нѣкоторую сумму, какъ процентъ на затраченный капиталъ. Соціалисты оспариваютъ его право на послѣднюю часть вознагражденія, утверждая, что нарощеніе всякаго процента на капиталъ есть несправедливость, и что самъ капиталъ предпринимателя добытъ зазорнымъ путемъ, такъ какъ собранъ посредствомъ эксплуатаціи рабочаго.

По мнѣнію соціалистовъ, только трудъ произво-

дитъ цѣнности; рабочій имѣетъ право на весь продуктъ своего труда, онъ вырабатываетъ больше стоимости своего содержанія, т. е. заработной платы. И если предприниматель отбираетъ у него эту разницу, то это — вопіющая несправедливость, эксплуатація, грабежъ, и поэтому-то весь капиталъ предпринимателя, какъ созданный грабежомъ, можетъ и долженъ быть возвращенъ рабочему.

Теорія эта прямо противоположна ученію „физіократовъ". Физіократами назывались ученые экономисты, которые 150 лѣтъ тому назадъ доказывали, будто только земля (т. е. земледѣліе, лѣсоводство и горнопромышленность) создаютъ истинныя цѣнности, торговцы же, ремесленники и фабриканты, прилагая свой трудъ, только пріобщаютъ къ товарамъ стоимость содержанія за время своей работы; поэтому чистый доходъ даетъ только одно земледѣліе. Самые просвѣщенные люди вѣрили имъ, такъ же, какъ теперь вѣрятъ соціалистамъ; многіе изъ монарховъ второй половины XVIII вѣка пробовали управлять государствомъ, примѣняя основы физіократіи.

Соціализмъ—такая же крайность въ одномъ направленіи, какою былъ физіократизмъ въ направленіи, діаметрально противоположномъ. Ни природа, ни человѣческій трудъ не создаютъ сами по себѣ цѣнностей, — не создаютъ цѣнностей, даже соединившись другъ съ другомъ, если при этомъ не соблюдено соотвѣтствующихъ условій экономическаго, т. е. хозяйственнаго характера.

Если кто-либо приложивъ чрезвычайныя усилія, произведетъ вещь безполезную, даже изъ рѣдчайшаго матеріала, этотъ продуктъ его труда никакой цѣнности имѣть не будетъ.

Цѣнность возникаетъ лишь въ томъ случаѣ, если создается вещь, полезная и соотвѣтствующая спросу, т. е. предметъ, удовлетворяющій какой-либо потребности и не находимый въ природѣ человѣкомъ въ количествѣ, для него достаточномъ.

Самъ по себѣ трудъ, безотносительно къ его полезности, не есть ни источникъ возникновенія цѣнности, ни мѣрило ея,—вопреки доводамъ Маркса и нѣкоторыхъ его послѣдователей-соціалистовъ. Я говорю „нѣкоторыхъ“, потому что теперь многіе изъ соціалистовъ уже признаютъ, что теорія цѣнности и добавочной цѣнности Маркса представляетъ такой же абсурдъ, такую же крайнюю доктрину, какъ и теорія физіократовъ, будто чистый доходъ даетъ только земля.

Цѣнность есть соединеніе двухъ началъ: полезности и количества, и, вслѣдствіе измѣненій, происходящихъ въ этихъ обоихъ элементахъ, возникаетъ, растетъ, уменьшается и гибнетъ. Самое полезное изо всѣхъ веществъ—воздухъ, безъ котораго человѣкъ не можетъ просуществовать и трехъ минутъ, лишенъ цѣнности, потому что проникаетъ до каждой точки земного шара и имѣется повсюду въ изобиліи. Почти столь же полезная для человѣка вода пріобрѣтаетъ цѣнность лишь постольку, поскольку ощущается недостатокъ въ ней; тамъ, гдѣ ея не имѣется, она можетъ пріобрѣсти цѣнность золота. Цѣнность золота—это отмѣчено уже нѣсколько разъ исторіей,—всегда понижается послѣ того, какъ человѣкъ откроетъ новыя его розсыпи; открытіе изобильныхъ серебряныхъ рудниковъ во второй половинѣ XIX-го вѣка понизило цѣнность этого металла наполовину.

Приложивъ одинаковый трудъ, Петръ и Павелъ обработали по десятинѣ земли. Петръ собралъ на своемъ участкѣ 8 мѣръ зерна, а Павелъ—четыре; оба они продали хлѣбъ по 4 рубля, и получили за одинаковый трудъ—одинъ 32, другой 16 рублей. Мало того, тотъ же Петръ на слѣдующій годъ столь же старательно воздѣлалъ свой участокъ земли, но собралъ съ него только 5 мѣръ и, продавъ по той же цѣнѣ (потому что въ Россіи оказался урожай) получилъ за равный прежнему трудъ

только 20 рублей. Кто приметъ во вниманіе такіе факты дѣйствительности, тотъ никогда не повѣритъ, будто трудъ самъ по себѣ, какъ увѣряютъ соціалисты, является источникомъ и мѣриломъ цѣнности.

При фабричномъ производствѣ человѣческій трудъ имѣетъ больше значенія, чѣмъ при земледѣліи, но и тутъ онъ не можетъ быть признанъ единственнымъ факторомъ. Результатъ труда въ высокой степени зависитъ отъ орудій производства, которыя примѣняетъ рабочій. Орудія производства и представляютъ, собственно говоря, тотъ капиталъ, который въ необычайной мѣрѣ повышаетъ производительность работы. Ради этого повышенія производительности труда рабочій всегда будетъ склоненъ заплатить владѣльцу машинъ за ихъ наемъ, или за заемъ денегъ, на которыя можно пріобрѣсти орудія производства.

Чтобы уничтожить наростаніе процентовъ на капиталъ, пришлось бы воспретить отдачу въ пользованіе не только денегъ, но и вещей, потому что пока квартиры, мебель, одежда, орудія производства и скотъ могутъ быть сдаваемы въ пользованіе и пока будутъ находиться люди, готовые платить за ихъ аренду, до тѣхъ поръ процентъ, т. е. доходъ отъ капитала, не исчезнетъ даже въ соціалистическомъ государствѣ, если только не будутъ изданы законы, воспрещающіе арендованіе и карающіе не только тѣхъ, кто ссужаетъ и отдаетъ въ наемъ, но и тѣхъ, кто пользуется такими операціями.

IV.

Какъ цѣнность не есть результатъ одного только труда, и трудъ не является единственнымъ источникомъ возникновенія цѣнности, такъ и прибыль не можетъ быть признана добавочной цѣнностью, т. е. присвоенной фабрикантомъ частью продукта, выработаннаго рабочимъ. Прибыль возникла раньше

фабрикъ, рабочихъ и ремесленниковъ; она такъ же стара, какъ торговля, начала которой соприкасаются съ варварскимъ періодомъ развитія человѣчества.

Первоначально прибыль была заработкомъ торгующаго и, въ сущности, донынѣ осталась, главнымъ образомъ, результатомъ торговли, т. е. обмѣна. Каждая фабрика есть не только техническое, но и торговое предпріятіе,—и прибыль достигается преимущественно лишь благодаря болѣе или менѣе искусному веденію коммерческой стороны предпріятія.

Исторія народовъ устанавливаетъ безусловно, что первыя богатства въ мірѣ всегда бывали пріобрѣтаемы путемъ торговли: древніе города Финикіи, Тиръ и Сидонъ, потомъ колонія финикіянъ Карѳагенъ, въ Греціи—Аѳины и Коринѳъ разбогатѣли отъ торговли, а богатства Рима были накоплены, благодаря ограбленію торговыхъ народовъ Востока. Въ позднѣйшія времена богатства также пріобрѣтались посредствомъ торговли. Поэтому каждая перемѣна въ направленіи торговыхъ путей сопровождалась упадкомъ городовъ и странъ, черезъ которые проходили прежнія дороги, — и обогащеніемъ городовъ и государствъ, черезъ которые пролагались новые торговые пути сообщенія. Было время, когда вся торговля цивилизованнаго міра сосредоточивалась на Средиземномъ морѣ; тогда Византія (нынѣшній Константинополь) и итальянскіе города, Венеція, Генуя, Флоренція, считались богатѣйшими въ Европѣ. Послѣ открытія морского пути въ Индію вокругъ Африки и послѣ открытія Америки, торговля Средиземнаго моря ослабѣла; стали процвѣтать порты и города, прилегавшіе къ Атлантическому океану, — Лиссабонъ, Кадиксъ, Антверпенъ (Португалія, Испанія, Голландія), Лондонъ и другіе англійскія гавани, Гамбургъ и Бременъ въ Германіи. Здѣсь скопились первыя современныя богат-

ства, а на деньги, заработанныя торговлей, сооружены были первыя фабрики и первыя паровыя машины. Капиталъ первыхъ европейскихъ фабрикантовъ возникъ благодаря торговлѣ съ Азіей, Африкой и Америкой.

Предприниматель возводитъ фабричное зданіе, покупаетъ орудія производства и машины, пріобрѣтаетъ сырье и матеріалы для обработки, уплачиваетъ заработную плату рабочимъ; по выполненіи извѣстныхъ техническихъ операцій онъ же продаетъ выработанный товаръ. Если выручка отъ товара превышаетъ его расходы, онъ получаетъ прибыль, и прибыль эта получается благодаря тому, что сумма, вырученная отъ продажи товара, превышаетъ сумму, израсходованную на матеріалы и трудъ рабочихъ. Онъ получаетъ прибыль, какъ отъ дешевой работы, такъ и отъ дешевизны матеріала, и не въ состояніи опредѣлить, что заработалъ на дешевомъ оборудованіи фабрики и на дешевой покупкѣ матеріала, и что получилъ благодаря дешевизнѣ рабочихъ рукъ. Въ цѣнѣ товара стоимость орудій производства, матеріала и труда связана такъ тѣсно, что невозможно опредѣлить, сколько прибыли получилось по каждой изъ этихъ статей расхода.

Если сырой матеріалъ пріобрѣтенъ предпринимателемъ очень дешево, онъ можетъ заработать на немъ такъ же много, какъ на дешевой оплатѣ труда рабочихъ; всѣ увѣренія, будто всякая прибыль при производствѣ возникаетъ, вслѣдствіе присвоенія части заработной платы, столь же мало обоснованы, какъ и утвержденія, будто весь барышъ предпринимателя зависитъ исключительно отъ дешеваго пріобрѣтенія обрабатываемыхъ матеріаловъ.

Низкая заработная плата вовсе не обусловливаетъ дешевизны труда.

Сравненіе стоимости фабричнаго производства въ различныхъ странахъ показываетъ, что тамъ, гдѣ заработная плата низка, стоимость труда на

единицу товара выше, чѣмъ тамъ, гдѣ рабочіе оплачиваются дороже. Всѣмъ извѣстно, что хорошій рабочій выработаетъ въ 8 часовъ больше, чѣмъ плохой въ 9 часовъ; работникъ голодный, больной и недовольный работаетъ хуже, чѣмъ здоровый, сытый и довольный своею участью рабочій.

Извѣстно также, что государства, въ которыхъ рабочія руки дешевы, часто принуждены облагать высокими таможенными пошлинами товары иностранной промышленности, чтобы оградить себя отъ конкурренціи странъ, заработная плата въ которыхъ въ два или въ три раза выше. Если бы прибыль предпринимателя была лишь отнятою у рабочаго частью его заработка, въ странахъ съ самою низшею заработною платою не только должна была бы установиться самая высокая прибыльность промышленныхъ предпріятій, но и расходы по производству должны были бы оказаться самыми низкими. Между тѣмъ на практикѣ получаются совершенно иные результаты.

Въ Америкѣ заработная плата втрое выше, чѣмъ въ Россіи; между тѣмъ Америка переполнила бы всѣ русскіе рынки своимъ желѣзомъ, если бы русское производство не охранялось покровительственными пошлинами. Въ Англіи рабочіе оплачиваются болѣе, чѣмъ вдвое дороже, чѣмъ въ Россіи, а между тѣмъ, безъ охраны покровительственными пошлинами, русскія бумагопрядильни принуждены были бы закрыться, не вынеся конкурренціи англійскихъ бумажныхъ тканей. Почему же это происходитъ? Просто потому, что прибыль, выпадающая на долю фабриканта отъ низкой заработной платы, весьма сомнительна и, во всякомъ случаѣ, не является единственнымъ источникомъ его процвѣтанія. Англійскій фабрикантъ дешево покупаетъ хлопокъ, имѣетъ дешевый каменный уголь и пользуется вдвое болѣе дешевымъ кредитомъ, чѣмъ у насъ; онъ меньше расходуетъ на

орудія производства и машины, и поэтому можетъ, платя рабочимъ дороже, производить товаръ дешевле, чѣмъ фабрикантъ польскій или русскій. Источникомъ его прибылей является не дешевизна рабочихъ рукъ, а дешевизна орудій производства, матеріаловъ и кредита, т. е. капитала.

Увѣреніе, будто вся прибыль фабриканта основана на эксплуатаціи рабочаго, будто она есть похищенная часть его заработка, такъ называемая добавочная цѣнность,—безусловно невѣрно, несогласно съ дѣйствительностью. Прибыльность предпріятія обусловливается всею его совокупностью. Ни самъ предприниматель, ни наигеніальнѣйшій бухгалтеръ не въ состояніи разсчитать, сколько нажито на покупкѣ сырья, на пріобрѣтеніи угля и другихъ побочныхъ матеріаловъ, на дешевой рабочей силѣ. Часть его заработка несомнѣнно проистекаетъ изъ дешево пріобрѣтеннаго труда; если бы фабрикантъ платилъ рабочимъ еще дешевле, быть можетъ, заработалъ бы больше; но, если бы онъ платилъ рабочимъ дороже, и эта прибавка къ заработной платѣ была израсходована на лучшее питаніе и образованіе рабочаго; если бы, вслѣдствіе повышенія заработной платы, рабочій сталъ сильнѣе, развитѣе и трудолюбивѣе, то и такое увеличеніе расходовъ фабриканта на рабочія руки принесло бы ему несомнѣнную прибыль. Для этого необходима наличность лишь 3-хъ условій: 1) чтобы за лучшее вознагражденіе рабочій и работалъ лучше; 2) чтобы заработную плату повысили всѣ фабриканты и заводчики края; 3) чтобы повышеніе заработной платы не повысило цѣну товара выше предѣла, равнаго цѣнѣ заграничнаго товара и таможенной пошлинѣ на него.

Между тѣмъ у насъ за послѣднее время заработная плата повысилась, а производительность труда рабочаго пошла на убыль. Въ теченіе дня рабочіе вырабатываютъ меньше, чѣмъ прежде.

V.

Утвержденіе, будто всѣ состоянія, всѣ капиталы возникли благодаря эксплуатированію рабочаго, несогласно съ дѣйствительностью. Поэтому экспропріація фабриканта безъ вознагражденія должна быть признана такимъ же безправіемъ, какъ отобраніе отъ всякаго иного лица любого изъ принадлежащихъ ему предметовъ. Если такое отчужденіе хотятъ произвести во имя общественнаго блага, необходимо раньше доказать, что конфискація имущества предпринимателя принесетъ пользу не только рабочимъ, но и всему обществу, и что такое же общественное благо не можетъ быть достигнуто инымъ путемъ. Между тѣмъ, всего этого доказать невозможно.

Обобществленіе орудій производства могло бы быть осуществлено посредствомъ выкупа фабричныхъ предпріятій за счетъ рабочихъ. Соціалисты говорятъ, однако, о такомъ выкупѣ весьма неохотно. Они предвидятъ, и совершенно основательно, что, если бы при отчужденіи фабрикъ на рабочихъ было возложено обязательство выплатить фабриканту капиталъ, т. е. уплачивать капиталъ по частямъ и вносить проценты на остающуюся сумму долга, до окончательной выплаты его, то рабочіе могли бы при такой операціи оказаться въ худшемъ положеніи, чѣмъ въ настоящее время; въ нѣкоторые годы они едва получали бы половину, а, можетъ быть, и еще меньшую часть нынѣшней заработной платы.

Поэтому соціалисты предпочитаютъ увѣрять, будто фабриканту не слѣдуетъ платить ничего, такъ какъ состояніе его отнято отъ рабочихъ.

Наиболѣе благоразумные изъ соціалистовъ (Bernstein, Sombart, I. Ramsay, Macdonald) отказались уже отъ этой теоріи; если же мы признаемъ ее невѣрною, то убѣдимся, что громкій девизъ соціализма

—„экспропріація экспропріаторовъ" является, въ сущности, лишь призывомъ къ безпримѣрному въ исторіи ограбленію одной части населенія другою.

Говоря о переходѣ фабрикъ въ пользованіе рабочихъ, мы отмѣтили, сколь мало правдоподобно, чтобы рабочіе, сдѣлавшись хозяевами предпріятія, съумѣли съ выгодою для себя образовать товарищество для управленія всѣмъ производствомъ. Что касается до передачи промышленности въ руки современныхъ государственныхъ правительствъ, то сами соціалисты признаютъ, что эти правительства должны были бы быть въ корнѣ преобразованы раньше, чѣмъ имъ довѣрили бы столь сложное дѣло, какъ управленіе всею промышленностью. Одинъ изъ выдающихся вождей соціализма, бельгіецъ Вандервельде, утверждаетъ, что, наряду съ политическимъ правительствомъ, слѣдовало бы установить особенное Промышленное Вѣдомство, независимое отъ политической власти. Онъ хочетъ, такимъ образомъ, создать особенную нервную систему, отдѣльное правительство для торгово-промышленныхъ дѣлъ, по образцу устройства внутренностей человѣческаго тѣла. Вандервельде не принимаетъ, однако, въ соображеніе, что два такихъ мозговыхъ центра, распоряжаясь въ одномъ общественномъ организмѣ, должны вызвать со временемъ столкновенія, весьма невыгодныя для общества.

Единственное средство устранить самую возможность такой междуусобицы состоитъ въ томъ, чтобы организовать вторую нервную систему, по образцу симпатическихъ нервовъ въ человѣческомъ тѣлѣ, безсознательною, автоматическою, носящею частный характеръ.

Человѣческое общество не есть ни животное, ни организмъ: оно только собраніе людей, имѣющее нѣкоторое сходство съ живыми организмами.

Общественное хозяйство возникло раньше, чѣмъ человѣкъ изслѣдовалъ, какъ обновляется и дышетъ

его тѣло. Въ настоящее время мы знаемъ, что хозяйственный строй тѣла и человѣческаго общества имѣютъ сходство; кромѣ того, мы находимъ, что нынѣшній общественный строй неудовлетворителенъ. Онъ, несомнѣнно, не можетъ быть признанъ совершеннымъ, его необходимо исправить, но наука и разсудокъ предостерегаютъ насъ, что, насильственно и внезапно измѣнивъ условія существованія растеній, животныхъ, людей и народовъ, можно причинить имъ смерть. Передѣлывая же и измѣняя условія эти постепенно, можно вредныя устранить, а плохія—поправить, избѣгнувъ опасности совершеннаго уничтоженія.

Соціалистовъ, однако, этотъ голосъ разсудка и науки не убѣдитъ; они будутъ увѣрять по-прежнему, что каждый капиталъ добытъ посредствомъ эксплуатаціи, что всякая собственность есть кража, и что долженъ наступить день, когда экспропріаторы будутъ экспропріированы.

Для этого необходимо, чтобы пролетаріи всѣхъ странъ соединились, захватили политическую власть въ государствахъ и установили диктатуру пролетаріата. Къ этой цѣли должна привести ихъ классовая борьба, т. е. междуусобная война.

Приведетъ-ли, однако, классовая борьба къ диктатурѣ пролетаріата?

ФРАНЦУЗСКАЯ ПЕЧАТЬ

ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ

ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Г. Кунова.

ПЕРЕВОДЪ
Б. И. Бурдеса.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., № 40.
1907.

Съ тѣхъ поръ, какъ пала Первая Имперія, мысль человѣческая не переставала работать надъ потрясающей драмой, которая разразилась во Франціи въ концѣ XVIII столѣтія и всѣмъ извѣстна подъ именемъ великой французской революціи. Историки, мыслители, философы, поэты, художники, романисты, публицисты и писатели, люди различныхъ дарованій, способностей и призваній изощряли свои перья надъ этой драмой, изучали мельчайшія подробности народнаго движенія, давшія этой драмѣ матеріалъ, цвѣтъ и окраску. Тысячи монографій на всевозможныхъ языкахъ, тысячи серьезнѣйшихъ ученыхъ изслѣдованій посвящены отдѣльнымъ личностямъ, отдѣльнымъ явленіямъ, даже отдѣльнымъ, эпизодамъ такъ или иначе связаннымъ съ эпохой великой французской революціи. Парламентскія пренія, засѣданія революціонныхъ клубовъ, военные порядки, условія экономическія, правовыя, церковныя, полицейскія, — всѣ эти и другія, посреди которыхъ зрѣла, вспыхнула, достигла своего апогея и завершилась великая революція—вотъ, можно сказать, матеріалъ, остающійся неизсякаемымъ источникомъ литературнаго творчества для многихъ мыслителей въ теченіе цѣлаго столѣтія.

Если къ этому присоединить еще несмѣтное количество книгъ, въ которыя вошли мемуары, автобіографіи, дневники, письма, и другіе документы, относящіеся къ эпохѣ великой революціи, то получится нѣчто, совершенно необозримое для отдѣль-

наго человѣка, хотя бы надѣленнаго огромнѣйшей эрудиціей и необычайной трудоспособностью.

И, однако, несмотря на это богатство разработаннаго матеріала, а, быть можетъ, именно, вслѣдствіе этого чрезмѣрнаго богатства, существующія большія описанія французской революціи во всей ея совокупности оставляютъ желать многаго съ точки зрѣнія современной исторической науки, съ точки зрѣнія тѣхъ требованій, какія предъявляемъ къ исторической наукѣ мы, люди двадцатаго вѣка. Недостатокъ заключается не въ противорѣчіяхъ сужденій о дѣятеляхъ и явленіяхъ великой революціи. Противорѣчія тутъ совершенно неизбѣжны. Слишкомъ велико вліяніе великой революціи на всю соціальную и политическую жизнь девятнадцатаго столѣтія для того, чтобы такіе историки, какъ Тьеръ и Луи-Бланъ, Карлейль и Тэнъ, Мишле и Зибель, не расходились въ оцѣнкѣ и пониманіи событій 1789—1797 годовъ. Недостатокъ, точнѣе говоря, неполнота картины обусловливается тѣмъ, что исключены изъ кругозора, упущены изъ виду, совсѣмъ не освѣщены—цѣлыя и притомъ весьма важныя—части процесса революціоннаго развитія. Если не всѣмъ, то большинству авторовъ видна лишь волнующаяся поверхность, видны лишь парламентская борьба, партійныя интриги, народныя возмущенія, сраженія революціонныхъ армій; съ работой же, которая происходитъ въ глубинѣ моря, съ работой вулканическихъ массъ они считаются лишь въ той мѣрѣ, въ какой эта работа проявляетъ себя въ уличныхъ демонстраціяхъ, торжественныхъ шествіяхъ, сборищахъ, возстаніяхъ.

Такъ, напримѣръ, крупныя, многотомныя сочиненія о великой революціи не даютъ возможности подробно ознакомиться съ хозяйственно-экономическимъ положеніемъ Франціи до 1789 года. Необслѣдованными остались экономическія условія, въ которыхъ до 1789 года находились различные

промышленные классы, главнымъ образомъ, крестьянство, цеховые и нецеховые ремесленники. Не обработаны и не собраны въ одну цѣльную картину тѣ данныя, которыя свидѣтельствуютъ объ экономической борьбѣ между Парижемъ и крупными торговыми центрами юга и юго-запада Франціи въ дореволюціонную эпоху. Въ большихъ сочиненіяхъ о революціи мы напрасно стали бы искать сколько нибудь связной характеристики экономической и налоговой политики, которой слѣдовали революціонныя правительства, вліяя на жизнь различныхъ промышленныхъ классовъ.

По всѣмъ этимъ вопросамъ имѣются многочисленныя спеціальныя работы, но ихъ игнорируютъ почти всѣ авторы большихъ сочиненій о французской революціи, а между тѣмъ, конецъ восемнадцатаго столѣтія съ его острой, ожесточенной классовой борьбой остается для насъ непонятымъ безъ основательнаго знакомства съ тогдашними экономическими основами. Минье, авторъ капитальнаго сочиненія, вышедшаго въ 1824 году, первый высказался въ томъ смыслѣ, что великая французская революція въ существѣ своемъ сводится къ борьбѣ за власть между дворянствомъ, духовенствомъ и „третьимъ сословіемъ“. Съ тѣхъ поръ эта мысль стала общимъ мѣстомъ въ исторіографіи. Однако, съ нею не далеко уйти, если даже, слѣдуя примѣру нѣкоторыхъ новѣйшихъ историковъ, мы „третье сословіе“ расчленимъ на двѣ части: на зажиточный городской классъ, представленный жирондистами, и на огромную якобинскую массу. Вѣдь уже на первыхъ порахъ, лишь только оно выступило на политическую арену, „третье сословіе“ представляло собою не нѣчто цѣльное, компактное, однообразное, а конгломератъ разнообразнѣйшихъ трудовыхъ и промышляющихъ элементовъ съ противорѣчивыми, нерѣдко другъ друга исключавшими интересами, причемъ—это весьма важно—

тѣмъ замѣтнѣе ослабѣвало сопротивленіе со стороны дворянства и союзнаго ему высшаго духовенства, тѣмъ ярче обнаруживалась противорѣчивость и даже непримиримость интересовъ различныхъ слоевъ городского класса, бюргерства, буржуазіи.

Это классовое разслоеніе „третьяго сословія", а также лежащую въ его основѣ экономическую структуру, совершенно игнорируютъ сочиненія о великой революціи. Его игнорируютъ и спеціальныя работы, за исключеніемъ развѣ книги Каутскаго „Противорѣчія 1789 года". Отсюда—вотъ какой крупный недочетъ: даже въ новѣйшихъ сочиненіяхъ по исторіи революціи борьба между различными партіями, между жирондистами, дантонистами, робеспьеристами, маратистами, гебретистами и т. п., вся эта борьба предстоитъ предъ нами не какъ результатъ классовыхъ группировокъ и вытекающаго изъ нихъ противорѣчія интересовъ, а какъ проявленія личныхъ интригъ, соперничествъ и соревнованій.

Отчасти этотъ недочетъ объясняется тѣсной связью, которая существуетъ между нашей современной исторической эпохой и концомъ восемнадцатаго столѣтія. Борьба классовъ, происходившая во Франціи въ то время, во многихъ отношеніяхъ можетъ быть названа предвѣстницей современной намъ соціальной борьбы, въ извѣстномъ смыслѣ даже прямымъ введеніемъ въ нее. Вотъ, эта-то связь и обрекаетъ на предвзятость большинство историковъ; она заранѣе навязываетъ имъ опредѣленную точку зрѣнія; борьбу партій въ революціонной драмѣ авторы видятъ подъ опредѣленнымъ, предвзятымъ угломъ зрѣнія. И въ зависимости отъ положенія, которое онъ самъ занимаетъ въ современной соціальной борьбѣ, каждый авторъ естественно готовъ признать преувеличеніями, утрировками, если не прямо безуміемъ толпы, взбудораженной грубыми инстинктами, всѣ политическія требованія француз-

скихъ революціонныхъ партій, коль скоро они выходятъ за предѣлы его личныхъ требованій. Нечего и говорить, что, разъ признавъ радикальныя стремленія „аномаліями“, „болѣзненными проявленіями народной фантазіи“, авторъ самъ на себя налагаетъ путы, самъ лишаетъ себя возможности произвести свободное изслѣдованіе для раскрытія причинной связи между радикальными стремленіями и соціальными условіями, въ которыхъ живутъ революціонизированные элементы населенія.

Изъ всего сказаннаго можно логически, путемъ простыхъ умозаключеній, вывести еще одинъ фактъ, который дѣйствительно подтверждается всей литературой о великой революціи, а именно: въ большихъ историческихъ трудахъ, консервативнаго или либеральнаго направленія, почти совсѣмъ отсутствуетъ изслѣдованіе экономической подпочвы противорѣчій и столкновеній въ самомъ „третьемъ сословіи“; революціонная драма вслѣдствіе этого почти всегда, въ огромнѣйшемъ большинствѣ сочиненій, низводится къ борьбѣ парламентскихъ партій, къ интригамъ ихъ вождей и вдохновителей, тогда какъ собственно народъ выступаетъ на политическую сцену случайно, въ роли бунтующей толпы или въ качествѣ послушнаго исполнителя приказовъ и воззваній якобинцевъ, которые засѣдаютъ въ парламентѣ и тамъ представляютъ изъ себя крупныя величины.

Другая слабая сторона дѣла заключается въ томъ, что богатая литература мемуаровъ совсѣмъ не использована, какъ матеріалъ психологическій. Мемуары, т. е. воспоминанія историческаго лица, которое описываетъ свое участіе въ политической борьбѣ, по существу своему представляютъ интересъ только въ качествѣ дополнительной характеристики самого автора, а не другихъ лицъ, и ужъ ни въ какомъ случаѣ по нимъ нельзя судить объ его политическихъ противникахъ. Мемуары—не что

иное, какъ болѣе или менѣе прикрашенныя автобіографіи: авторъ въ нихъ отраженъ не такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, а такимъ, какимъ онъ желаетъ предстать предъ потомствомъ. Еще менѣе надежны его сужденія о другихъ лицахъ, въ особенности объ его политическихъ противникахъ. Даже тамъ, гдѣ нѣтъ намѣреннаго искаженія правды, авторъ мемуаровъ въ большинствѣ случаевъ даетъ субъективную характеристику лицъ, а не объективное ихъ изображеніе. Между тѣмъ, подобными характеристиками часто, и притомъ безъ всякой критической оцѣнки, историки пользовались для своихъ работъ.

Мы сказали, что историки революціи часто ограничиваются характеристикой парламентской борьбы, разсказами о дѣятельности клубовъ, о народныхъ возмущеніяхъ, о законодательныхъ актахъ и мѣропріятіяхъ. Объяснять это самоограниченіе историковъ одними лишь ихъ личными политическими воззрѣніями было бы невѣрно. До извѣстной степени тутъ играетъ роль трудность, съ которой сопряжено разысканіе матеріала, позволяющаго углубиться, проникнуть въ самый процессъ народно-революціоннаго движенія, заслоненнаго парламентской борьбой. Для всякой другой отрасли историческаго изученія имѣется богатый, вполнѣ разработанный и систематизированный матеріалъ, которымъ можно пользоваться въ любой университетской библіотекѣ; по исторіи же революціоннаго народнаго и партійнаго движенія въ эпоху 1789 — 1794 гг. матеріалъ приходится брать и собирать въ различныхъ уголкахъ. Многое до сихъ поръ еще не извлечено изъ архивовъ, или хранится въ большихъ парижскихъ библіотекахъ, или въ Британскомъ королевскомъ Музеѣ. Пользованіе этимъ матеріаломъ требуетъ много времени и сравнительно большихъ расходовъ, которые подъ силу далеко не всѣмъ.

Къ этой категоріи весьма цѣнныхъ матеріаловъ

относится прежде всего огромная газетная и памфлетная литература революціонной эпохи, литература, въ ничтожной мѣрѣ использованная даже наиболѣе выдающимися историками. Во Франціи издана сорокатомная „Парламентская исторія французской революціи", составленная Р у и Б у ше; имѣется также двухтомная „Исторія публицистики и публицистики въ эпоху французской революціи", принадлежащая перу Леонарда Галлуа, но трудъ Галлуа, весьма цѣнный самъ по себѣ, не можетъ удовлетворить насъ, такъ какъ авторъ поставилъ своею главною цѣлью обслѣдованіе философскихъ идей, обращавшихся въ тогдашней публицистикѣ, а также оцѣнку чисто-литературной стороны дѣла, т. е. дарованій и стиля тогдашнихъ публицистовъ. Намъ же, для исторіи великой революціи, какъ мы ее понимаемъ, важны прежде всего и главнымъ образомъ такія произведенія революціонной печати, которыя характеризуютъ партійную борьбу, раскрываютъ классовыя противорѣчія.

Какое значеніе тутъ имѣетъ газетная литература, видно уже изъ того, что въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ революціи въ одномъ лишь Парижѣ было основано 300 газетъ, среди нихъ—надо это отмѣтить, — многія мелкія газетки, погибавшія черезъ нѣсколько дней послѣ выхода перваго нумера.

Тѣмъ не менѣе, эта пресса представляетъ собою матеріалъ, весьма назидательный для познанія народныхъ броженій въ ихъ разнообразныхъ стремленіяхъ.

Революціонная жизнь въ этой литературѣ отражена ярче, непосредственнѣе, чѣмъ въ парламентскихъ дебатахъ, въ ней слышно біеніе пульса революціонной жизни. Выступаютъ передъ нами также довольно рельефно дѣйствительные двигательные мотивы партійныхъ группъ, ихъ противорѣчивыя мнѣнія.

Все это выступаетъ отчетливо, несмотря на фразеологію, часто заслоняющую суть явленій и фактовъ, исканій и борeній. Во всякомъ случаѣ газетная литература революціонной эпохи, это—горячее блюдо, только-что поданное на столъ, тогда какъ отчеты о парламентскихъ дебатахъ — нѣчто, давно застывшее, экстрактъ дѣйствительности, а не сама дѣйствительность.

Надо знать, что во французскомъ національномъ собраніи мѣнялись не только настроенія, но и вкусы; почетомъ пользовалась то красивая риторика, то извѣстная рутина, и, такъ какъ ораторы приспособлялись къ этимъ вкусамъ, рѣчи ихъ часто оказывались поверхностными и шаблонными. Стоитъ только сравнить парламентскія рѣчи партійныхъ вождей съ газетными статьями, которыя они же писали въ качествѣ журналистовъ, — и тотчасъ же бросится въ глаза огромная разница: духовное содержаніе ихъ рѣчей гораздо ниже ихъ публицистическихъ произведеній. Въ газетныхъ статьяхъ вы найдете остроумныя характеристики положенія, тонкую оцѣнку политическихъ явленій, тщательный учетъ наличныхъ силъ, мѣткій анализъ интересовъ и мнѣній; въ парламентскихъ же дебатахъ вы сплошь и рядомъ наткнетесь на изложеніе принциповъ свободы или свободныхъ принциповъ, подъ которыми каждый понимаетъ различныя вещи.

Конечно, въ этой литературѣ многое теперь уже утратило свою цѣнность и представляетъ собою газетную злободневность, еще болѣе второстепенную, еще менѣе значительную, чѣмъ то, что нынѣ наполняетъ столбцы газетъ. Но для правильнаго сужденія обо всемъ этомъ матеріалѣ достаточно представить себѣ, что какой-нибудь современный историкъ вздумалъ бы набросать картину современнаго соціалистическаго движенія, пользуясь для этого парламентскими органами, научными сочиненіями, протоколами засѣданій партійныхъ комите-

товъ, но совершенно игнорируя наши журналы, газеты, брошюры и мелкія монографіи. Такой историкъ, понятно, ничего не понялъ бы въ повседневной, ни на минуту не прекращающейся борьбѣ въ нѣдрахъ соціалистической партіи.

I.

Парижскія газеты, основанныя въ 1789 г.

Въ октябрѣ и ноябрѣ 1905 года революція въ Россіи казалась очень близкой къ побѣдѣ, и тотчасъ же политическихъ дѣятелей охватила лихорадка газетнаго издательства. Вездѣ и повсюду возникали новыя газеты и газетки съ громко звучащими названіями. Многія изъ нихъ въ нѣсколько недѣль достигли сравнительно большого тиража, другія быстро исчезали съ арены.

То же явленіе наблюдалось во Франціи послѣ созыва штатовъ въ 1789 году. До ихъ созыва большимъ кругомъ читателей пользовались въ Парижѣ только „Gazette de France“, старѣйшая французская газета, основанная въ 1631 году, „Mercure de France“, „Journal Politique“ и „Journal de Paris“. Другія, немногія газеты, выходившія тогда въ Парижѣ, не имѣли никакого политическаго значенія: онѣ пробавлялись почти исключительно литературнымъ фельетономъ и мѣстной хроникой.

Засѣданія генеральныхъ штатовъ пробудили невѣроятную жажду чтенія. Каждый обыватель, даже мелкій, никому не извѣстный, до того едва-ли интересовавшійся даже хроникой своего околодка, хотѣлъ быть освѣдомленнымъ обо всемъ, рѣшительно обо всемъ, что говорилось въ засѣданіяхъ, о вопросахъ, которые тамъ обсуждались. Все парижское населеніе было охвачено какой-то болѣзненной жаждой чтенія, вскорѣ распространившейся на большіе провинціальные города.

Почти каждый день въ Парижѣ появлялись новыя газеты; съ мая по декабрь 1789 года было основано больше 150 новыхъ газетъ. Въ этомъ числѣ было немало и такихъ мелкихъ, въ восьмую или даже въ двѣнадцатую долю листа, которыя болѣе похожи на летучіе листки, выпускаемые политическими или религіозными союзами, чѣмъ на наши современныя ежедневныя газеты.

Начало газетному учредительству положилъ Бриссо де-Вервилль, который уже въ 1784 году основалъ въ Парижѣ небольшой литературный журналъ подъ названіемъ: „Journal du Lycée de Londres". Въ серединѣ апрѣля 1789 года Бриссо опубликовалъ программу задуманной имъ газеты „Le Patriote Francais", въ заголовкѣ которой красовался слѣдующій эпиграфъ: „Свободная газета,—это стражъ, непрерывно бодрствующій за народъ". Въ своей программѣ онъ обѣщалъ „освѣдомлять всѣхъ французовъ неутомимо и за недорогую цѣну". Но затѣя Бриссо на первыхъ порахъ не могла осуществиться. Цензура конфисковала эту программу и воспретила изданіе другихъ „подобныхъ же газетъ, возбуждающихъ страсти". Бриссо пришлось на нѣкоторое время отказаться отъ своего плана.

Болѣе энергичнымъ оказался Мирабо. Въ началѣ мая онъ также опубликовалъ программу новой газеты, въ которой обѣщалъ „повести борьбу за конституцію, отечество, свободу и правду". 4 мая вышелъ первый, а на слѣдующій день второй нумеръ его газеты „Etats Généraux", въ которой Мирабо хотѣлъ доставлять подробныя сообщенія и критическую оцѣнку дебатовъ, происходившихъ въ засѣданіяхъ генеральныхъ штатовъ. Послѣ второго нумера цензура воспретила изданіе. Поводомъ послужилъ сдѣланный Мирабо разборъ рѣчи Неккера о финансовомъ положеніи. Разборъ вовсе не былъ рѣзкій; напротивъ того, онъ отличался даже излишней снисходительностью, если судить, напримѣръ, по ны-

нѣшнимъ понятіямъ; но, свѣтобоязнь Неккера не мирилась и съ такимъ разборомъ.

Однако, Мирабо не принадлежалъ къ числу людей, которыхъ легко заставить отказаться отъ задуманнаго плана. Онъ просто перемѣнилъ заголовокъ и назвалъ свою газету: „Lettres du comte de Mirabeau á ses commettants“ („Письма графа Мирабо къ своимъ избирателямъ“). Въ первомъ же нумерѣ онъ обрушился на власть, воспретившую его первую газету:

„Итакъ,—писалъ онъ— на глазахъ у народныхъ представителей осмѣливаются издавать подобные декреты, нарушающіе самыя дорогія, священныя права человѣка. 25милліоновъ французовъ требуютъ свободы печати. Народъ и король желаютъ, чтобы всѣ дарованія работали, трудились совмѣстно. Какое же значеніе послѣ этого можетъ имѣть министерскій запретъ, зачѣмъ онъ, кому онъ нуженъ? Министерство, которое дорожитъ своей популярностью, осмѣливается налагать оковы на мысль, открыто поощрять ложь и поступать съ газетой, распространяющей правду, какъ съ захваченной контрабандой!“

Горячая отповѣдь Мирабо имѣла успѣхъ. Правительство не нашло въ себѣ рѣшимости снова наложить запретъ *), и газету стали раскупать нарасхватъ. Уже второй нумеръ „Etats Généraux“ разошелся въ 12,000 экземпляровъ; первый нумеръ „Lettres“ нашелъ еще больше покупателей. Промежутками въ пять, шесть и восемь дней Мирабо выпустилъ еще 19 нумеровъ своихъ „Lettres“, и когда затѣмъ существованіе газеты было обезпечено—нормальный тиражъ дошелъ до 20,000 экзем-

*) Этому еще болѣе, чѣмъ горячая отповѣдь Мирабо, посодѣйствовала парижская буржуазія. По иниціативѣ Таржо многочисленное собраніе избирательнаго сословія въ Парижѣ приняло резолюцію, протестующую противъ запрета газеты Мирабо.

пляровъ—онъ снова перемѣнилъ заголовокъ и назвалъ свою газету „Courrier de Province“.

Успѣхъ Мирабо ободрилъ многихъ и создалъ цѣлый рядъ послѣдователей. Заслуживаютъ быть отмѣченными „Journal National“ и „Point du Jour“, газета, которую основалъ Барреръ-де-Вьезакъ, депутатъ отъ графства Бигоръ, впослѣдствіи президентъ конвента. Наиболѣе безпристрастные отчеты о засѣданіяхъ національнаго собранія съ іюня по сентябрь 1789 года можно найти въ „Point du Jour“. Въ этихъ отчетахъ все существенное и важное отдѣлено отъ мелкаго и второстепеннаго, причемъ изложеніе отличается сжатостью, отчетъ занимаетъ отъ 6 до 8 страничекъ въ восьмую долю листа.

Въ отличіе отъ многихъ другихъ газетъ того времени, Барреръ предоставляетъ высказываться и своимъ политическимъ противникамъ, мастерски рисуетъ общее настроеніе собранія. Шедеврами публицистики остаются сдѣланныя имъ характеристики засѣданій, которыя происходили наканунѣ 14 іюля и въ ближайшіе дни послѣ взятія Бастиліи. Подавленное, меланхолическое настроеніе большинства депутатовъ послѣ отвѣта короля на обращенный къ нему адресъ относительно концентраціи войскъ въ Парижѣ; колебанія собранія, находившаго подъ сильнымъ давленіемъ двойного страха, нагнаннаго вѣроятностью побѣды придворной партіи и угрозами революціонеровъ, т.е. борющейся парижской толпы; безграничное ликованіе послѣ вынужденной парижанами уступки короля, извѣстившаго черезъ герцога Ліанкуръ о своемъ намѣреніи прибыть въ засѣданіе національнаго собранія; жалкое поведеніе депутатовъ, которымъ Мирабо съ краской стыда на лицѣ напоминаетъ о необходимости соблюдать человѣческое достоинство—вся эта безпомощность представителей „третьяго сословія“ пластически изображена въ отчетахъ Баррера.

Насталъ и для Бриссо-де-Варвилля моментъ, ко-

гда онъ могъ приступить къ изданію большой либеберально-демократической газеты. 28 іюня вышелъ первый нумеръ его „Patriote Francais“, вскорѣ ставшаго главнымъ органомъ той радикальной буржуазіи, которая впослѣдствіи была представлена въ парламентѣ жирондистской партіей. Восемь дней спустя была основана еще одна жирондистская газета, игравшая впослѣдствіи весьма важную роль во время борьбы между жирондистами и якобинцами. То была газета „Courrier de Paris à Versailles et de Versailles à Paris“, потомъ переименованная въ „Courrier des Départements“.

7 іюля появилась еще одна газета, основанная главнымъ образомъ для распространенія отчетовъ о засѣданіяхъ національнаго собранія, „Bulletins de l'Assemblée Nationale“, а 12 іюля, за два дня до взятія Бастиліи, появился первый нумеръ „Journal Politique Nationale“, органъ роялистовъ-аристократовъ, выступавшихъ на борьбу противъ революціи. Во главѣ этого органа стоялъ талантливый публицистъ, аббатъ Сабатье-де-Кастръ, а мѣткія политическія сатиры, выходившія изъ подъ пера Ривароля, быстро создали новой газетѣ большой кругъ читателей среди реакціонеровъ всѣхъ оттѣнковъ.

Одновременно съ этимъ органомъ, также наканунѣ взятія Бастиліи, появился и его политическій антиподъ, главный органъ строго-демократической лѣвой, сженедѣльная „Révolutions de Paris“, которую издавалъ богатый книготорговецъ Луи Прудонъ, а редактировалъ адвокатъ Эмуе Лусталь. То былъ еженедѣльный журналъ, по типу англійскихъ еженедѣльниковъ. Статьи, хотя и не предназначенныя для большой публики, такъ сильно вліяли на умы, что роялистамъ-аристократамъ вскорѣ пришлось для борьбы съ этимъ органомъ основать свой еженедѣльникъ „Journal du Journal de Proudhomme“.

Взятіе Бастиліи сломило сопротивленіе правительства и положило конецъ борьбѣ парижскаго

городского правленія противъ прессы. Въ теченіе ближайшихъ двухъ мѣсяцевъ почти ежедневно возникали новыя газеты, возникали для того, чтобы быстро исчезать. Все, что заподозрило въ себѣ дарованіе политическое или публицистическое, взялось за газетное дѣло.

Къ органамъ, основаннымъ въ то время и впослѣдствіи получившимъ крупное значеніе въ исторіи революціи, относится „Revolutions de Paris", сначала конституціонно-демократическаго, а потомъ умѣренно-жирондистскаго направленія.

Сотрудниками „Revolutions", основанной Ноэлемъ-де-Граниезонъ, одно время были Кондорсе и Сентъ-Этьенъ. Первый нумеръ вышелъ 24 августа 1789 г. Три дня спустя появился первый нумеръ „Journal des Débats", а 12 сентября парижскій революціонный народъ получилъ свой спеціальный органъ —„Publiciste Parisien", съ подзаголовкомъ: „Газета политическая, свободная и безпартійная, издаваемая кружкомъ литераторовъ подъ руководствомъ Марата, друга народа". Послѣ пятаго нумера Маратъ измѣнилъ заголовокъ, назвавъ свою газету „Другъ Народа или Парижскій Публицистъ, газета свободная, политическая и безпартійная". Отмѣтить надо еще умѣренно-демократическую „Annales Patriotiques", первый нумеръ которой вышелъ 3 октября 1789 года, и „Journal de la Cour et de la Ville", впослѣдствіи ставшій главнымъ органомъ роялистовъ.

Послѣ торжественнаго версальскаго похода (5 и 6 октября) и начавшейся затѣмъ реакціи настало затишье въ газетномъ издательствѣ, но оно продолжалось недолго. Уже 2 ноября появилась феодально-аристократическая газета „Actes des Apôtres" преслѣдовавшая ядовитой сатирой „дѣянія апостоловъ", т. е. либеральныхъ и демократическихъ депутатовъ. 20 ноября на газетную арену выступилъ Камиль-де-Муленъ со своимъ еженедѣльникомъ—„Les

Révolutions de France et de Brabant"; 24 ноября Рабо-де-Сентъ-Этьенъ и Гингене выпустили первый нумеръ умѣренно-либеральной „Gazette Nationale", впослѣдствіи „Moniteur Universel", а въ началѣ декабря дебютировалъ Луи-Фреронъ съ пробнымъ нумеромъ демократическаго „Orateur du Peuple".

Съ особеннымъ усердіемъ роялисты-аристократы взялись за газетное дѣло, именно, въ концѣ 1789 г. Изъ органовъ, ими основанныхъ, лишь немногіе получили нѣкоторое значеніе. Роялистско-аристократической прессѣ того времени посвящена слѣдующая глава, и поэтому мы здѣсь упоминаемъ о ней только вскользь. Съ какой жаждой Парижъ читалъ газеты въ концѣ 1789 года, видно, между прочимъ, еще изъ того, что на собраніяхъ купечества не разъ обсуждался вопросъ о вліяніи газетной торговли на дѣловую жизнь. Былъ еще и такой характерный случай: въ октябрѣ 1789 года депутація отъ женщинъ-торговокъ явилась въ полицейскій комитетъ съ просьбой объ ограниченіи газетной торговли.

Мотивировали торговки свою просьбу тѣмъ, что люди тратятъ послѣдніе гроши на газеты вмѣсто того, чтобы покупать себѣ хлѣбъ, мясо, картофель и т. п.

Большинство газетъ, основанныхъ въ 1789 году, выходили въ осьмую долю листа, отъ 8 до 16 страницъ ежедневно. Полемика велась необычайно острая, согласія не было даже между газетами одного и того же направленія. Владѣльцами являлись частныя лица, всячески старавшіяся отнимать покупателей другъ у друга. Нѣкоторые раздавали даромъ свои газеты на улицахъ Парижа, расклеивали ихъ по городу, и при этомъ дѣло не обходилось безъ комическихъ приключеній. Только-что приклеенный свѣжій роялистскій листокъ исчезаетъ изъ виду, а вмѣсто него уже красуется другой, демократическій. Завязывается драка между роялистскими и демократическими газетчиками, и вотъ замѣша-

тельствомъ пользуется третій газетчикъ: ловкое движеніе руки—и демократическій листокъ уже закрытъ либерально-конституціоннымъ.

Этой внѣшней борьбѣ за сбытъ вполнѣ соотвѣтствовала внутренняя борьба за различныя политическія требованія. На первыхъ порахъ послѣ созыва генеральныхъ штатовъ мы по революціоннымъ газетамъ можемъ слѣдить изо дня въ день за всеобщимъ увлеченіемъ освободительнымъ движеніемъ. Къ концу 1789 года отъ прежняго увлеченія остается очень мало, суровая проза вступаетъ въ свои права и, оказывается, съ одними и тѣми же понятіями „свободы“, „равенства“ различные слои населенія связываютъ различныя надежды и требованія. Сталкиваются, именно, тѣ противорѣчія, которыя имѣютъ свои корни въ экономическихъ интересахъ, и по всей линіи разгорается политическая борьба, жестокая, безпощадная. Эти противорѣчія, ярко отраженныя въ печати, выступятъ предъ нами въ слѣдующей главѣ. Одинъ за другимъ мы разсмотримъ важнѣйшіе органы, появившіеся въ періодѣ между созывомъ генеральныхъ штатовъ и паденіемъ дантонистовъ.

II.

Роялистско-аристократическія газеты.

На первыхъ порахъ революціоннаго движенія роялистско-аристократическіе кружки (сплоченной роялистской партіи тогда еще не было) совсѣмъ не участвовали въ газетномъ издательствѣ, оставаясь въ сторонѣ отъ него. Ни одинъ изъ этихъ кружковъ не считался съ вѣроятностью переворота или даже какой-нибудь существенной перемѣны въ существующемъ государственномъ режимѣ. Только когда возстаніе 14 іюня обнаружило силу революціоннаго движенія, охватившаго низшіе слои па-

рижскаго населенія, только съ паденіемъ Бастиліи нѣкоторые роялистскіе политики поняли необходимость противопоставить что-нибудь свое быстро нарождавшимся революціоннымъ газетамъ. Но эти отдѣльные политики не встрѣчали сочувствія въ своихъ кружкахъ.

Понадобились новыя грозныя предостереженія, событія 5 и 6 октября, для того, чтобы въ приверженцамъ стараго режима уяснилась необходимость вліять на общественное мнѣніе.

Первая роялистская газета, начавшая энергичную борьбу противъ революціоннаго движенія, былъ упомянутый уже выше „Journal Politique National", основанный аббатомъ Сабатье въ іюлѣ 1789 года. Главнымъ редакторомъ былъ самъ Сабатье, но фактическимъ руководителемъ газеты, давшимъ ей духовную физіономію, явился графъ Антуанъ Ривароль. Политическая сатира его отличалась необычайной ѣдкостью. Риваролн не были чистокровными французами; въ ихъ жилахъ была значительная примѣсь итальянской крови.

Одинъ изъ Риваролей служилъ генералъ-лейтенантомъ въ арміи Людовика XIV. Отецъ Антуана имѣлъ небольшую шелковую фабрику въ Лангедокѣ. Онъ располагалъ небольшими средствами. Сына онъ отдалъ въ іезуитскую семинарію въ Авиньонѣ, гдѣ воспитаніе было строго-религіозное. Въ 1782 или 1783 году молодой аббатъ графъ Ривароль прибылъ въ Парижъ, и предъ нимъ сразу открылись двери аристократически-клерикальныхъ салоновъ. Большую извѣстность онъ получилъ въ 1784 году, когда появилась его книга, премированная берлинской академіей: „Разсужденіе объ универсальности французскаго языка". За этой книгой, черезъ четыре года, въ 1788, слѣдовала другая „Маленькій альманахъ нашихъ великихъ людей", гдѣ молодой авторъ вышучивалъ и въ каррикатурномъ видѣ изобразилъ тогдашнія литературныя знаменитости.

Когда вспыхнула революція въ 1789 году, графъ Ривароль тотчасъ же поступилъ на службу контръ-революціи, явившись представителемъ направленія, которое можно назвать романтически-феодальнымъ. Идеалъ Риваролля—возрожденіе старыхъ феодально-патріархальныхъ условій жизни, условій, царившихъ въ Бретани и Нормандіи еще въ началѣ 1789 года. Сообразно съ этимъ идеаломъ для Риваролля истинный аристократъ—не придворный сановникъ-дворянинъ, а крупный землевладѣлецъ-феодалъ, grand-seigneur, большой баринъ, патріархально властвующій въ своихъ имѣніяхъ. Дворянина же, обрѣтающагося при дворѣ, вѣчно жаждущаго новыхъ наслажденій, Ривароль вышучиваетъ и говоритъ о немъ презрительно.

Такъ же мало видитъ онъ въ Людовикѣ XVI истинный типъ монарха. Короля онъ представляетъ себѣ не иначе, какъ рыцаремъ-властелиномъ, который стоитъ выше придворныхъ интригъ, твердой рукой правитъ народомъ, а настоящее свое призваніе находитъ въ лагерѣ, среди преданныхъ войскъ. Съ точки зрѣнія Риваролля роковая ошибка Людовика XVI заключалась въ томъ, что онъ слѣдовалъ совѣтамъ своихъ придворныхъ. Одно онъ долженъ былъ сдѣлать: стать во главѣ арміи и подавить революціонное движеніе.

Этотъ взглядъ на вещи Ривароль систематически проводилъ въ своихъ статьяхъ. Въ подробные теоретическіе разсужденія и споры онъ не пускается. Сатирикъ по дарованію, онъ ограничивается осмѣяніемъ мѣропріятій національнаго собранія и патетическихъ рѣчей вождей-демократовъ. Созывъ Генеральныхъ Штатовъ онъ считаетъ грубой ошибкой. Если правительство, въ виду печальнаго финансоваго положенія, уже признало созывъ необходимымъ, то надо было избрать для этого мѣсто подальше отъ Парижа, и притомъ строго ограничить кругъ предметовъ, подлежащихъ обсужденію. Что общее поло-

женіе дѣлъ въ странѣ оставляло тогда желать много лучшаго—этого Ривароль не отрицаетъ. Но ни налоги, ни многочисленные приказы объ арестахъ, ни суровый административный произволъ, ни возмутительные судебные приговоры, по его мнѣнію, не вызвали бы открытаго возмущенія, если-бъ народъ не потерялъ уваженія къ аристократіи, а потерялъ, онъ уваженіе отчасти по волѣ самихъ дворянъ, ведшихъ безумную жизнь.

Тѣмъ не менѣе, Ривароль считаетъ дворянство естественнымъ руководителемъ и вождемъ народа. Вотъ почему онъ страстно возстаетъ противъ рѣшенія Національнаго Собранія (11 сентября 1789 г.), которымъ отмѣнено безусловное королевское право налагать veto и, вмѣсто него, большинствомъ 673 голосовъ противъ 325, предоставлено королю право временнаго veto. Это рѣшеніе для Риваролля равносильно уничтоженію королевской власти; онъ требуетъ поэтому возстановленія прежняго безграничнаго права veto и, сверхъ того,—замѣны Національнаго Собранія дворянской палатой, въ составъ которой входили немногіе представители высшей аристократіи, причемъ званіе члена дворянской палаты должно быть наслѣдственнымъ. Что же касается обывательской массы, мѣщанства, то Ривароль предоставляетъ ему нѣкоторое вліяніе на государственныя дѣла черезъ посредство городскихъ общинныхъ союзовъ.

Послѣ событій 5 и 6 октября еще больше обострились отношенія между аристократіей и „третьимъ сословіемъ“. Ривароль поэтому отказался отъ дальнѣйшаго сотрудничества въ „Journal Politique National“ и вмѣстѣ съ Габріелемъ Пельтье основалъ, при содѣйствіи издателя Гаттея, новую контръ-революціонную газету „Actes des Apôtres“, сатирическій органъ, который долженъ былъ регистрировать и осмѣивать дѣянія „апостоловъ“, т. е. революціонныхъ вождей. Въ Пельтье Ривароль нашелъ поли-

тика, родственнаго ему по духу, человѣка, хотя и не дворянскаго происхожденія—онъ былъ сыномъ комерсанта—но мелкую буржуазію еще болѣе ненавидѣвшаго, чѣмъ его клерикально-феодальный соредакторъ. Вокругъ Ривароля и Пельтье сгруппировались другіе клерикальные и аристократическіе политики, среди нихъ виконтъ Андрэ Мирабо, братъ графа Габріеля Мирабо.

Первый нумеръ „Дѣяній Апостоловъ“ вышелъ 2 ноября 1789 года, какъ значится въ заголовкѣ: „въ день спасенія всѣхъ душъ, въ лѣто отъ рождества свободы 0.“ Въ этомъ нумерѣ мы находимъ принадлежащій перу Пельтье сатирическій фрагментъ, гдѣ подъ видомъ разсказа о борьбѣ Карла V съ парижскимъ населеніемъ выведены герцогъ Орлеанскій („Карлъ Злой“) и графъ Габріель Мирабо („Этьенъ Марсель“). Далѣе, въ нумерѣ помѣщаются разсказъ объ экспедиціи Шевалье-Ламотъ во главѣ 50 національныхъ гвардейцевъ въ женскій монастырь, придворныя сплетни, эпиграммы и т. п. Если въ „Journal Politique National“ Ривароль иногда еще выступалъ со статьями философскаго и политическаго содержанія, то теперь, подъ вліяніемъ Пельтье, онъ совсѣмъ отказался отъ подобной работы. Пельтье былъ убѣжденъ, что доводами и аргументами ничего противъ революціоннаго движенія не подѣлать. Движеніе переживетъ себя, и ускорить этотъ процессъ можно при помощи сатиры, нещадно бичующей вождей, раскрывающей всѣ ихъ пороки. „Смѣхъ-единственное орудіе, которымъ мы можемъ пользоваться въ навязанной намъ борьбѣ“—повторялъ намъ Пельтье.

По этому рецепту Пельтье и редактировались „Дѣянія Апостоловъ“. Въ нихъ революція отражена въ литературно-роялистской каррикатурѣ. Вышучиваніе Національнаго Собранія, сплетни о постной жизни депутатовъ „третьяго сословія“, пародіи на революціонныя пѣсни, смѣшные анекдоты изъ клуб-

ной жизни, эпиграммы, ругань по адресу парижской черни—все это составляло пестрый матеріалъ „Дѣяній Апостоловъ“.

Съ особеннымъ усердіемъ „Дѣянія“ распространяли тѣ сплетни о частной жизни демократическихъ депутатовъ, которыя сочинялись въ аристократическихъ салонахъ. Видимо наслаждаясь своимъ матеріаломъ, смакуя его, разбирая, такъ сказать, по косточкамъ, сотрудники „Дѣяній“ разсказываютъ о томъ, какъ одинъ депутатъ заразилъ дурной болѣзнью жену другого депутата, какъ мать де-Монморанси живетъ со своими лакеями, какъ извѣстный Кондорсе живетъ на содержаніи у своей жены и т. п. Тутъ же злыя, часто невѣроятныя, грубыя нападки на Національное Собраніе, которое „Дѣянія“ называютъ не иначе, какъ „царствомъ всякой сволочи“ и „звѣринцемъ“. Обитателей парижскихъ предмѣстій „Дѣянія“ на своемъ жаргонѣ чествуютъ такими эпитетами: „свиньи“, „ублюдки“, „уличный помётъ“. Овоззваніяхъ, съ которыми „Дѣянія“ обращались къ представителямъ арміи, требуя отъ нихъ короткой расправы съ революціонерами, могутъ дать представленіе слѣдующія строки:

„Необходимо устроить облаву на демагоговъ и поступить съ ними по всѣмъ строгимъ требованіямъ справедливости, дабы уготовить имъ вполнѣ заслуженную судьбу, а намъ дать возможность насладиться зрѣлищемъ, которое часто устраиваютъ въ открытомъ полѣ для истребленія жабъ: натыкайте ихъ на длинные шесты, и пусть они умираютъ въ мукахъ на развалинахъ Бастиліи“.

Отравленныя стрѣлы „Дѣяній“ направлены чаще всего противъ „великаго“ Мирабо, „которому ничто не чуждо“. Въ прозѣ и стихахъ вышучиваются его „универсальность“, его „скромность“, его „безкорыстіе“, его „тучность“, его „похотливость“.

Пощады „Дѣянія“ не даютъ Мирабо даже тогда, когда онъ лежитъ уже на смертномъ одрѣ:

„Плачьте, рыдайте, его вскорѣ не станетъ, умираетъ величайшій изъ насъ! Лейте слезы! Кто знаетъ, быть можетъ, уже черезъ годъ жидкость другая польется на эту могилу“...

И, какъ надпись на могильную плиту, „Дѣянія“ предлагаютъ:

„Здѣсь остатки шкуры Мирабо нашли покой; путникъ, близко не подходи, чтобъ не заразился ты чумой!“

Послѣ смерти Мирабо „Дѣянія“ избрали Робеспьера мишенью для своихъ сатирическихъ стрѣлъ. Еще въ качествѣ депутата отъ города Аррасъ (департаментъ Па-де-Кале) Робеспьеръ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, и вотъ „Дѣянія“ на первыхъ порахъ подносятъ ему слѣдующій титулъ: „Робеспьеръ—извѣстный поэтъ, историкъ, географъ, естествоиспытатель, физикъ, журналистъ и законодатель. Короче, принимая во вниманіе его необычайные таланты, мы будемъ называть его „сальной свѣчей Арраса, въ отличіе отъ Мирабо, чадящаго факела Прованса“. Когда, послѣ введенія новыхъ судебныхъ уставовъ, Робеспьера избрали судьею въ Версали, роялистскій органъ посвятилъ ему слѣдующія строки:

„Депутата отъ Арраса Версаль избралъ своимъ судьею; судить другихъ гораздо удобнѣе, чѣмъ самому итти на висѣлицу. Но повѣрьте, то, что отсрочено теперь, не упразднено навсегда.

Пощады „Дѣянія“ не давали и другимъ вождямъ революціонныхъ партій, начиная отъ умѣренно-конституціонныхъ и кончая такими, какъ Маратъ и Гебертъ! Съ еще большимъ презрѣніемъ, чѣмъ къ „мошенникамъ и мерзавцамъ „третьяго сословія“, „Дѣянія“ обрушивались на „стародворянскихъ отщепенцевъ“, на „предателей аристократіи“.

Характеренъ для клерикально-роялистскаго общества того времени еще слѣдующій фактъ. „Дѣянія Апостоловъ“ получили самое широкое распространеніе на первыхъ порахъ въ кругахъ, оставшихся вѣрными королю, хотя довольно дорого стоила эта газета, выходившая три раза въ недѣлю въ объемѣ отъ 8 до 24 страницъ въ восьмую долю листа. Подписная цѣна за одинъ томъ въ 400—500 страницъ была 10½ франковъ золотомъ (ассигнаціи не принимались). Всего до октября 1791 года вышло 11 томовъ (311 нумеровъ). Затѣмъ газета прекратилась, отчасти за неимѣніемъ подписчиковъ, изъ которыхъ значительное большинство бѣжало заграницу, отчасти же вслѣдствіе постоянныхъ столкновеній съ парижской полиціей, однажды—это было въ іюлѣ 1791 года,—пріостановившей „Дѣянія“ на четыре недѣли.

Такими же качествами отличались и другіе главные органы роялистовъ и клерикаловъ. „Другъ Короля“, редактируемый аббатомъ Ройу, „Хроника Звѣринца“, редактируемая Моршаномъ, и „Всеобщая Придворная и Городская Газета“, называвшаяся также, по имени своего писателя, „Маленькій Готье“,—всѣ онѣ бредили эшафотомъ, требовали расправъ, казней, крови. Изъ нихъ болѣе крупную роль играла ежедневная газета аббата Ройу, первый нумеръ которой вышелъ 1-го іюня 1790 года. До революціи Ройу читалъ философію въ коллежѣ Луи Легранъ, гдѣ въ числѣ его учениковъ были Камиль Демулэнъ, Робеспьеръ, Лустало и другіе, впослѣдствіи видные дѣятели революціи. Когда весною 1790 года демократическія волны все шире заливали страну, Ройу, при содѣйствіи своихъ друзей, основалъ свою газету—„Другъ короля, французовъ, порядка и—больше всего—истины“. Въ объявленіи о готовящемся первомъ нумерѣ Ройу писалъ, между прочимъ:

„Устроенъ чудовищный заговоръ противъ

Трона и Алтаря. Цѣлый легіонъ писакъ каждый день подкапываетъ принципы справедливости, вѣрности, морали и здравой политики; пора вступить на борьбу противъ скандальной наглости. Ихъ повальное помѣшательство совершенно очевидно и ясно,—прямой результатъ лживой, хитроумной философіи, при помощи которой въ теченіе цѣлаго пятидесятилѣтія возстанавливали народъ противъ всего, что онъ раньше уважалъ и чтилъ".

Ройу выступилъ на борьбу противъ революціонной философіи, которой онъ вовсе не противопоставилъ свою собственную клерикальную философію. Онъ хотѣлъ дѣйствовать на чувства людей, взывалъ къ ихъ религіознымъ инстинктамъ. Ему важно было вліять не на академиковъ, не на дворянъ, а на широкія массы городского населенія; эти массы, по его убѣжденію, чувствовали потребность въ отдыхѣ, въ успокоеніи, въ созидательной работѣ, и вотъ къ нимъ онъ обращалъ тѣ слова, которыя диктовались ему сердцемъ, а не философскими аргументами. Читателямъ своимъ онъ часто напоминаетъ о тѣхъ годахъ ранняго дѣтства, когда они мирно жили въ родительскихъ домахъ, когда вокругъ все было тихо, спокойно, жизнерадостно. Сравнивая недавнее, но кажущееся столь далекимъ, прошлое съ настоящимъ, Ройу говоритъ о томъ, какъ все было хорошо и какъ все плохо теперь, и вотъ виной всему оказываются рѣшенія Національнаго Собранія, оскорбляющія религію, упраздняющія свободу совѣсти, колеблющія порядокъ, самимъ Богомъ установленный. Свои сердечныя слова „Другъ Короля" большею частью подкрѣпляетъ коротенькими отчетами о предложеніяхъ и рѣшеніяхъ Національнаго Собранія, причемъ демократическіе ораторы фигурируютъ въ роли фанатиковъ и фразеровъ, тогда какъ другіе депутаты изъ другого лагеря, всѣ эти Мори Малуэ, Казалесъ, Фрондгвиль, Бувиль, Мартино, Монлозье и

другіе, оказываются истинными друзьями народа, печальниками и радѣтелями народнаго блага. И затѣмъ, подобные фальсифицированные отчеты сопровождаются разсужденіями о финансовомъ положеніи Франціи, которое изображено въ мрачнѣйшихъ краскахъ. Впереди банкротство со всѣми его ужасными послѣдствіями—анархіей и полнымъ торжествомъ звѣриныхъ инстинктовъ. Вотъ образецъ этихъ писаній Ройу:

„Посмотрите, во что превращена: страна для нашихъ цѣлей пользуются своимъ самодержавіемъ эти триста тысячъ маленькихъ тирановъ (муниципальныхъ совѣтниковъ), созданные Національнымъ Собраніемъ по собственной модели. Эти люди, ни предъ какимъ судомъ не отвѣтственные, въ сферѣ своего вліянія дѣйствуютъ такъ, какъ имъ заблагоразсудится, чинятъ какія угодно насилія, не страшась никого, заранѣе увѣренные, что противъ нихъ безсильны и юстиція, и военная власть.

„Подумайте только, до чего довела насъ эта безграничная свобода, этотъ ужасный произволъ, эта варварская безнаказанность! Какъ часто мы не только относились терпимо къ беззаконіямъ, но осыпали ихъ восторженными похвалами, коль скоро на нихъ набрасывалось покрывало свободолюбія. Вы, повседневные политики, развѣ вы не чувствуете, не видите, что, щадя кровь немногихъ негодяевъ, вы обрекаете на гибель тысячи людей, ни въ чемъ не повинныхъ? Вы разнуздали цѣлую армію кровожадныхъ тигровъ, вы разрушили плотины, мощно сдерживавшія напоръ стихій. Какъ же вы хотите теперь предотвратить гибель нашего добра, нашей свободы, нашей дорогой конституціи...

Въ августѣ 1790 года возникли недоразумѣнія между Ройу и его товарищами по газетѣ. Вслѣдствіе этого одно время выходили три „Друга Короля“. Одинъ издавалъ Бріанъ, другой Монжуа,

а третій Ройу. Въ ноябрѣ Бріанъ и Монжуа снова объединились, а Ройу продолжалъ работать самостоятельно, не только защищая права Короны и привилегіи дворянства, но ополчаясь также противъ безвѣрія. Языкъ его становится все болѣе безпощаднымъ; демократическихъ политиковъ онъ клеймитъ сумасбродами, мошенниками, выродками, глашатаями плотской разнузданности и т. п. Иногда его статьи—сплошныя истерическія рыданія, какъ, напримѣръ, послѣ того, какъ обнаружилось бѣгство короля. Въ то же время все контръ-революціонное восхваляется Ройу, возводится имъ въ подвигъ. Извѣстное письмо Буйье къ Національному Собранію Ройу называетъ „лучемъ надежды", избіенія на Марсовомъ полѣ—„безсмертной заслугой Лафайэта". Расправляясь такъ съ революціонерами, „Другъ Короля" открыто проповѣдуетъ также государственную измѣну, осыпая бранью войска, сражающіяся съ непріятелемъ, призывая офицеровъ къ дезертированію, къ сдачѣ непріятелю, „ибо, если черезъ это погибнетъ Франція, то, въ концѣ концовъ, право и порядокъ водворятся на ея территоріи".

Въ іюлѣ 1791 года правительство прекратило эту агитацію обычнымъ способомъ. Ройу успѣлъ бѣжать, послѣдній нумеръ его газеты вышелъ 6 августа 1791 г.

Такова была дворянская пресса въ эпоху великой революціи во Франціи. Понятно поэтому, если Анри Авенель въ своей „Исторіи французской прессы", несмотря на свою антипатію къ органамъ, крайне-революціоннымъ, дѣлаетъ слѣдующее признаніе:

„Никакая современная полемика, даже наиболѣе ожесточенная, не можетъ дать слабаго представленія о неприличной сатирѣ той эпохи. Маратъ въ своемъ „Другѣ народа", Гебертъ въ своемъ „Отцѣ Дюменѣ" лишь изрѣдка превосходили стиль „Дѣяній Апосто-

ловъ". Въ этихъ „Дѣяніяхъ" вы наткнетесь на мѣста, которыя своей грубостью, своимъ неприличіемъ превосходятъ все, до чего могли додуматься сотрудники „Друга Народа" и „Отца Дюмена".

Парижскимъ народнымъ массамъ, конечно, не безъизвѣстны были брань и ругань роялистскихъ органовъ. Въ кабакахъ и кофейняхъ читали вслухъ статьи газетъ, „вѣрныхъ королю"; онѣ и въ клубахъ ходили по рукамъ. Ненависть къ роялистамъ, такъ жестоко проявившаяся въ возстаніяхъ 10 августа и 2 октября 1792 года, въ значительной мѣрѣ порождена дѣятельностью роялистскихъ аббатовъ и клерикальныхъ профессоровъ, которые въ своихъ газетахъ площадно ругались и грозили избіеніями, пожарами, истребленіями.

III

Газеты умѣренно-конституціонныхъ группъ.

Аристократически - конституціонная партійная группа была представлена въ Національномъ Собраніи депутатами Мунье, Малуэ, Лалли-Толендаль и другими лицами, близко стоявшими къ прессѣ. Лидерами либерально-конституціонной группы явились такіе журналисты, какъ Сійесъ и Бальи. Обѣ группы, подобно крайней роялистско-клерикальной партіи, имѣли свои газеты, игравшія видную роль въ политической жизни Франціи лишь въ первые два года революціи. Чѣмъ больше обострялись классовыя противорѣчія, тѣмъ быстрѣе эти группы утрачивали почву въ дѣйствительности, такъ какъ ихъ сторонники въ провинціи расходились въ разныя стороны, одни вправо, другіе влѣво. Аристократически-конституціонная партія уже на первыхъ порахъ представляла собою нѣчто вродѣ офицерской партіи безъ солдатъ. Въ ея ряды входили преимущественно

тѣ дворяне, которые считали, что королевскій режимъ и сословныя перегородки необходимо сохранить, сдѣлавъ лишь нѣкоторыя уступки городскому населенію и чиновничеству. Наряду съ этими дворянами, партія имѣла въ числѣ своихъ друзей или сторонниковъ представителей оффиціальной науки, часть зажиточнаго духовенства и высшаго чиновничества, да еще нѣсколько видныхъ дѣятелей изъ міра финансоваго и торговаго. Широкія массы городского населенія оставались чуждыми этой партіи, хотя со стороны буржуазіи она встрѣчала сочувствіе въ самомъ началѣ революціи, когда политическія воззрѣнія еще не вылились въ опредѣленныя формы, когда такъ называемые вожди повиновались больше неопредѣленнымъ инстинктамъ, чѣмъ ясно сознаннымъ основнымъ началамъ.

Дѣйствительное представительство буржуазія получила въ лицѣ либерально-конституціонной партіи, хотя и та не являлась тѣсно сплоченной группой. Въ ней объединились разнообразные элементы, нерѣдко враждебные другъ другу по существу. Наряду съ частью такъ называемыхъ либераловъ, т. е. дворянъ, обѣднѣвшихъ или запутавшихся въ долгахъ, здѣсь можно было встрѣтить и мелкихъ промышленниковъ, и литераторовъ, и людей съ академическимъ образованіемъ. Довольно полную аналогію этому явленію можно найти въ исторіи объединенной Германской имперіи, гдѣ въ 1871 году почти все нѣмецкое бюргерство считало себя національ-либеральнымъ, голосовало за національ-либераловъ, такъ что въ 1874 году эта партія насчитывала въ рейхстагѣ 150 депутатовъ. Совершенно такъ же во Франціи, въ началѣ революціи, французское бюргерство въ значительнѣйшей своей части объединилось подъ либерально-конституціоннымъ флагомъ, руководимое Мирабо и Сійесомъ, и такъ дѣло обстояло до тѣхъ поръ, пока развитіе революціоннаго движенія не привило отдѣльнымъ бюргерскимъ слоямъ

сознанія ихъ интересовъ. Когда этотъ моментъ насталъ, настоящая дѣловая буржуазія примкнула къ жирондистамъ, литературно-академическіе элементы перешли въ ряды дантонистовъ, а мелкопромышленныя группы очутились въ лагерѣ Робеспьера.

Изъ органовъ этихъ группъ болѣе другихъ вправо ушла газета „Mercure de France", редактируемая Малле-дю-Паномъ при сотрудничествѣ Мармонтеля, Лагарпа и Шамфора. Можно спорить, что „Mercure" занималъ среднее положеніе между направленіемъ роялистскимъ и аристократически-конституціоннымъ. Въ одной плоскости съ нимъ находится „Gazette Nationale" и „Journal de la Société de 1789". Первая, нѣсколько болѣе либерально редактируемая, была основана извѣстнымъ издателемъ Панкукомъ при сотрудничествѣ депутата Серисье; вторую велъ Малуэ, сначала въ умѣренно-либеральномъ направленіи, а затѣмъ все болѣе окрашиваясь въ демократическій цвѣтъ.

Нѣсколько лѣвѣе стояла газета „Modérateur", редактируемая Фонтэномъ. Середину между умѣренно-конституціоннымъ и жирондистскимъ направленіями образовала газета Мирабо,—„Courrier de Provence". Подобно тому, какъ Мирабо самъ въ Національномъ Собраніи не создалъ партіи, а всегда балансировалъ между двумя партіями, такъ и газета его не имѣла ярко опредѣленнаго политическаго характера. Вообще твердость въ принципахъ не есть отличительная черта Мирабо. Смотря по обстоятельствамъ, онъ мѣняетъ политическое положеніе.

Изъ всѣхъ названныхъ газетъ наиболѣе интересными являются: „Mercure de France" и „Courrier de Provence".

„Mercure" состоялъ изъ двухъ частей, литературной и историко-политической. Въ первые мѣсяцы послѣ созыва генеральныхъ штатовъ главный редакторъ историко-политической части Малле-дю-

Панъ соблюдалъ большую сдержанность, регистрируя лишь важнѣйшіе факты и явленія. Поворотъ, который послѣ 4 августа 1789 года совершился въ совѣщаніяхъ Національнаго Собранія, въ особенности же дебаты о правахъ человѣка и гражданина, возбудили умъ и энергію Пана. Его возраженія противъ требованія о полномъ равноправіи всѣхъ гражданъ не отличаются глубиною, они повторяютъ тогдашнюю аргументацію клерикальныхъ софистовъ, но они представляютъ интересъ въ томъ отношеніи, что Малле-дю-Панъ, въ качествѣ противника гражданскаго равноправія, постоянно ищетъ опоры въ Жанъ-Жакѣ Руссо.

Вотъ образецъ его разсужденій:

„Политическое равенство—явное безуміе. Такъ какъ люди не равны, такъ какъ ихъ тѣлесныя и моральныя качества различны, они не могутъ претендовать также на равенство въ смыслѣ государственно-гражданскомъ. Къ тому же правовое равенство, если только оно не должно остаться пустымъ звукомъ, предполагаетъ извѣстное равномѣрное распредѣленіе имуществъ также. Но подобное распредѣленіе, какъ доказалъ это Руссо, противорѣчитъ закону природы. Съ того момента, какъ человѣкъ взялъ себѣ право огородить одно поле, назвать его своимъ, онъ уже какъ бы уполномочилъ всѣхъ другихъ людей узурпировать всю землю“.

Оппозиція Малле-дю-Пана сохраняла свой философско-теоретическій характеръ лишь въ теченіе нѣкотораго времени. Уже въ половинѣ 1790 года онъ принимаетъ болѣе активное участіе въ политической борьбѣ. Въ рядѣ запальчивыхъ статей и рѣчей онъ громитъ свободу печати, громитъ „скандалезную“ дѣятельность революціонныхъ журналистовъ, вторженіе якобинцевъ въ муниципальныя и окружныя учрежденія, защищаетъ образъ дѣйствій Сенъ-При и Неккера, горячо настаиваетъ на со-

храненіи сильной королевской власти, защищаетъ предложеніе о двухпалатной системѣ и страстно отвергаетъ идею отчужденія національныхъ имуществъ, видя въ ней отрицаніе права собственности. Главнѣйшія же заботы дю-Пана направлены къ тому, чтобы оградить армію отъ всякаго вліянія революціонныхъ идей, „дабы сохранить ее, какъ могущественное орудіе и сильнѣйшій козырь королевскаго режима". Все—не устаетъ напоминать дю-Панъ,—рѣшительно все, что касается состава, численности, распредѣленія войскъ—все это должно быть прерогативой одной лишь Короны. Онъ ссылается при этомъ на различныя европейскія монархіи, преимущественно на конституціонную Англію:

„Никогда—пишетъ онъ,—англійскій король не отдавалъ на обсужденіе парламента рѣшеній, касающихся организаціи арміи. Права Короны облекаютъ его неограниченными полномочіями относительно состава, распредѣленія, увеличенія и дислокаціи войскъ, причемъ онъ отнюдь не нуждается для этого въ какихъ-либо спеціальныхъ законахъ... Организація военныхъ силъ — исключительное дѣло короля, хотя правда и то, что армія, организованная помимо парламента, безъ его участія, можетъ быть ослаблена, парализована, если законодательное собраніе откажетъ ей въ средствахъ существованія"...

Эти требованія дю-Пана не представляютъ собою ничего особеннаго, они въ большей или меньшей степени поддерживались всѣми другими умѣренно-конституціонными газетами. Оригинальна, своеобразна только аргументація руководителя „Mercure de France". Она въ извѣстной мѣрѣ устанавливаетъ связь между основными взглядами, которые Руссо проводитъ въ общественномъ договорѣ, и теоріей Гобеса о до-государственномъ состояніи. На этой связи дю-Панъ строитъ свою теорію естественно-правового государства, теорію, весьма ловко при-

мѣняемую имъ къ революціоннымъ событіямъ. Такъ, въ статьѣ, представляющей собою обзоръ революціоннаго движенія въ 1789 году, онъ, между прочимъ, говоритъ:

„Вездѣ, гдѣ народы долго угнетались, долго прозябали въ невѣжествѣ, наблюдалось одно и то же явленіе: какъ только народы сбрасывали съ себя оковы деспотизма, ихъ охватывалъ безграничный энтузіазмъ, распространявшійся на все и на всѣхъ, разрушавшій всякую новую власть, не давая ей окрѣпнуть; коль скоро неимущіе классы завладѣютъ властью надъ тѣми, въ чьихъ рукахъ сосредоточилась собственность, то ни одному гражданину не удастся обезпечить себѣ свое состояніе, свое имущество, свою жизнь, хотя бы только на шесть мѣсяцевъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ теченіе всего періода, пока государственная власть раздроблена и не подчинена центральной силѣ, непрерывно будетъ продолжаться процессъ разложенія великаго государства на множество частей, борющихся изо дня въ день".

Демократическія газеты отвѣчали на эти нападки, обвиняя Маллэ-дю-Пана въ отщепенствѣ и предательствѣ, а тотъ, въ свою очередь, осыпалъ демократическія газеты неслыханной руганью, и за одно уже обрушился на демократическіе клубы, дѣятельность которыхъ онъ называлъ „гораздо болѣе опасной для французской конституціи, чѣмъ всѣ чужестранныя арміи, стянутыя къ границамъ Франціи".

Демократическія газеты, само собою понятно, не оставались въ долгу. Послѣдствія этой полемики свелись къ тому, что дю-Панъ, еще болѣе усилившій тонъ, еще болѣе ожесточившійся противъ „софистовъ и разбойниковъ печати", столкнулся съ полиціей и 21-го мая 1791 года долженъ былъ прекратить свое сотрудничество въ „Mercure de France". Онъ отправился съ секретнымъ порученіемъ отъ

Людовика XVI во Франкфуртъ-на-Майнѣ, съ цѣлью добиться вмѣшательства германскихъ государей во внутреннія дѣла Франціи. Его „Mercure“ продержался еще до 10-го августа 1792 года, а затѣмъ былъ закрытъ новымъ парижскимъ муниципалитетомъ.

Нѣчто совершенно другое представляла собою газета Мирабо „Courrier de Provence“. Подобно многимъ другимъ газетамъ, возникшимъ въ 1789 году, „Courrier“ на первыхъ порахъ ограничивался отчетами о засѣданіяхъ Національнаго Собранія, но отчетами, которые служили цѣлямъ Мирабо. Въ большинствѣ случаевъ нумеръ газеты начинается введеніемъ, которое знакомитъ читателя съ извѣстнымъ вопросомъ, освѣщаетъ вопросъ, разумѣется, въ духѣ Мирабо, а затѣмъ слѣдуютъ выдержки изъ парламентскихъ рѣчей, сопровождаемыя всякаго рода критическими замѣчаніями.

О безпристрастіи въ отчетахъ Мирабо, какъ вообще въ его работахъ, не можетъ быть и рѣчи. Все, что онъ пишетъ, должно служить цѣлямъ пропаганды, распространенію взглядовъ Мирабо, усиленію его вліянія. Совершенно послѣдовательно Мирабо поэтому останавливается подробно на тѣхъ рѣчахъ и возраженіяхъ своихъ противниковъ, которыя даютъ ему матеріалъ для полемики или отражаютъ его собственную точку зрѣнія; все остальное онъ почти совсѣмъ игнорируетъ. Первое мѣсто Мирабо, конечно, отводитъ тѣмъ рѣчамъ и предложеніямъ, съ которыми онъ самъ выступаетъ въ Національномъ Собраніи. Великій мастеръ по части рекламы, Мирабо отлично умѣлъ выдвигать на первый планъ свою собственную личность, работать для своей соотвенной популярности. Но потому-то, именно, „Courrier de Provence“, ярко отражая личность Мирабо, его планы, рѣчи, честолюбіе, стремленія, представляетъ весьма цѣнный вкладъ въ исторію революціи: какъ въ хорошо отполированномъ зеркалѣ,

въ этой газетѣ отражается парламентская дѣятельность Мирабо и его личность, именно, такой, какой она казалась или должна была казаться современникамъ.

Для Мирабо его газета — естественное продолженіе парламентской трибуны. Трудно, однако, не замѣтить, что журналистъ Мирабо значительно консервативнѣе, чѣмъ Мирабо—парламентскій дѣятель. И въ своей газетѣ Мирабо часто поступается своими думами, своей духовной личностью въ пользу своей популярности; но, тѣмъ не менѣе, въ его литературныхъ работахъ предъ нами выступаетъ не столько краснобай, желающій произвести впечатлѣніе, сколько тонкій наблюдатель, авторъ „Прусской монархіи при Фридрихѣ Великомъ“, осторожный, въ сущности, аристократическій политикъ, который ополчается на защиту королевскаго безусловнаго права veto въ засѣданіи Національнаго Собранія 1-го сентября 1789 года, а 10-го декабря того же года вноситъ слѣдующее предложеніе:

„Начиная съ 1-го января 1791 года, не можетъ стать членомъ Національнаго Собранія ни одинъ французъ, который раньше не былъ два раза выборнымъ представителемъ народа въ какомъ-нибудь административномъ собраніи, или въ одномъ изъ муниципалитетовъ, или, по крайней мѣрѣ, въ теченіе трехъ лѣтъ не занималъ должности въ магистратурѣ, или не былъ уже разъ членомъ Національнаго Собранія“.

Цѣль этого предложенія — произвести сортировку членовъ парламента, предотвратить вторженіе „анархистскихъ“, т. е. радикально-мѣщанскихъ элементовъ.

Вообще въ политикѣ Мирабо, какъ это видно изъ его статей въ „Courrier de Provence“, играетъ немалую роль страхъ предъ такъ называемой „анархіей“. Страхъ этотъ порождается не только увѣренностью въ томъ, что господство „канальи“ (т. е.

мелкаго мѣщанства) ввергнетъ Францію въ невѣроятную смуту, но сознаніемъ также, что оно завершится контръ-революціей. Уже 2 августа 1789 г., послѣ дней взятія Бастиліи, Мирабо доказываетъ въ своей газетѣ, что анархія можетъ быть всегда лишь временнымъ кризисомъ. „Исторіи — говоритъ онъ, — не извѣстенъ ни одинъ народъ, который долго оставался бы въ анархіи. Страданія, лишенія, тревога за будущее, несчастія — все это толкаетъ народъ назадъ, къ закону".

Съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ смотрѣть на „измѣну" Мирабо, на его согласіе принять мзду, просто говоря, взятку отъ короля. Какъ ни гнусенъ самъ по себѣ фактъ, онъ не былъ измѣной убѣжденіямъ, какъ утверждаютъ либеральные историки. Революція, по мнѣнію Мирабо, уже тогда ушла значительно дальше своей цѣли. Для него вопросъ стоялъ такъ:—либо назадъ, къ умѣренно-конституціонной монархіи по старинному англійскому образцу, либо впередъ, къ анархіи съ ея неизбѣжными отступленіями. Вѣрный себѣ, своему характеру, Мирабо предпочелъ первое второму, причемъ—этого отрицать нельзя—разобраться въ государственныхъ соображеніяхъ помогли ему прекрасные луидоры изъ королевской шкатулки *).

Значительнымъ политическимъ вліяніемъ газетахъ „Courrier de Proence" пользовалась только до лѣта 1790 г. Затѣмъ недовѣріе къ Мирабо, все увеличиваясь, помѣшало распространенію газеты, да къ тому же самъ онъ, лежа почти на смертномъ одрѣ, стушевался, какъ журналистъ, и предоставилъ другимъ веденіе газеты. Однако, „Courrier" продержался еще шесть мѣсяцевъ послѣ смерти Мирабо (2

*) Мы абсолютно не склонны вѣрить этому ходячему убѣжденію. Если, что и повліяло на „измѣну" Мирабо, то во всякомъ случаѣ не „луидоры короля", а обаяніе королевы-женщины и страстное желаніе Мирабо повторить въ истинно-конституціонной монархіи роль кардинала Ришелье. *Ред.*

апрѣля 1791 г.), а затѣмъ этотъ органъ, какъ и его основатель, далеко отставъ отъ революціоннаго движенія, сошелъ со сцены.

IV.

Жирондистская печать.

Еще до нарожденія жирондистской партіи существовала уже жирондистская печать. Другими словами, еще прежде, чѣмъ въ Національномъ Собраніи образовалась жирондистская партія, ея политическія воззрѣнія и требованія пропагандировались и находили защиту въ нѣкоторыхъ демократическихъ газетахъ. Главнѣйшія изъ нихъ были: „Patriote Français“, редактируемый Пьеромъ Бриссо, „Courrier de Paris à Versailles et de Versailles à Paris“, основанный версальцемъ Горзасомъ и впослѣдствіи переименованный въ „Courrier des Départements“, затѣмъ „Chronique de Paris“, выходившая съ 24 августа 1789 года при сотрудничествѣ Кондорсе и Сентъ-Этьена, и, наконецъ, „Annales Politiques“, ежедневная газета, къ которой вскорѣ присоединилась еще другая,—„Journal de Paris“ (подъ редакціей Гера, министра юстиціи во время конвента). Позднѣе, въ маѣ 1792 году, возникли еще: „Journal-Affiche“, т. е. листокъ, раскленваемый на улицахъ, и „La Sentinelle“. Если до октября 1792 года, т. е. до первой большой атаки жирондистовъ противъ якобинцевъ, перечисленныя газеты расходились въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ событій, то въ общемъ онѣ защищали однѣ и тѣ же тенденціи, особенно въ сферѣ экономическихъ вопросовъ.

Минье въ своей „Исторіи французской революціи“ называетъ жирондистовъ законодательнаго Національнаго Собранія той партіей, „которая содѣйствовала переходу отъ средняго сословія къ массѣ, къ толпѣ“. Характеризуя партію въ національномъ конвентѣ, тотъ же авторъ дополняетъ это замѣчаніе такъ:

„Жирондисты занимали срединное положеніе между верхнимъ классомъ бюргерства и низшимъ его классомъ, массой. Они лишились помощи конституціоналистовъ, не обезпечивъ себѣ содѣйствія со стороны демократовъ; въ результатѣ они не имѣли на своей сторонѣ ни верхняго, ни низшаго слоевъ общества. Послѣ 10 августа (сверженіе короля) жирондисты, оставаясь между среднимъ сословіемъ и массой, стали тѣмъ, чѣмъ послѣ 24 іюля стали монархисты или партія Неккера и Минье между привилегированными сословіями и бюргерствомъ.“

Если понимать подъ среднимъ сословіемъ богатую буржуазію, а подъ массой мелкое бюргерство, мѣщанство, то приведенная характеристика Минье безусловно вѣрна. Тѣмъ не менѣе, надо нѣсколько точнѣе опредѣлить положеніе жирондистовъ въ тогдашнемъ процессѣ экономическаго разслоенія. Если разумѣть подъ среднимъ сословіемъ то, что принято разумѣть подъ нимъ въ наше время, т. е. тотъ слой, который занимаетъ мѣсто между богатыми предпринимателями и рабочимъ классомъ, то жирондисты не были представителями „третьяго сословія“; скорѣе въ этой партіи были представлены интересы хорошо обезпеченной средней дѣловой буржуазіи. Обращаясь къ политическому положенію различныхъ промышленно-экономическихъ группъ въ 1790—1792 гг., мы найдемъ въ лагерѣ аристократически-конституціонныхъ группъ слѣдующіе элементы: богатые финансисты, арендаторы всякаго рода правительственныхъ привилегій и монополій, крупные поставщики государства и двора, спекулянты на хлѣбные продукты и другіе предметы первой необходимости, „кулаки - барышники“, какъ ихъ называли демократическія газеты, богатые фабриканты ліонскихъ и парижскихъ роскошныхъ издѣлій. Парижскій округъ „Filles Saint Thomas“, въ которомъ тогда сосредоточивался цвѣтъ крупной дѣловой буржуазіи, былъ наиболѣе реакціоннымъ изъ всѣхъ париж-

скихъ округовъ. Характерно, что, именно, изъ этого округа стали поступать къ правительству доносы послѣ того, какъ отъ мэра Бальи въ концѣ сентября 1789 года потребовали мѣропріятій противъ „клеветническихъ органовъ парижской демократіи". „Я считалъ бы совершенно невѣроятнымъ подобное дѣло—писалъ Маратъ,—если-бъ не зналъ, что этотъ округъ—гнѣздо банкировъ, мѣнялъ, финансистовъ, спекулянтовъ, т. е. тѣхъ элементовъ, которые строятъ свое счастіе на несчастіи и банкротствѣ другихъ, которые питаются кровью народовъ и жадность которыхъ—истинная чума, одна изъ главныхъ причинъ общественной обездоленности".

Этотъ цвѣтъ тогдашней буржуазіи—совершенно правъ Минье—давалъ жирондистамъ лишь немногихъ приверженцевъ. Жирондистская партія была скорѣе парламентской представительницей средней дѣловой буржуазіи, въ особенности зажиточнаго торговаго сословія, которое требовало уничтоженія старыхъ внутреннихъ таможенныхъ, пошлинныхъ и заставныхъ поборовъ. Съ этимъ вполнѣ гармонируетъ тотъ фактъ, что свои важнѣйшія опоры жирондисты нашли въ дѣловыхъ слояхъ населенія и среди нихъ юрисконсультовъ-адвокатовъ въ юго-западныхъ торговыхъ центрахъ Франціи. Къ этой же партіи примыкали также значительная часть среднихъ промышленниковъ и большинство зажиточныхъ ремесленныхъ мастеровъ, „artisans", какъ ихъ называли газеты, въ отличіе отъ подмастерьевъ и мелкихъ ремесленниковъ, „maîtres-ouvriers". Наконецъ, въ лагерѣ жирондистовъ мы находимъ большинство тѣхъ чиновниковъ на государственной и городской службѣ, которые были недовольны старымъ режимомъ административнаго произвола *).

*) Жирондисты этой эпохи являются типичнымъ первообразомъ существующей сейчасъ партіи „Союза 17-го октября". *Ред.*

Изъ всего этого, конечно, не вытекаетъ, что всѣ перечисленные элементы голосовали за жирондистовъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что для политики жирондистовъ руководящее значеніе имѣли прежде всего и главнымъ образомъ интересы дѣловой буржуазіи.

Въ законодательномъ собраніи такъ же, какъ въ конвентѣ, жирондистская партія защищала всѣ тѣ мѣропріятія, которыя, по ея воззрѣніямъ, обезпечивали господство такъ называемому честному бюргерству, устраняли препятствія къ развитію торговли и путей сообщенія, содѣйствовали распредѣленію налоговъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы зажиточные обыватели не слишкомъ были обременены и чтобы „принципъ собственности“ не нарушался. Когда, послѣ сентябрьскихъ избіеній (2 сентября 1792 года), якобинцы захватили власть въ Парижѣ, когда тяжесть налоговъ была перемѣщена съ бѣдныхъ на богатыхъ, когда „свободу“ торговли ограничили учрежденіемъ таксы на предметы первой необходимости, жирондистская партія сдѣлалась ярко оппозиціонной, начала ожесточенную борьбу противъ якобинскихъ „ультра-революціонеровъ“, все отрицающихъ, звѣреподобныхъ людей“. Мы знаемъ, что конецъ этой борьбѣ интересовъ положилъ эшафотъ.

Самая значительная изъ всѣхъ жирондистскихъ газетъ—„Patriote Français“, основанная, какъ мы сказали, Пьеромъ Бриссо, и редактировалась имъ самимъ, а потомъ жирондистомъ и депутатомъ Дюпре. То была газета ежедневная, ограничивавшаяся на первыхъ порахъ печатаніемъ отчетовъ о засѣданіяхъ Національнаго Собранія. Въ мартѣ 1790 года объемъ газеты былъ увеличенъ приложеніями. Кромѣ отчетовъ помѣщались уже небольшія статьи, изслѣдованія, письма и различныя замѣтки. Къ сотрудничеству были привлечены извѣстные политическіе дѣятели, среди нихъ Кондорсе, Грегуаръ, Лантена, Петіонъ и др.

Бриссо-де-Варвиль принадлежитъ къ числу даровитѣйшихъ журналистовъ эпохи великой революціи. Онъ не обладалъ ни юморомъ Демулена, ни страстностью Марата, ни литературнымъ пафосомъ Фрерона, но зато былъ вооруженъ обширными знаніями изъ области исторіи, юриспруденціи и политической экономіи. Во время своего многолѣтняго пребыванія въ Англіи Бриссо изучалъ англійское конституціонное право и англійскую исторію, знакомился съ финансовымъ и экономическимъ положеніемъ страны и ея колоній, а, по возвращеніи въ Парижъ, опубликовалъ одновременно съ другими работами два большихъ сочиненія: „Теорія уголовнаго права“ и „Философскія письма объ исторіи Англіи“. Въ его выводахъ чувствуется вліяніе тогдашняго англійскаго легкаго радикализма, да и въ позднѣйшей своей публицистической дѣятельности Бриссо остается радикаломъ въ тогдашнемъ англійскомъ смыслѣ слова. Подобно своимъ англійскимъ учителямъ и собратіямъ, онъ преувеличиваетъ значеніе парламентаризма, высоко ставитъ законность, считается съ потребностями дѣйствительной жизни, смотритъ на все съ утилитарно-раціоналистической точки зрѣнія, но все это скрашивается у него французскимъ темпераментомъ, французскимъ изяществомъ. Глашатаемъ французской революціи Бриссо считаетъ Національное Собраніе, а цѣлью движенія для него служитъ водвореніе политическаго правопорядка, который гарантируется парламентомъ; онъ разъ навсегда отрекается отъ прежней системы и находитъ опору въ широкихъ народныхъ массахъ, въ самостоятельномъ, хорошо обезпеченномъ бюргерствѣ.

Вотъ почему возстанія парижскаго народа кажутся Бриссо полезными лишь въ той мѣрѣ, въ какой они имѣютъ своей цѣлью сломить сопротивленіе привилегированныхъ сословій рѣшеніями парламента и обезпечить Національному Собранію воз-

можность завершить переворотъ; всѣ другія возстанія, этой цѣли не соотвѣтствующія, порождаемыя народной нуждой или революціонными страстями толпы, разсчитанныя на достиженіе временныхъ противозаконныхъ выгодъ или направленныя противъ рѣшеній и распоряженій Національнаго Собранія, противъ ярко выраженной воли націи,—Бриссо осуждаетъ, какъ несправедливыя и безусловно вредныя.

Этотъ взглядъ на вещи Бриссо проводилъ уже вскорѣ послѣ основанія „Patriote Français“, особенно послѣ 5 и 6 октября, когда парижскій народъ завершилъ уже знаменитое шествіе въ Версаль. Собственно устраненіе короля и двора входило въ планы Бриссо и его единомышленниковъ, но ихъ гражданскія чувства страдали отъ самостоятельности и безпощадности парижскаго мелкаго мѣщанства. Вотъ этимъ-то настроеніемъ, въ которомъ вмѣстѣ съ Бриссо и его друзьями находились лучшіе элементы населенія, и воспользовалась судебная власть для того, чтобы нанести ударъ ультра-революціонной печати.

8-го октября послѣдовалъ указъ суда объ арестѣ Марата и привлеченіи его къ отвѣтственности за оклеветаніе представителей парижской общины и за возбужденіе парижскаго населенія къ насиліямъ. Противъ этого указа энергично протестовала во главѣ съ еженедѣльнымъ „Révolutions de Paris“ вся демократическая печать, а округъ Корделье, въ которомъ жилъ Маратъ, устами Дантона публично заявилъ, что „свобода печати—необходимое послѣдствіе свободы личности“. Бриссо остался при особомъ мнѣніи. Этотъ журналистъ, незадолго до того въ восторженныхъ выраженіяхъ прославлявшій свободу печати, писалъ по поводу ареста Марата:

„Какъ же это такъ? Можно арестовать человѣка, изготовившаго адскую машину, и нельзя арестовать человѣка, клеветническія слова котораго возстанавливаютъ народъ

противъ начальства, провинцію противъ провинціи? Требовать свободы печати при томъ положеніи, въ которомъ находится теперь Франція, значитъ требовать, чтобы мы добровольно шли на гибель. Угнетеніе печати идетъ вразрѣзъ съ правами человѣка?— пусть такъ; но въ военное время права человѣка упраздняются, уступаютъ мѣсто принципу самосохраненія".

Голосъ Бриссо не былъ одинокимъ. По слѣдамъ его органа пошла другая газета,—„Courrier de Paris", редактируемая Горзасомъ, который также забылъ свои прежніе дифирамбы свободѣ печати. Встревоженная разнузданностью толпы, парижская буржуазія 18 октября воспользовалась своимъ вліяніемъ на городскую думу и побудила послать ее въ Національное Собраніе депутацію, съ цѣлью добиться изданія военнаго закона противъ массовыхъ сборищъ и насилій. Національное Собраніе согласилось издать требуемый исключительный законъ, а газета Горзаса писала:

„Въ Парижѣ многими осуждается военный законъ, который привѣтствуютъ всѣ друзья порядка и мира, хотя они надѣются, что потребность въ немъ будетъ ощущаться недолго. Нѣкоторые округа отвергаютъ этотъ законъ, а округъ Sait Martin-de-Champs не задумался противопоставить авторитетъ свой авторитету Національнаго Собранія. Эта позиція вызываетъ смѣхъ, ибо въ Парижѣ все еще, несмотря на печальныя условія времени, умѣютъ смѣяться. И дѣйствительно, трудно не смѣяться, когда одна шестидесятая часть Парижа, которая вмѣстѣ съ остальными 59 округами имѣетъ ничтожное представительство въ Національномъ Собраніи, позволяетъ себѣ протестовать, не имѣя на то никакихъ другихъ правъ, кромѣ самовольно присвоенныхъ, никакой власти, кромѣ той, что вытекаетъ изъ царящей нынѣ анархіи. Смѣются надъ тѣмъ, что жалостливое учрежденіе, вѣдающее кое-какія

болѣе или менѣе ничтожныя дѣла полицейскаго характера, превращаетъ себя въ трибуналъ и осмѣливается протестовать противъ Національнаго Собранія".

Возмущаясь далѣе агитаціей „недовольныхъ", пользующихся военнымъ закономъ для того, чтобы подорвать авторитетъ Національнаго Собранія, „Courrier de Paris" требуетъ учрежденія муниципальнаго полицейскаго корпуса, который не допускалъ бы сборищъ и заставилъ бы недовольныхъ спокойно сидѣть въ лавкахъ, конторахъ и канцеляріяхъ. Наконецъ, газета требуетъ, чтобы Національное Собраніе карало каждаго, кто вздумаетъ покушаться на его авторитетъ.

Вотъ какъ дѣйствовала жирондистская печать три мѣсяца спустя послѣ взятія Бастиліи. Военный законъ вовсе не былъ чѣмъ-то вродѣ невинной игрушки. Парижскому муниципалитету онъ давалъ право разгонять каждое сборище и, послѣ троекратнаго предупрежденія, стрѣлять по ослушникамъ. Сверхъ того, онъ приговаривалъ къ смертной казни зачинщиковъ вооруженнаго возстанія и только при наличности смягчающихъ обстоятельствъ допускалъ заключеніе въ тюрьму срокомъ на три года! Участники же возстанія, при которыхъ оружія не найдено, приговаривались къ заключенію въ тюрьму на одинъ годъ; въ случаѣ же, если такія лица обличались въ насильственныхъ дѣйствіяхъ, ихъ приговаривали къ смертной казни.

Этотъ контръ-революціонный законъ встрѣтилъ защиту со стороны жирондистскихъ газетъ.

Въ непослѣдовательности ихъ обвинять нельзя. Онѣ исходили изъ принциповъ, съ которыми мы знакомились, излагая основные взгляды Бриссо. Все, что ослабляло власть короля и реакціонныхъ партій, расширяло вліяніе парламента и увеличивало его авторитетъ, горячо защищали жирондисты. И наоборотъ, они сопротивлялись всякой попыткѣ

парижскихъ радикальныхъ элементовъ обезпечить себѣ вліяніе на городское самоуправленіе, Національное Собраніе или центральное правительство. Оттого главныя жирондистскія газеты пришли въ неописуемую ярость, когда въ Нанси, 31 августа 1790 г., генералъ маркизъ Буне разстрѣливалъ цѣлые полки, возмутившіеся противъ своихъ офицеровъ и симпатизировавшіе населенію. Но когда, 17 іюля 1791 г., якобинцы созвали собраніе на Марсовомъ полѣ съ цѣлью собрать подписи подъ петицію объ отреченіи короля, жирондистскія газеты восхваляли Лафайэта за то, что онъ приказалъ стрѣлять по толпѣ, незахотѣвшей разойтись по его требованію.*). Не правы тѣ авторы, которые утверждаютъ, что въ то время жирондисты не успѣли еще уяснить себѣ личность Лафайэта и что они ошиблись въ немъ. Это, вѣдь, значитъ утверждать, что жирондисты были идіотами, а между тѣмъ, правда—то, что въ ихъ рядахъ были лучшіе умы тогдашней Франціи. Въ Лафайетѣ они видѣли, именно, ту сильную личность, которая способна предотвратить одичаніе національной гвардіи, т. е. превращеніе ея въ слѣпое орудіе радикальныхъ парижскихъ элементовъ. Подобная радикализація національной гвардіи жирондистамъ была такъ же нежелательна, какъ переходъ ея на сторону роялистовъ. Національная гвардія должна была остаться защитницей честныхъ зажиточныхъ классовъ, и это признавалъ „Patriote Français“ еще въ апрѣлѣ 1791 года:

„Г. Лафайэтъ всѣмъ сердцемъ, всей душой патріотъ, и я не думаю, чтобы въ числѣ его

*) Это—историческая неточность. Національные гвардейцы Лафайэта стрѣляли въ народъ 17-го октября отнюдь не по приказанію Лафайэта, а по роковой ошибкѣ. Установлено, что Лафайэтъ остановилъ стрѣльбу, подставивъ свою грудь подъ выстрѣлы солдатъ, полагавшихъ, что кто-то на Марсовомъ полѣ стрѣляетъ по ихъ обожаемому генералу. Кто о т д а л ъ п р и к а з ъ стрѣлять, такъ и осталось неизвѣстнымъ. *Ред.*

соперниковъ нашелся еще одинъ патріотъ, который такъ же, какъ онъ, всегда готовъ итти на эшафотъ. Г. Лафайэтъ обладаетъ однимъ качествомъ, котораго нѣтъ у другихъ военныхъ: онъ относится съ большимъ хладнокровіемъ и рѣдкимъ великодушіемъ къ оскорбителямъ. Одно дѣло командовать надъ людьми-автоматами, другое—имѣть подъ своимъ начальствомъ гражданъ-солдатъ, свободныхъ солдатъ. Это искусство Лафайэтъ изучилъ въ Америкѣ и владѣетъ онъ имъ, какъ никто. Другіе командовали въ этой странѣ французскими солдатами, Лафайэтъ командовалъ американцами, которые возражали генералу и повиновались только доводамъ разума. Американцами въ этомъ смыслѣ представляются намъ нынѣшніе французы. Каждый офицеръ, который вздумаетъ командовать нами по прусскому образцу, долженъ проливать чужую кровь; въ противномъ случаѣ польется его собственная кровь".

Жирондистскія газеты, впрочемъ, сами чувствовали себя представительницами „нравственнаго" бюргерства, а не массы. Неоднократно онѣ доказываютъ, что свободу нельзя основать ни на дворянствѣ, ни на старой буржуазіи, ни на неимущей массѣ; фундаментомъ можетъ служить только слой имущаго, нравственно закаленнаго населенія. Вотъ, что говорится въ одной статьѣ „Patriote Français", появившейся въ концѣ ноября 1891 года:

„Старая буржуазія совершенно безсмысленна; равенство ей нравится не само по себѣ, а потому, что она находитъ удобнымъ не имѣть никого надъ собою. Буржуазная аристократія, быть можетъ, одно изъ самыхъ крупныхъ золъ, порожденныхъ декретами, которые не гармонируютъ съ основами нашей конституціи. Но это зло, о которомъ не даютъ себѣ яснаго отчета въ провинціи, можетъ рано или поздно разрушить нашу конституцію. Буржуа хочетъ занять мѣсто дворянина, а свое прежнее мѣсто усту-

нить ремесленнику-мастеровому. И, однако, только послѣдній—истинный поборникъ, искренній другъ революціи. Онъ одинъ посѣщаетъ избирательныя собранія, онъ служитъ въ національной гвардіи, онъ одинъ достоинъ свободы, потому что только онъ одинъ—носитель истинно-нравственныхъ завѣтовъ".

V.

Камиль Демуленъ.

Мы видѣли, что дѣловая буржуазія въ эпоху великой революціи была представлена жирондистской печатью. Совершенно также газета Демулена, еженедѣльно выходившая подъ заглавіемъ „Revolutions de France et de Brabant", представляла интересы малоимущей академической интеллигенціи, ея политическія воззрѣнія. Главный контингентъ читателей этой газеты, какъ и вообще ряды сторонниковъ партіи, впослѣдствіи названной дантонисткой, составляли люди либеральной профессіи, а именно: большинство молодыхъ адвокатовъ и врачей, преподаватели и профессора (за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые занимали высокое оффиціальное положеніе или стояли во главѣ университетовъ и другихъ научныхъ учрежденій), литераторы, художники. Что же касается высшихъ сановниковъ изъ ученыхъ корпорацій, то они всѣ примыкали къ партіи монархистовъ-конституціоналистовъ.

Надо имѣть въ виду, что въ до-революціонной Франціи гуманитарныя науки составляли альфу и омегу высшаго образованія, что настоящее изучалось лишь въ томъ видѣ, какъ его отражало зеркало классической древности. Отсюда—легко прослѣдимый въ литературѣ второй половины XVIII столѣтія культъ античной красоты, чувственное возвеличеніе всего классическаго, любовь къ цитатамъ изъ древне-римскихъ классиковъ, склонность находить яв-

лепіямъ текущей жизни аналогіи въ древне-римской исторіи. По образу республиканскаго Рима свободомыслящая академическая интеллигенція возсоздавала идеальный міръ, въ которомъ она, со своими желаніями и надеждами на возрожденіе, находила убѣжище отъ современной ей Франціи. Съ этихъ романтическихъ высотъ она, эта академическая интеллигенція, и смотрѣла на возникновеніе новой революціонной эпохи. Но при всемъ своемъ знакомствѣ съ датами греческой и римской исторій, при отличномъ знаніи твореній и мудрыхъ изреченій классиковъ, академическая молодежь плохо или даже совсѣмъ не понимала экономической структуры античнаго государства. Для этой интеллигенціи вся внутренняя борьба, происходившая въ Аѳинахъ и Римѣ, сводилась къ борьбѣ великихъ умовъ за возвышенныя основныя начала общественной жизни и начала, добытыя изъ глубины человѣческаго познанія. Ни одинъ слой населенія тогдашней Франціи не отличался такимъ ничтожнымъ историческимъ пониманіемъ матеріальныхъ факторовъ въ кипѣвшей вокругъ классовой борьбѣ, ни одинъ слой населенія не оказался, въ виду реальныхъ запросовъ жизни, въ такой мѣрѣ опутаннымъ идеологіей, какъ революціонная академическая интеллигенція и ея парламентское представительство — партія дантонистовъ.

И газета Демулена, „Revolutions de France et de Brabant“, отражала кругъ идей этой интеллигенціи съ изумительной точностью, какъ самимъ содержаніемъ своихъ статей, такъ и группировкой и внѣшней формой матеріала. Въ сущности, органъ Демулена не былъ газетой или журналомъ въ современномъ намъ значеніи этого слова. Онъ представлялъ собою смѣсь прекрасно написанныхъ литературно-политическихъ фельетоновъ, которымъ придавали пикантность маленькія сатирическія характеристики и карикатуры. Заняться научнымъ, логическимъ

анализомъ историческихъ событій,—на это Демуленъ не былъ способенъ, а что касается вопросовъ и фактовъ народной экономической жизни, то объ нихъ онъ и представленія не имѣлъ. Вся современная ему политика, съ ея назойливыми, серьезнѣйшими требованіями, подъ перомъ Демулена куда-то исчезала, испарялась, очищая мѣсто литературно-сатирическимъ фельетонамъ и просто разглагольствіямъ. Непринужденно, часто не доведя до конца свои логическія построенія, онъ обозрѣваетъ событія каждой недѣли въ той мѣрѣ, въ какой они его интересуютъ, характеризуетъ совѣщанія Національнаго Собранія и набрасываетъ болѣе или менѣе злостную карикатуру того или другого оратора, почему-либо ему не нравящагося, а затѣмъ онъ перескакиваетъ съ этого предмета на какія-нибудь политическія событія въ Парижѣ или въ провинціи, углубляется въ историческія мелочи и сопоставленія и прерываетъ свою бесѣду нѣсколькими фразами или обѣщаніемъ продолженія въ слѣдующемъ нумерѣ, обѣщаніемъ, часто остающимся безъ исполненія. Признавать Демулена однимъ изъ способнѣйшихъ, талантливѣйшихъ журналистовъ эпохи великой революціи могутъ только люди, для которыхъ стиль и юморъ—все, содержаніе—мало или ничто. Въ работахъ Демулена нѣтъ и слѣдовъ историческаго проникновенія, пониманія хозяйственно-экономическихъ задачъ, знанія французскаго государственнаго права, знакомства съ народной психологіей. Демуленъ—хорошій стилистъ, остроумный писатель, но не политикъ въ истинномъ смыслѣ слова, и еще меньше его можно считать научнымъ теоретикомъ. Его и не принимали въ серьезъ въ качествѣ политика родственные ему по настроенію руководители жирондистскаго и якобинскаго направленій. Маратъ отражаетъ мнѣніе, господствовавшее во всѣхъ кружкахъ, когда онъ, подъ 16 августа 1790 г., пишетъ въ „L'ami du Peuple“:

„Несмотря на вашъ блестящій умъ, вы, Демуленъ, еще очень неопытны въ политикѣ. Вы служили бы родинѣ гораздо лучше, если бы шаги ваши отличались большей увѣренностью, но вы, какъ маятникъ, качаетесь изъ стороны въ сторону, порицаете сегодня то, что завтра будете одобрять. Какимъ-то мало извѣстнымъ знаменитостямъ вы расточаете похвалы за ничтожныя заслуги. Повидимому, у васъ нѣтъ ничего похожаго на опредѣленный планъ или на ясно сознанную цѣль".

Такіе же отзывы о Демуленѣ мы находимъ часто въ жирондистской печати. Охотно признаютъ его публицистическій талантъ, его юморъ, но смотрятъ на него, какъ на капризнаго ребенка. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Мирабо называетъ его „славнымъ малымъ", котораго можно любить, забывая его дѣтскую шаловливость, а Робеспьеръ, очень любившій Демулена, оправдываетъ предъ якобинцами его выходки, заявляя, что „въ Камилѣ есть что-то наивное, Лафонтеневское"... „Камиль—продолжаетъ Робеспьеръ,—это чудесное, избалованное дитя; у него наклонности хорошія, но его губитъ скверная среда".

Почти всѣ выдающіеся политики великой революціи смотрятъ на Демулена, именно, какъ на „капризное дитя", съ той разницей, что для друзей онъ—дитя хорошее, для противниковъ—дитя испорченное. Сдѣлать изъ Демулена великаго политика пришло въ голову лишь новѣйшимъ историкамъ. Различіе между нимъ и Маратомъ обрисуется предъ нами, если сопоставить ихъ отзывы о крупныхъ или выдающихся событіяхъ дня. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Бальи, назначенный мэромъ Парижа, не только окружилъ себя блескомъ, но въ своихъ ежедневныхъ приказахъ впадалъ въ тонъ властителя прежнихъ временъ. Разумѣется, его демократическіе

противники негодовали, вышучивали также мэра. Маратъ называетъ „противнымъ“ этотъ „новый стиль“, указываетъ на то, что власть мэра слишкомъ велика, что ее надо распредѣлить между нѣсколькими лицами. А вотъ, какъ пишетъ на эту же тему Камиль Демуленъ:

„Мой милый Бальи, предоставь сатрапу Фарнабазису драгоцѣнные ковры. Сидя на землѣ, Агезилай диктовалъ свою волю великому персидскому царю. Внѣшнюю помпу предоставь князьямъ и сановникамъ. Это они нуждаются въ процессіяхъ, церемоніймейстрахъ, декораціяхъ и зрѣлищахъ, которыя импонируютъ толпѣ. Припомни 23 іюня, тотъ день, когда ты, послѣ королевскаго засѣданія, безъ гвардейцевъ и лакеевъ, обходилъ густые ряды гражданъ, восторженно привѣтствовавшихъ въ твоемъ лицѣ президента Національнаго Собранія. Тѣ господа, что нѣсколькими часами раньше прибыли въ своихъ роскошныхъ каретахъ, въ сопровожденіи многочисленныхъ гвардейцевъ и камергеровъ, какими маленькими они казались по сравненію съ тобою, съ человѣкомъ, котораго окружаетъ народная любовь! Я все еще принадлежу къ числу твоихъ искреннихъ сторонниковъ; я знаю, съ какимъ уваженіемъ надо относиться къ твоему званію, какой признательности заслуживаютъ твои дѣянія. Но, именно, потому, что ты занимаешь столь высокое положеніе, я не позволю, чтобъ ты его безчестилъ“.

Таковъ Демуленъ въ своихъ писаніяхъ. Въ кругу ремесленниковъ, торговцевъ, рабочихъ онъ не имѣлъ почти никакого вліянія. Тѣмъ болѣе имъ зачитывались молодые академики, филологи, художники, вообще тѣ элементы населенія, которые рѣшающимъ образомъ вліяли на политику дантонистовъ, этихъ парламентскихъ представителей интел-

лигенціи. Вовсе не случайность тотъ фактъ, что сторонниками Дантона въ конвентѣ были почти исключительно литераторы, художники, актеры. Изъ юристовъ, кромѣ Дантона, къ этой группѣ примкнулъ одинъ только Сешель. Камиля Демулена юристомъ считать нельзя, онъ только литераторъ. Не случайность также и то, что за исключеніемъ немногихъ театральныхъ знаменитостей, какъ, напримѣръ, Тальма, принадлежавшихъ къ жирондистской партіи, почти всѣ парижскіе актеры второго и третьяго ранга симпатизировали дантонистамъ.

Этимъ характеромъ дантонистовъ въ конвентѣ объясняется то, что въ своихъ требованіяхъ по отношенію къ конституціи они уходили далеко впередъ отъ жирондистовъ, но, съ другой стороны, питали антипатію къ мелкому парижскому мѣщанству. Дантонисты хотѣли уничтожить старый режимъ, разрушить старыя оковы, задерживавшія экономическое развитіе, препятствовавшія проявленію свободной личности; они хотѣли упразднить старыя цеховыя и корпоративныя привилегіи, мѣшавшія соціальному подъему не только промышленныхъ классовъ, но и буржуазной интеллигенціи также; они хотѣли устранить всѣ сословныя перегородки и обезпечить возможность добраться до высшихъ государственныхъ ступеней каждому, кто получалъ необходимую для этого подготовку. Но политическій перевѣсъ ремесленнаго населенія, подчиненіе интеллигенціи народной массѣ и осуществленіе налоговой системы, выгодной интересамъ народныхъ массъ,—все это, по понятіямъ дантонистовъ, шло вразрѣзъ съ истинной свободой, все это вело къ анархіи.

Дантонисты глубоко уважали право собственности. Въ этомъ пунктѣ они не отставали отъ жирондистовъ. Разница лишь та, что жирондисты преимущественно защищали интересы и нужды дѣлового

капитала, а дантонисты добивались прежде всего обезпеченія доходности труда и свободы промысловъ. Обѣ партіи, какъ мы сказали,—фанатическіе защитники права собственности, а жирондистская печать даже обвиняла Демулена—и не безъ основанія—въ покровительствѣ ростовщичеству и спекуляціи.

Ни въ „Révolutions de France et de Brabant", ни въ „Vieux Cordelier" мы не находимъ у Демулена и слѣдовъ защиты соціалистическихъ или хотя бы только соціально-политическихъ мѣропріятій. Республиканское равенство Демуленъ сводилъ къ равенству въ правахъ. „Равенство" имущественное, по его мнѣнію, невозможно, нелѣпо. По Демулену, государство, даже тамъ, гдѣ этого требуетъ большинство гражданъ, не вправѣ отчуждать у крупныхъ землевладѣльцевъ часть ихъ владѣній для передачи ихъ голодающимъ крестьянамъ. „Выше общественной воли,—писалъ Демуленъ,—стоитъ законъ природы, соціальный договоръ. Право создать аграрный законъ никогда не можетъ принадлежать большинству". На той же точкѣ зрѣнія стоялъ Дантонъ. Когда, 20 сентября 1792 года, конвентъ открылъ свои засѣданія, Дантенъ потребовалъ, чтобы прежде всего, еще до обсужденія конституціи, было провозглашено: „Собственность всѣхъ родовъ неприкосновенна на вѣковѣчныя времена".

„Братство" Демуленъ опредѣляетъ, какъ благотворительность и человѣколюбіе, а „Свобода"—пишетъ онъ въ „Vieux Cordelier"—ничто другое, какъ незыблемость основныхъ положеній, которыя выражены въ деклараціи правъ человѣка".

Весьма понятно, что при такомъ либерально-капиталистическомъ міросозерцаніи дантонисты, послѣ основанія республики, могли относиться только подозрительно, съ большой опаской, къ политикѣ

парижской коммуны. На первыхъ порахъ силы поглощались борьбою противъ жиронды. Въ сущности между жирондистами и дантонистами было много общаго, и Дантонъ на первыхъ порахъ относился равнодушно къ борьбѣ жирондистовъ съ якобинцами. Но жирондисты сами заставили дантонистовъ занять враждебное имъ положеніе. Во-первыхъ, своимъ стремленіемъ ослабить вліяніе Парижа на судьбы всей Франціи; во-вторыхъ, своимъ стремленіемъ сдѣлать мѣстныя власти въ департаментахъ независимыми отъ центральнаго правительства въ Парижѣ. Интересамъ жирондистовъ эти проекты вполнѣ отвѣчали, такъ какъ ихъ сторонники преобладали въ значительнѣйшихъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ, т. е. внѣ Парижа. Дантонисты же имѣли свою главную опору, именно, въ Парижѣ. Къ этому присоединялась еще ненависть жирондистовъ къ отдѣльнымъ личностямъ изъ дантонистской партіи, въ особенности къ Демулену, за его публицистическую дѣятельность. Въ конвентѣ предсѣдательствовалъ дантонистъ Изнаръ, человѣкъ самонадѣянный и грубый, а жирондисты открыто потребовали преданія суду виновниковъ сентябрьскихъ избіеній, въ которыхъ видное участіе принимали Дантонъ и его приверженцы. На такое самоосужденіе не могли рѣшиться дантонисты, такимъ образомъ вынужденные содѣйствовать паденію Жиронды.

Но едва успѣли казнить вождей жирондистовъ (31 октября 1793 года), дантонисты стали готовиться къ борьбѣ противъ парижскихъ „крайнихъ революціонеровъ“. Для этой цѣли Демуленъ, по соглашенію со своими единомышленниками, а также съ нѣкоторыми якобинскими вождями, въ томъ числѣ съ Робеспьеромъ, основалъ „Vieux Cordelier“. Первый нумеръ вышелъ 5 фримера, 2-ой декады, II года, т. е. 6 декабря 1793

Первый нумеръ цѣликомъ направленъ противъ „крайнихъ революціонеровъ“, которыхъ Демуленъ обвиняетъ въ томъ, что ихъ подкупилъ англійскій министръ Питтъ. Обращаясь къ Питту, онъ пишетъ:

„Вчера въ засѣданіи якобинцевъ я узналъ о твоихъ ужасныхъ успѣхахъ и почувствовалъ, какимъ сильнымъ вліяніемъ ты пользуешься у насъ. Я вчера пріобрѣлъ полезныя свѣдѣнія, я узналъ число нашихъ враговъ. Уже эта партія (т. е. „крайніе революціонеры“) разрастается на той почвѣ, которую она успѣла завоевать во время болѣзни нашего Горація Коклеса (т. е. Дантона). Она, эта партія, носится съ другой мечтой—поработить себѣ все и всѣхъ. На трибунахъ и внутри собранія они глумятся надъ противниками, точно всѣ они уже всѣми осужденные. Если мы, однако, побѣдили, такъ это произошло послѣ сокрушительной рѣчи Робеспьера, талантъ котораго растетъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается опасность для республики. Эта рѣчь глубоко взволновала всѣхъ. Никто не могъ голосовать противъ Дантона, не расписываясь одновременно въ полученіи золота отъ Питта“.

Въ этомъ же духѣ написаны и другія статьи, въ которыхъ Демуленъ доказываетъ, что Питтъ подкупилъ вождей, „крайнихъ революціонеровъ“, дабы при помощи ихъ безумныхъ мѣропріятій дискредитировать республику.

Въ слѣдующемъ нумерѣ, отъ 20 фримера (21-го декабря), Демуленъ точнѣе опредѣляетъ, кого надо разумѣть подъ ультра-крайними: онъ указываетъ на Марата, Анахарсиса Клотца, Анаксагора Шометта. Третій нумеръ, отъ 25 фримера (26 декабря 1793 года) заключаетъ въ себѣ 30 страницъ и, подъ видомъ разбора государственныхъ преступленій эпохи

римскихъ императоровъ, даетъ безпощадную критику террористическаго режима.

„Посмотрите — восклицаетъ онъ, — какъ мы стоимъ среди двухъ пропастей! Съ одной стороны—необузданная клика, ультра-революціонныя мѣропріятія которой дѣлаютъ насъ предметомъ отвращенія для всей Европы; съ другой стороны — умѣренность въ траурѣ, потому въ траурѣ, что мы благоразумны и стараемся избѣгать крайностей. Она въ траурѣ, и вотъ, при помощи толпы женщинъ врывается въ комитетъ общественнаго спасенія, хватаетъ меня за горло, требуетъ, чтобъ конвентъ раскрылъ двери всѣхъ тюремъ и вмѣстѣ съ извѣстнымъ числомъ несомнѣнно добрыхъ гражданъ выпустилъ на свободу цѣлыя толпы контръ-революціонеровъ".

Въ слѣдующемъ, четвертомъ, нумерѣ Демуленъ пишетъ:

„Декларація правъ человѣка, мягкость основныхъ республиканскихъ началъ, священное равенство, неприкосновенность принциповъ—гдѣ слѣды всѣхъ этихъ божественныхъ идей? Покажите мнѣ, гдѣ они, какъ, по какимъ признакамъ, распознаются блага божественной свободы? Она, эта свобода, развѣ нѣчто большее, чѣмъ простое названіе? Развѣ она не уподобилась оперной пѣвицѣ, прогуливающейся въ красной шапочкѣ, или статуѣ въ 46 футовъ, проектированной Давидомъ *)? О, мои любезные сограждане, не станемъ унижаться, преклоняясь предъ этими божествами".

---

*) Живописецъ и якобинецъ Жакъ-Луи Давидъ въ эпоху революціоннаго террора занималъ должность директора государственныхъ музеевъ. Ему принадлежитъ проектъ статуи свободы.

И затѣмъ, тотъ же Демуленъ, праздновавшій октябрьскія избіенія, добившійся казни бриссотинцевъ (сторонниковъ Бриссо, о которомъ говорилось выше), который пятью днями раньше былъ противъ освобожденія контръ-революціонеровъ, тотъ же Демуленъ внезапно дѣлаетъ поворотъ, взываетъ къ человѣколюбію и милосердію:

„О, эта свобода, сошедшая съ небесъ!... Хотите, чтобъ я призналъ ее, чтобъ я палъ передъ нею ницъ, чтобъ я свою кровь за нее пролилъ? Такъ откройте же двери настежъ, освободите 200,000 гражданъ, которыхъ держите по подозрѣнію, ибо декларація правъ человѣка не знаетъ тюремъ для заподозрѣнныхъ. Она знаетъ просто тюрьмы... Я думаю иначе, чѣмъ тѣ, которые увѣряютъ васъ, что царство террора еще необходимо. Я напротивъ того убѣжденъ, что свобода упрочится, и Европа проникнется довѣріемъ къ намъ, если вы учредите комиссію по дѣламъ человѣколюбія и милосердія".

Приведенныя выписки даютъ вѣрное представленіе о газетѣ „Vieux Cordelier", насчитывающей всего семь нумеровъ. Въ лагерѣ демократическаго мелкаго мѣщанства они вызывали негодованіе, а самого Демулена въ этомъ лагерѣ обвиняли въ сношеніяхъ съ реакціоннымъ генераломъ Диллономъ. Клубъ кордельеровъ исключилъ Демулена изъ своихъ списковъ; исключенія изъ клуба якобинцевъ требовалъ Гебертъ. Тщетно Робеспьеръ и Дантонъ пытались помѣшать исключенію, которое при тогдашнихъ условіяхъ было равносильно осужденію. Историки революціи обыкновенно изображаютъ дѣло такъ, что Робеспьеръ подготовилъ паденіе Демулена, но это — явная нелѣпость. Именно, вслѣдствіе стараній Робеспьера члены парижской коммуны взошли на эшафотъ двѣнадцатью днями раньше, чѣмъ дантонисты.

100 БЕЗПЛАТНО

100 выпусковъ.

Библіотеки освободительнаго движенія . . . 32
(болѣе 2000 стран.)
Русская сатира въ дни свободъ (250 стран.) . . . 4
Политической библіотеки (болѣе 1500 стран.) . . 24
Популярно-научной библіотеки (болѣе 2500 стран. 40

А также: 100 выпусковъ.

Иллюстрированные художественно-литературные журналы:

„НОВАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ и „ОГОНЕКЪ“,

получатъ подписчики издаваемой С. М. Проппероmъ 27-ой годъ

1 Руб. 25 коп. три мѣс. большой политической, общественной и литературной ежедневной газеты „БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ“ ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ. 5 Руб. за годъ съ перес.

Подробное объявленіе высылается безплатно.

Главная Контора „Биржевыхъ Вѣдомостей“:
С.-Петербургъ, Галерная, 40.